

Р.С. Джендубаев

ИМЕНА ГЕРОЕВ БЕССМЕРТНЫ

*Моим землякам - Ветеранам
Великой Отечественной войны
посвящаю*



Сестренке Ивобана
даю книгу в память
от её мамы Оскара
Бернгардта Карданова,
с рождением своего сына
в мою родину - Сербия
из Женевы в 1892 году
и горю в сердце и любви
своей матери Ивоба!

Ивобан

12.09.07г.

2. 12.09.07г.

11.09.07г. - 11.09.07г.

Печатается по решению редакционно-издательского совета Карачаево-Черкесского государственного университета

Р.С. Джендубаев. Имена героев бессмертны. Очерки о героях и участниках Великой Отечественной войны. — Карачаевск: КЧГУ, 2007. — 268 с.

ISBN 978-5-8307-0102-0

Ответственный редактор: **С.У. Пазов**

Сборник художественных и документальных очерков Р.С. Джендубаева, руководителя Карачаево-Черкесского республиканского Общества охраны памятников истории и культуры, является своеобразным памятником героям Великой Отечественной войны. Включенные в сборник очерки ранее опубликованы и получили положительный отклик в периодической печати.

Издание приурочено к 450-летию юбилею добровольного вхождения народов Карачаево-Черкесии в состав Российского государства и призвано оказать помощь педагогической общественности в деле воспитания молодежи в духе патриотизма и высокой нравственности.

Книга издана при спонсорской поддержке фирмы **ДАИС**
Генеральный директор **А.Х. ЧАГОВА**

ISBN 978-5-8307-0102-0

© Р.С. Джендубаев
© Карачаево-Черкесский государственный университет, 2007

Книга нужная и полезная (вместо предисловия)

Меня, как человека сугубо военной профессии, особенно огорчает, что в последнее время так мало уделяется внимания патристическому воспитанию молодежи, и почти не издаются книги по этой важной тематике.

И обращение ко мне журналиста Джендубаева Р.С. ознакомиться с материалами его будущей книги «Имена героев бессмертны» оказалось доброй новостью. И дело не только в том, что это очерки о жизни и подвигах ветеранов Великой Отечественной войны, а еще эта книга о моих земляках.

Я не без гордости называю их так, потому что с 1989 по 1999 годы работал военным комиссаром Карачаево-Черкесии. Позже моя служба продолжилась в Читинской области. После ухода в запас я вновь вернулся в Республику, где и работаю по настоящее время.

С большим интересом прочел я рукопись Джендубаева и будто снова встретился с героями очерков, многих из которых уже нет среди нас.

Благородное дело совершено Рауфом Сольмановичем, увековечившим память патриотов. За это я ему искренне благодарен.

С автором мы знакомы давно, еще с тех лет, когда я возглавлял военный комиссариат, а он — общество охраны памятников истории и культуры. Мы часто встречались на различных мероприятиях, связанных с вопросами по открытию памятников героям-землякам.

Как журналисту по военной тематике Джендубаеву я охотно содействовал в ознакомлении его с нашими архивными материалами. Он всегда был дотошен и педантичен в работе с документами и потому труд его получился, бесспорно, достоверным. Несомненен и его художественный талант, который проявился в описаниях различных боевых ситуаций и, особенно, портретов своих героев. Поэтому очерки Джендубаева очень близки моей военной профессии, моей человеческой сути.

Великая Отечественная война 1941 — 1945 годов, навязанная Советскому Союзу фашистской Германией, являлась важнейшей и

решающей частью Второй Мировой войны, вовлекшей в огненные бури 61 государство и 80 процентов населения Земли. Боевые действия велись на территории 40 государств, а также на морских и океанских театрах. Самые масштабные и напряженные сражения происходили в Европе. Именно здесь развернулась борьба между Вооруженными силами СССР и Германии с ее сателлитами, не имевшая по ожесточенности и размаху исторических аналогов. В течение 1418 дней и ночей полыхали кровавые битвы на пространстве от Скандинавии до Балкан по фронту от Буга до Волги, и обратно вплоть до Эльбы и Влтавы по глубине, унесшие и искалечившие миллионы человеческих жизней.

Идет 62 год, как окончилась Великая Отечественная война советского народа. На карте уже нет той страны – СССР, которая в ней победила «коричневую чуму 20 века». Уходят годы и уходят победители той войны, они уходят сквозь патриотизм – от слова патриоты. Это те люди, которые завоевали своими жизнями и кровью эту победу.

Автор книги «Имена героев бессмертны» сделал большую исследовательскую, «уникальную» в своем роде работу, по крупицам собрал, обобщил и написал эту книгу. Эти рассказы – долг памяти и хорошее средство военно-патриотического и интернационального воспитания российской молодежи.

Наши земляки воевали на всех фронтах этой, поистине Великой Отечественной войны: на Севере и Юге, Востоке и Западе, а закончилось все на Дальнем Востоке разгромом милитаристской Японии.

Герои очерков Р.С. Джендубаева прошли через многие испытания войны, очень грязной, трудной и смертельно опасной. На эту работу нужно было решиться с чистой совестью и иметь четко поставленную задачу патриота – уничтожить своих врагов, которые пришли, разбомбили, истерзали и разграбили Родную Землю.

Настоящая книга посвящена людям, которые победили в этой Великой войне, и предназначена широкому кругу читателей, особенно молодежи. Хотелось бы отметить, что каждый очерк Джендубаева пронизан духом интернационализма, патриотизма и высокой нравственностью. Автором уделено большое внимание конкретным биографиям героев, чья жизнь была направлена на

развитие куначества между горцами и представителями русскоязычных народов.

Выпуск данной книги является для Республики знаменательным событием, так как попадет она в руки читателя в канун славного 450-летнего юбилея добровольного вхождения народов Карачаево-Черкесии в состав Российского государства. Вне всякого сомнения, сборник «Имена героев бессмертны» станет хорошим методическим подспорьем учителям, работникам молодежных организаций, культурно-просветительных учреждений и всех тех, кто призван заниматься воспитанием подрастающего поколения в духе патриотизма, укрепления братских отношений народов нашей многонациональной Карачаево-Черкесии.

Генерал-майор Ю.К. Злыгостев

Немного о себе (от автора)

Главная цель этой книги — увековечить в памяти народа ратные и трудовые подвиги наших земляков, чья жизнь уже сама по себе является подвигом, совершенным во имя России, во имя светлого будущего потомков.

Для меня лично само прикосновение к биографиям героев явилось большой честью. Взяв на себя такую высокую миссию, как создание в память о героях памятника в виде сборника моих журналистских изысканий, считаю необходимым, прежде всего, представиться уважаемому читателю.

Я родился 25 октября 1927 года в ауле Инжиц-Чукун Хабезского района (в прошлом аул Лоовско-Зеленчукский Эльбурского округа). В 1948 году окончил Черкесскую областную национальную среднюю школу-интернат, а затем отделение русского языка и литературы Черкесского государственного учительского института, по окончании которого в августе 1950 года был направлен на работу завучем и преподавателем русского языка и литературы в семилетнюю школу аула Кубина Хабезского района. Затем работал ее директором, заведовал учебной частью семилетней школы аула Жако.

В январе 1955 года был избран первым секретарем Хабезского райкома ВЛКСМ, через год вступил в КПСС. С этого времени и до начала семидесятых годов занимался комсомольской и партийной работой. Моя служебная и общественная деятельность, как в этот период, так и позже, была связана с воспитанием людей и особенно молодежи и, прежде всего, с воспитанием патриотическим. Руководил отделом пропаганды и агитации Хабезского райкома КПСС, два года возглавлял редакцию общественно-политического вещания одного из отделов областного радиокомитета, работал секретарем парткома укрупненного колхоза «Кубань» Прикубанского района, руководителем лекторской группы Карачаево-Черкесского обкома КПСС.

Заочно окончил Ставропольский пединститут, получил второе высшее образование в Ростовской высшей партийной школе.

После продолжительной болезни был направлен в областной совет профсоюзов, где 17 лет возглавлял мною же сформированный отдел по культурно-массовой работе.

Выйдя на пенсию, с декабря 1989 года по 31 декабря 2005 года, я продолжил трудовую деятельность в Карачаево-Черкесской организации общества охраны памятников истории и культуры заместителем председателя, а затем — председателем президиума совета. Сегодня продолжаю исполнять обязанности председателя этой организации на общественных началах. Нашей организацией сделано немало для того, чтобы увековечить память защитников Отечества: оказывалось содействие в сооружении памятников, установке мемориальных досок. По нашей инициативе и при финансовой поддержке поисковым отрядом КЧГА под руководством В.Х. Шебзухова обследованы все памятные знаки, установленные на перевалах Карачаево-Черкессии в честь погибших героев заоблачных крепостей, оформлены фотоальбомы боевых действий на Клухорском, Марухском перевалах, Архыз-Лабинском направлении. Один из комплектов подарен поисковому отряду «Подвиг».

Являюсь бессменным членом президиума совета республиканской организации ветеранов, возглавляю ее общественную комиссию по увековечению памяти защитников Отечества.

Работая в СМИ, вступил в Союз журналистов и всю дальнейшую жизнь с журналистикой не расстаюсь. Главная тема моих публицистических материалов — освещение подвигов участников Великой Отечественной войны. Сам я по возрасту не успел попасть на войну, но знал очень многих фронтовиков и отношусь к тому поколению, которое своими еще неокрепшими руками приближало Победу в тылу, заменив отцов и старших братьев в цехах и на полях. Не понаслышке знаю о воинской службе — имею воинское звание капитана.

Как труженик тыла имею звание ветерана войны, награжден медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.», которой особенно дорожу, рядом юбилейных военных наград. Моя многолетняя трудовая деятельность отмечена званием ветерана труда. Награжден медалью «Ветеран труда», юбилейными медалями «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В.И. Ленина», «100 лет профсоюзам России», двумя почетными знаками Всероссийской организации

ветеранов, многими грамотами и дипломами, удостоен звания «Заслуженный работник культуры Карачаево-Черкесской Республики».

Мне посчастливилось лично быть знакомым со многими замечательными людьми, прошедшими Великую Отечественную войну. В их числе Почетный гражданин города Черкесска, военный журналист, полковник в отставке, бывший военком области Валентин Алексеевич Нежинский и сменивший его на этом посту полковник Зиновий Агеевич Сибирцев, которые помогали мне на творческом поприще. Особую благодарность мне хочется высказать в адрес ныне генерал-майора Ю.К. Злыгостева, который возглавлял Карачаево-Черкесский военкомат в 1989 – 1999 годах.

Мои очерки постоянно публиковались в периодической печати Карачаево-Черкесии. Было опубликовано более шестидесяти очерков и документальных повестей из моего творческого багажа. Они и составили в основном мой первый литературно-публицистический сборник «Имена героев бессмертны». Шесть очерков о наших земляках-участниках Великой Отечественной войны вошли в коллективный сборник «Этих лет не смолкнет слава», 20 наименований моих документальных произведений включены в историко-библиографический сборник, изданный Карачаево-Черкесским институтом гуманитарных исследований. Кроме того, я являюсь одним из рецензентов научного труда «Книга славы. Книга памяти (абазины в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.)», которая подготовлена доктором исторических наук М. Тхайцуховым.

Предоставляя на суд читателя книгу, надеюсь, что этот мой скромный памятник героям послужит не только, как дань их светлой памяти, но и для приумножения патриотических чувств живущих ныне на земле России и будущих поколений. Хотелось бы, чтобы она имела ценность для читателя и как пособие в канун подготовки к празднованию добровольного вхождения Карачаево-Черкесии в состав Российского государства.

Горячее небо

В газете «День республики» от 14 октября 1995 г. с большим волнением прочитал сообщение об Указе Президента РФ Б.Н. Ельцина от 05.10.95 г. за № 1018 о присвоении звания Героя Российской Федерации Солтану-Хамиду Локмановичу Биджиеву за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов.

С Солтаном я был знаком с начала 60-х годов, в пору работы в партийных органах. Наши встречи всегда были обоюдно желанными. Человек он был очень скромный, душевный, обладал какой-то притягательной силой.

В ноябре 1968 года я участвовал в работе Всесоюзного семинара лекторов, организованного ЦК КПСС и Всесоюзным обществом «Знание». Вернувшись в Черкесск, встретил работавшего тогда собственным корреспондентом газеты «Ставропольская правда» В. Филиппенко. В беседе с ним я упомянул о встрече участников семинара с дважды Героем Советского Союза летчиком-космонавтом Г.Т. Береговым и о его автографе в книге «Цель жизни» авиаконструктора Яковлева.

Информация об этом была опубликована в газете «Ставропольская правда» на первой полосе.

Я вспомнил об этой газетной заметке потому, что она послужила для углубления наших связей с Солтаном Биджиевым. Вскоре после ее опубликования он приехал в обком КПСС по каким-то делам, связанным со строительством в Зеленчукском районе.

Зашел ко мне, и первыми его словами были: «Поздравляю тебя со знакомством с моим фронтовым другом Жорой Береговым». Я удивился. Тогда Биджиев показал мне журнал «Крылья Родины». Впервые на его страницах публиковалась повесть Г.Т. Берегового «Небо начинается на земле». Эта повесть (а точнее, мемуары, дополненные и доработанные издательством «Молодая гвардия») была издана отдельной книгой под этим же названием в 1976 году. Экземпляр книги с автографом хранится в семье Биджиевых. Ручкой автора написано: «Солтану Биджиеву в память о горячем небе нашей молодости». Береговой. 21.09.78 г.».

Вот что написал в книге дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт, генерал-майор Г.Т. Береговой:

«Однажды четверка наших «илов», спалив автоколонну (имеется в виду противника – Р.Д.) возле Житомира, возвращалась к себе на базу под прикрытием истребителей, шли весело. И, как всегда, после напряженных минут боя языки у всех развязались. Кто-то, кажется, Солтан Биджиев (цитирую дословно по книге – Р.Д.), все время пытался запеть, но мешал Пряженников.

– Солтан! А Солтан! – басил в наушниках его голос. – Почему ты долбал по колонне только из стволов? А «капустку» куда? Под свои сто граммов решил оставить? («Капусткой» Пряженников называл ПТАБы – противотанковые авиационные бомбы...)

– Пустой ты человек, Саша, – добродушно огрызнулся Биджиев. – «Капустку» не для меня – для «тигров» надо беречь, сам знаешь, они вегетарианского не любят... А грузовик и из ствола очень даже хорошо сковырну...

Шутки и смех прекратились с появлением немецких самолетов «мессеров» двумя группами по шесть.

... Немцы появились настолько внезапно, что уклониться от боя было уже поздно, – продолжал автор. – Чтобы принять решение, оставались считанные секунды. Можно было, конечно, пикернуть и, прижимаясь к земле, попытаться уйти к своим. Но истребителям прикрытия тогда – крышка. Трое против одного – дело безнадежное... К тому же, мелькнуло у меня в голове, Биджиев, Кумсков, Пряженников – летчики что надо. Каждый понимает все с полуслова, а нет – так и вообще без слов...

Всей группой мы снизились до высоты двух десятков метров, или, как говорят летчики, «легли на живот», не давая немцам зайти снизу, и все время меняли строй так, чтобы каждый попеременно становился то ведомым, то ведущим, создавая тем самым наиболее выгодные для воздушных стрелков условия, чтобы отражать атаки фашистских «мессеров».

– Нельзя сказать, – продолжал Береговой, – чтобы это было легким и простым делом, но ничего другого нам не оставалось. Вести бой на равных при разности скоростей в полтора-два километра значило бы, что все четыре «ила» через минуту-другую превратились бы в четыре факела. А меняя строй и страхуя друг друга, нам удалось отвлечь на себя восьмерку противника, не под-

пуская его в то же время достаточно близко. Откуда бы не заходили «мессеры» на атаку, везде их встречали пулеметные трассы. Показавшаяся поначалу легкой добыча оказалась фашистам не по зубам, все до одной машины вернулись на базу целыми и невредимыми.

В этом бою истребители прикрытия подожгли двух «мессершмиттов». Так прославленный летчик-командир эскадрильи и ведущий группы Г.Т. Береговой описал один эпизод боя с участием Солтана Биджиева, дал ему высокую характеристику. А сколько таких эпизодов было за время его участия в боях?

Для полноты характеристики Солтан-Хамида сошлось еще на одну книгу под названием «Четверо суток и вся жизнь» – автор Георгий Сомов (М., Политиздат, 1972).

«Когда в полку появился Солтан Биджиев, большинство летчиков в эскадрильи Берегового насчитывали солидное количество боевых вылетов. И все же Биджиеву на удивление быстро удалось сравняться с ними в мастерстве, занять по праву в их строю должное место. Этот смуглый, с ранней в свои двадцать три года сединой, в иссиня-черных волосах лейтенант оказался из тех, кого называют прирожденным летчиком. Но помимо таланта и великолепных природных данных, он отличался еще одним очень важным для боевого летчика качеством – спокойным, ровным, прочным, как скала, упорством. И огромным желанием воевать. Воевать, как можно скорее и как можно больше...»

Эти качества закладывались и в период учебы в Днепротетровской школе пилотов, Молотовской военно-авиационной школе пилотов. Последнюю он окончил с оценками «5» по всем изученным предметам. И не случайно, что ему было присвоено звание младший лейтенант, в то время, как большинство курсантов из школы выходили младшими командирами.

Член КПСС с 1940 года не мог иначе относиться к учебе и воинскому долгу!

Как видно из биографической справки, опубликованной в «День республики», боевые подвиги С.Х. Биджиева были высоко оценены Родиной. Он награжден тремя орденами: Красного Знамени, Отечественной войны 1-й степени и Красной Звезды.

Как выяснилось нынче, этими наградами не была исчерпана оценка его фронтовых заслуг.

В ту пору существовал приказ Верховного Главнокомандования, согласно которому летчиков, имевших более семидесяти успешных вылетов, рекомендовать представлять к присвоению звания Героя Советского Союза.

В названной мной биографической справке записано, что летчик штурмовой авиации С.Х. Биджиев совершил девяносто один вылет, однако к высокому званию он не был представлен.

В июле 1944 года он был отозван с фронта по причине «неблагонадежности».

Летчику высокого класса С.Х. Биджиеву с горечью в сердце пришлось покинуть свой родной 90-й штурмовой гвардейский полк, в копилку славы которого он внес немало и своего ратного труда.

Фронтовые друзья С.Х. Биджиева, в том числе и сам Г.Т. Береговой, возмущались такой несправедливостью по отношению к своему боевому другу, но ничем ему помочь не смогли.

И все же, учитывая фронтовые заслуги, его направили в распоряжение Южно-Уральского военного округа летчиком-инструктором 2-го Чкаловского военно-авиационного училища, где он прослужил до октября 1945 года. С этого времени по май 1948 года он был старшим летчиком авиаэскадрильи научно-исследовательских ведомств. Дослужился до звания капитана.

После увольнения из рядов Вооруженных Сил С.Х. Биджиев работал в Чкаловской области директором ряда школ системы народного образования. Окончил педагогический вуз, а диплом учительского института он получил еще в 1940 году в городе Микоян-Шахаре (ныне Карачаевск).

Вернувшись на родину в июле 1958 года, он работал в обкоме КПСС инструктором, лектором, а после окончания курсов по переподготовке советских и партийных работников при ЦК КПСС – инструктором отдела партийных органов Ставропольского крайкома КПСС.

С августа 1961 года по январь 1965 работал секретарем Зеленчукского райкома партии, а с 1965 по 1968 годы – заместителем начальника строительного управления № 841.

В 1969–1977 годах Биджиев возглавлял филиал, а затем и завод «Микрокомпонент» – «Спираль». С его именем связано становление этого крупного, оснащенного современной техникой предприятия, создание многонационального рабочего коллектива.

За большой вклад в развитие промышленных предприятий Карачаево-Черкесии он удостоен ордена «Знак Почета» и множества почетных грамот.

В трудовых коллективах он пользовался заслуженным авторитетом. К нему, как к боевому летчику – соратнику дважды Героя Советского Союза Г.Т. Берегового, и безупречному, скромному труженику, все, кто его знал, относились с большим почтением.

Когда Солтан-Хамид Локманович узнал, что Береговой полетел в космос, он послал поздравительную телеграмму с пожеланием успешного полета. Ответ Берегового Солтан-Хамид получил после возвращения космонавта на Землю.

Встречались побратимы в г. Сочи, где собрались однополчане, в Москве, куда Солтан-Хамид приезжал в командировку. А летом 1978 года Георгий Тимофеевич с супругой приехал к своему фронтовому другу Солтан-Хамиду из Кисловодска. Приезд этот носил частный характер. Гостям показали мемориал-памятник защитникам перевалов Кавказа, обсерваторию, побывали они в Архызе, дома у Биджиевых.

Став не только крупным военачальником, но и государственным и общественным деятелем, Г.Т. Береговой не имел возможности часто встречаться с другом. Но переписку с Солтан-Хамидом он не прекращал. В архиве Биджиева немало фотографий, запечатлевших его с Береговым, открыток с поздравлениями.

Солтан-Хамид и его супруга Мария Ивановна вырастили троих детей. Все они получили высшее образование, трудятся в разных сферах народного хозяйства.

Я встретился с этой семьей на сходе рода Биджиевых в станице Красногорской. Семейному празднику, естественно, придавало особую значимость присвоение высокого звания Героя России Солтан-Хамиду Локмановичу Биджиеву. Жаль только, что не узнал об этом сам герой. Умер он за два месяца до того дня, когда Родина воздала должное его подвигу в годы Великой Отечественной войны. Еще раньше не стало Георгия Тимофеевича Берегового, который, несомненно, обрадовался бы этому событию в жизни своего фронтового друга.

Ушли герои из жизни, оставив добрую память о себе. Дорожить этой памятью, следовать в большом и малом примеру героических защитников Отечества – долг всех живущих на нашей земле.

Почетный гражданин республики

Его биографии хватило бы на троих профессионалов. Студент Ленинградского института журналистики Валентин Нежинский проходил дипломную практику в газете «Коммунист Таджикистана», когда разразилась Великая Отечественная война. По слабости зрения он был снят с военного учета, но рвался на фронт, в газету, без чего не представлял себе будущего. Окончив ускоренные курсы пехотного и военно-политического училищ, он полгода работал ответственным секретарем в газете «Мы победим» 215-й стрелковой дивизии, а затем был назначен старшим инструктором политотдела 10-й гвардейской армии.

После войны майор Нежинский решил уволиться в запас, но волею судьбы оказался в числе слушателей Военно-дипломатической академии, которую комплектовал отдел кадров ЦК КПСС, и отказаться от пребывания там не представлялось возможным. После академии Нежинский проходил спецподготовку в Главном разведывательном управлении, далее были трехгодичная заграникомандировка, работа в Генштабе, а затем перевод в Главное мобилизационное управление и двадцать один календарный год в войсках. Звание полковника Валентину Алексеевичу присвоено в 1959 году. Кадровый военный был еще и талантливым литератором, автором восьми книг, ученым-исследователем, автором глав в двухтомнике «Очерки истории Карачаево-Черкесии» и ряда вышедших в Ставрополе научно-популярных статей, сборников, эрудитом в вопросах военной истории.

Совсем не случайно свой очерк о Валентине Алексеевиче Нежинском, не дожившим до 60-летия Победы всего пять месяцев, я назвал «Почетный гражданин республики». Пожалуй, нет такого уголка в Карачаево-Черкесии, где бы не знали этого широко образованного, необыкновенно интеллигентного, с первой минуты знакомства располагающего к себе человека.

Его мудрость заключалась в простой философской формуле: твори на земле только добро, чтобы жизнь обрела подлинную ценность. Более трех десятков лет я был знаком с этим удивительным человеком, для которого творить добро было смыслом жизни.

Не вдаваясь в подробности его биографии, отмечу, что еще в предвоенные годы Валентин Алексеевич работал собкором газеты

«Заря Востока» в Аджарии. Начав трудовую жизнь подростком, после средней школы он окончил строительный техникум, далее Ленинградский институт журналистики. Снова учился в военном училище.

Офицером Нежинского сделала война. Он кавалер четырех боевых орденов, награжден множеством медалей.

...По возвращении из «загранки» Валентин Алексеевич, продолжая работать в разведуправлении Генштаба, начинает печатать под псевдонимом военно-политические обзоры в газете «Красная звезда». Его обзоры обращают на себя внимание целого ряда военных журналов.

В 1953 году в связи с сокращением Вооруженных Сил Нежинского направляют военкомом Апшеронского межрайонного объединенного военкомата.

С 1958 по 1962 годы он являлся военным комиссаром Карачаево-Черкесии. Выйдя в 1962 году на заслуженный отдых, Валентин Алексеевич всецело посвящает себя журналистике.

В ту пору я уже был близко знаком с Валентином Алексеевичем. Его статьи и очерки часто публиковались на страницах республиканской прессы. С середины 60-х годов, когда я работал заведующим лекторской группой обкома партии, наши отношения стали более тесными.

При подготовке материалов к юбилейным датам Вооруженных Сил мы часто обращались к нему за консультацией, советом, уточнением каких-либо фактов и цифр. Он оставался для нас главным консультантом по вопросам Великой Отечественной войны.

Меня всегда поражала его почти феноменальная память. Тогда мы еще не располагали достаточно полной информацией о минувшей войне и участии в ней наших земляков — отважных сынов и дочерей Карачаево-Черкесии.

Именно благодаря усилиям и настойчивым поискам Валентина Алексеевича многие «белые» страницы Великой Отечественной войны до и после периода оккупации Карачаево-Черкесии фашистами стали достоянием общественности. Любой опубликованный материал Валентина Нежинского о войне вызывал живой отклик ученых, читателей, пропагандистов — что там говорить, в те годы жители Карачаево-Черкесии с нетерпением ждали новых ста-

тей и очерков Нежинского, в которых он описывал ранее неизвестные события и факты.

На основе архивных материалов, трижды проверенных и перепроверенных, сопоставленных с другими данными, Валентин Алексеевич рассказывал людям правду о жестокой войне, унесшей миллионы человеческих жизней.

Валентина Алексеевича Нежинского можно смело назвать зачинателем разработки военно-патриотической темы в публицистике Карачаево-Черкесии.

По количеству опубликованных книг, журнальных и газетных очерков, статей, документальных рассказов на всех языках народов многонациональной Карачаево-Черкесии ему нет равных.

Все книги Валентина Алексеевича документальные. В их числе – «Под боевыми знаменами», «Солдаты умирают с оружием», «От Кавказа до Берлина», «Звезды Героев», кстати, выдержавшая два издания, и другие. Народы Карачаево-Черкесии навсегда останутся благодарны Валентину Алексеевичу Нежинскому за восстановление исторической справедливости в отношении многих наших земляков, совершивших на полях сражений Великой Отечественной войны беспримерные подвиги и не получивших по той или иной причине заслуженных наград.

Исследовательско-поисковую деятельность Нежинского с полным основанием можно назвать подвигом во имя правды, справедливости, а по большому счету – подвигом во имя жизни на земле.

Расскажу лишь об одном факте, хорошо мне известном, поскольку совместно с Валентином Алексеевичем решалась проблема возвращения доброго имени отважного воина сильного духом человеку.

Уроженец аула Псыж Замахшери Османович Кунижев, участвуя в войне с белофиннами, в феврале 1940 года за совершенный подвиг был первым в Карачаево-Черкесии удостоен высокого звания Героя Советского Союза. Номер его медали «Золотая Звезда» – 342-й.

А вскоре началась Великая Отечественная война, в которой парень из абазинского аула Псыж участвовал с первых же дней.

В одном из жестоких боев в районе Орши Замахшери Османович был тяжело ранен и контужен. После излечения его комиссовали, и он вернулся домой.

Его возвращение в родной аул совпало с оккупацией Карачаево-Черкесии немцами. А тут неожиданно открылись боевые раны, и самостоятельно передвигаться Кунижев практически уже не мог. Мог ли знать тогда отважный солдат, что, оставаясь на оккупированной территории, он подписывает себе приговор?

Именно за это Замахшери Османович был позже осужден военным трибуналом на 10 лет заключения. Увы, таковы были тогда «драконовские» законы сталинской эпохи.

Разумеется, с того периода имя Кунижева было вычеркнуто из летописи героических подвигов славных сынов Карачаево-Черкесии.

Вернувшись из заключения, Замахшери Османович работал на предприятиях Черкесска до выхода на заслуженный отдых, оставив о себе среди коллег и друзей добрую память...

В начале 60-х годов, будучи секретарем парткома колхоза «Кубань» (куда входил и аул Псыж), я начал интересоваться у жителей аула непростой судьбой их земляка Замахшери Османовича Кунижева.

– Немцам никогда не прислуживал, – вспоминая те далекие годы, в один голос отвечали старожилы.

Позже, работая в аппарате обкома партии, я попытался через соответствующие органы поднять вопрос о пересмотре уголовного дела в отношении Кунижева, восстановить его в звании и правах.

– Нет оснований для пересмотра, – был неизменный ответ.

В это время Валентин Алексеевич Нежинский практически завершил поиск необходимых документов в архивах Минска и Москвы для представления нашего земляка, отважного партизанского командира Османа Касаева к званию Героя Советского Союза, которое было посмертно присвоено уроженцу Хурзука накануне 20-летия Великой Победы.

И я решил посоветоваться с полковником Нежинским по поводу дела Замахшери Османовича Кунижева.

Валентин Алексеевич сразу проявил заинтересованность, правда, заметив, что в местных официальных органах этот вопрос решить будет практически невозможно.

Так начался долгий путь к торжеству справедливости. Встречи с родными, близкими, односельчанами Кунижева, многочисленные запросы в различные инстанции, бесконечная работа в архивах... Нежинскому долго не удавалось добиться каких бы то ни было результатов.

И тогда он решил встретиться со своим бывшим шефом по Главному разведуправлению – Маршалом Советского Союза Матвеем Васильевичем Захаровым, ставшим позже начальником Генерального штаба Советской Армии.

На аудиенции у маршала Валентин Алексеевич подарил ему свою книгу «Под боевыми знаменами» с дарственной надписью и подробно рассказал видному советскому военачальнику о полной драматизма судьбе Замахшери Османовича Кунижева – рядового солдата двух войн, достойно выдержавшего свалившуюся на него впоследствии жестокою несправедливостью.

Несмотря на то, что процедура восстановления высокого воинского звания была в ту пору чрезвычайно сложной, маршал Захаров пообещал помочь и, надо сказать, сдержал данное Валентину Алексеевичу слово.

В 1970 году уголовное дело Замахшери Османовича Кунижева было пересмотрено, обвинения сняты полностью, и он был восстановлен в звании Героя Советского Союза и соответствующих этому званию правах. Хотя орденские знаки репрессированным не возвращались, для З. Кунижева было сделано исключение.

Орден Ленина и медаль «Золотая Звезда» вручил Кунижеву в торжественной обстановке бывший председатель Карачаево-Черкесского облисполкома Магомет Абдурзакович Боташев. Обычная пенсия была заменена Герою на персональную.

Замахшери Османович Кунижев умер 5 апреля 1992 года в возрасте 76 лет, похоронен в родном ауле Псыдж, на могиле установлен памятник с соответствующей его званию надписью. Именем этого славного ветерана названа центральная улица аула. И можно только благодарить Всевышнего, что среди нас нашелся человек, сумевший вопреки всему добиться восстановления справедливости.

...Теперь, мысленно перебирая в памяти все, что было сделано Валентином Алексеевичем Нежинским, я понимаю, что по-другому он просто не мог жить и творить.

Впрочем, история с Кунижевым – не единственный пример того, как Валентин Алексеевич, не жалея ни сил, ни времени, ни здоровья, шел далеко не легким путем для достижения правды истории минувшей войны и правды о славных защитниках Отечества – наших земляках.

Достаточно вспомнить, что при самом активном участии В. Нежинского, совместно с общественными организациями и органами государственной власти, после повторного представления были посмертно присвоены звания Героя Советского Союза Осману Касаеву, Умару Хабекову, Халмурзе Кумукову, Александру Калоеву, Героя России – Юнусу Каракетову, Кичибатыру Хаиркизову, Охиду Карданову, проявившим мужество и храбрость на полях сражений.

Добиться этого было нелегко. Нужны были настойчивость, обоснованность представляемых документов.

Очерки Нежинского о Героях Советского Союза и России Георгии Бутаеве, Андрее Енжиевском, Мурате Карданове, Харуне Богатыреве, Александре Калоеве, Сергее Белане, Дмитриии Старикове, кавалере ордена Славы трех степеней Кериме Бежанове и других воинах, погибших и умерших в послевоенное время, а также ныне живущих ветеранах, являются бесценным материалом для военно-патриотического и нравственного воспитания молодежи. Даже в свои «за 80» Нежинский продолжал активно сотрудничать с республиканскими средствами массовой информации.

В поисково-журналистской деятельности Валентина Алексеевича в полной мере проявилась интернациональная суть его образа жизни и мышления. И как следствие – орден Дружбы народов, которым он был награжден в 1993 году за укрепление дружбы и братства между народами, огромный вклад в дело сохранения памяти о минувшей войне, победа в которой стала возможной благодаря сплоченности и единству всех народов Советского Союза.

Валентин Алексеевич удостоен также звания почетного гражданина города Черкесска, Хабезского района, аула Малый Зеленчук – родины Умара Хабекова. Ему присвоено почетное звание «Заслуженный журналист КЧР». Более того, с полным правом и чистой совестью его можно и нужно считать почетным гражданином Карачаево-Черкесской Республики.

Свыше 30 лет (до 1992 года) полковник Нежинский выступал с лекциями на международные и военные темы в организации «Знание». Трудно назвать аул или высокогорное пастбище, где бы он не побывал за эти годы. На туристских базах с большим интересом слушали его лекцию «Битва за Кавказ».

Свое повествование о ветеране войны и труда, замечательном человеке-патриоте я хочу завершить словами Умара Эреджибовича Темирова, многие годы проработавшего вторым секретарем обкома КПСС, бывшего депутата Верховного Совета РСФСР, Государственной Думы первого созыва, в последующем ответственного работника ее аппарата: «Можно однозначно утверждать, что в освещении истории Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков, а также в восстановлении истории подвигов наших земляков в этой войне В. Нежинскому равных просто нет».

Автор сегодняшнего очерка вполне разделяет такую оценку деятельности Валентина Алексеевича Нежинского.

Жили два друга...

Есть два удивительных аула на левом берегу реки Малый Зеленчук. Это Кизил-Юрт и Псаучье-Дахе. Народы этих населенных пунктов издревле живут в дружбе и добрососедстве. И, как об одном из символов этой дружбы, мне хочется рассказать о двух друзьях – черкесе Карданове Охиде и ногайце Бештаове Кадыр-Али.

Они учились вместе и окончили одну школу.

В один из весенних дней 1943 года друзья были призваны на военную службу и направлены на курсы пулеметчиков. А по завершении учебы Кадыр-Али и Охид уже в качестве первых номеров расчета станковых пулеметов оказались в одном 65-м кавалерийском полку 32-й Смоленской дивизии. Правда, Карданов попал в первый эскадрон, а Бештаов – в четвертый.

После первого боевого крещения о земляках-пулеметчиках в полку заговорили, как о смелых и отчаянных бойцах. Уже в 1944 году они были отмечены наградами за участие в операции «Багра-тион». Охида наградили орденом «Красной Звезды», а Кадыр-Алия – «Орденом Славы 3 степени».

В перерывах между боями друзья встречались, делились новостями с Родины, а еще они мечтали, как заживут после окончания войны. Но мечтам одного из них не суждено было осуществиться.

В середине июля 1944 года 1-й, 2-й и 3-й Белорусские фронты прорвали линию обороны противника. Широким фронтом началась операция по выдворению фашистов из советской Белоруссии. В одном из боев погиб Охид Муссович Карданов. Это случилось 28 июля. А 19 ноября 1944 года газета «Красная Черкесия» опубликовала письмо Кадыр-Али Бештаова. Приведу его полностью.

Пулеметчик Охид Карданов

Я хочу рассказать трудящимся Черкесии о том, как славный сын Родины, черкес Охид Карданов, мужественно защищая Советскую землю от немецких захватчиков, пал смертью храбрых.

Озверевший враг бросался в контратаки, но пригвожденный к земле метким огнем пулеметчика Охида Карданова, отступал.

Контратаки следовали одна за другой, но каждый раз захлебывались. Карданов решил стоять насмерть и не дать продвигаться гитлеровцам.

Кончились боеприпасы, все сильнее наседали фрицы, все ожесточеннее становились они, а Охид, подпуская врага на близкое расстояние, расстреливал его последними пулями.

И в этот момент, когда наши кавалеристы, поддержанные огнем Карданова, бросились на немцев, вражеская пуля сразила мужественного бойца Карданова. Мы поклялись жестоко отомстить врагу за смерть черкеса Карданова.

Сержант Кадыр-Али Бештаов

Так погиб 20 летний комсомолец из аула Псаучье-Дахе, и за свой подвиг в этом последнем бою был посмертно представлен к званию «Герой Советского Союза». Об этом было официально объявлено по всему полку, но Указа о награждении не последовало.

После войны и демобилизации из рядов Советской Армии Бештаов навещал семью погибшего друга. Он рассказал его родственникам о том, как героически принял смерть Охид, где и как был похоронен, и о том, что он был представлен к званию Героя. И чтобы добиться исполнения того военного Указа, ради торжества справедливости Кадыр-Али немало потратил времени и сил. Он писал об этом в высшие инстанции, обошел множество кабинетов, но ничего не добился. Бюрократическая машина на каком-то этапе не сработала, и документы продолжали пылиться на архивных полках.

Всего год не дожидаясь Бештаов до того знаменательного дня, когда Указом Президента страны Карданову Охиду Муссовичу было присвоено звание Героя России.

Это произошло в июне 1998 года. А вскоре в ауле Псаучье-Дахе был торжественно установлен бронзовый бюст героя Великой Отечественной войны. В его же, Карданова Охида, честь установлена мемориальная памятная плита на здании Черкесского педагогического училища, которое он окончил перед уходом на фронт.

Бештаов Кадыр-Али Кошерович за свои боевые подвиги был награжден Орденом Славы 2 степени и Орденом Славы 3 степени. В мирное время как ветеран войны он был отмечен юбилейной медалью к 100 летию В.И. Ленина. Работал Бештаов в животноводстве веттехником, заведующим молочно-товарной фермой. За свой добросовестный труд он был отмечен множеством благодарственных писем и почетных грамот, а также награжден медалью «Ветеран труда». Имя Кадыр-Али Бештаова занесено в «Книгу Славы» Хабезского района и увековечено на мемориальном комплексе в его родном ауле Кизил-Юрт.

У горцев есть замечательная пословица: «Герой умирает — имя остается, трус умирает — остается одежда». Вне всякого сомнения, в памяти народа навсегда останутся имена двух друзей, славных сыновей Карачаево-Черкесии Кадыр-Али Бештаова и Охида Карданова.

НАГРАДНОЙ ЛИСТ

Карданов Охид Муссович,

рядовой, наводчик ст. пулемета 65 кавалерийского полка 32 кав. Смоленской дивизии, представляется к званию «Герой Советского Союза», 1924 года рождения, черкес, чл. ВЛКСМ.

23 июня 1944 г. войска 1-го, 2-го, 3-го Белорусских фронтов прорвали линию обороны противника на широком фронте, и повели наступление по освобождению Белоруссии.

65 кавалерийский полк, где был наводчиком станкового пулемета 1 эскадрона Карданов Охид, входил в состав 32 кавалерийской Смоленской дивизии.

Дивизия в составе 3 гв. кав. корпуса вышла в прорыв и за 37 дней прошла 1000 километровый путь.

С 23 июня по 27 июля 1944 года за период боевых действий полка огнем станкового пулемета т. Карданов уничтожил свыше 150 немецких солдат и офицеров, отбил 30 контратак противника. Тов. Карданов уничтожил 5 расчетов ст. пулеметов и 2 расчета минометов противника, подбил 10 автомашин с немецкой пехотой. Тов. Карданов всегда был впереди со своим ст. пулеметом. 16 июля 1944 г. он отбил 4 контратаки противника в ожесточенных боях под населенным пунктом Пышки, этим самым дал возможность эскадрону сломить сопротивление противника и

продвинуться вперед. В Августовских лесах на подступах к Августову 28 июля 1944 г. при маневрировании эскадрона тов. Карданов отбил 6 контратак противника, в этих боях он уничтожил до 70 солдат и офицеров противника. В этот день тов. Карданов выполнял задачу сдерживать противника огнем ст. пулемета, а эскадрон, маневрируя, стал заходить во фланг противнику. Тов. Карданов задачу выполнил, подпускал противника на 100 метров и поливал его свинцовым огнем своего пулемета. 6 раз противник бросался на смельчака с пулеметом – каждый раз с потерями откатывался назад. Когда кончились патроны, тов. Карданов не желая сдать пулемет противнику, вынул замок из пулемета и приподнялся, в это время был сражен вражеской пулей. А эскадрон тем временем вышел в соприкосновение с противником справа, заставил противника откатиться назад с большими потерями.

Достоин высшей Государственной награды – звания Герой Советского Союза – посмертно.
10 августа 1944 г.

Подпись командира полка.



Над Береговым Г. Т. стоит Биджиев Султан.
К очерку: «Горячее небо».



Летчик-космонавт Береговой Г. Т. в гостях у Биджиева С. (справа) в станции Зеленинчукской. К очерку: «Горячее небо».



Нежинский В. А.
К очерку: «Почетный гражданин Республики».



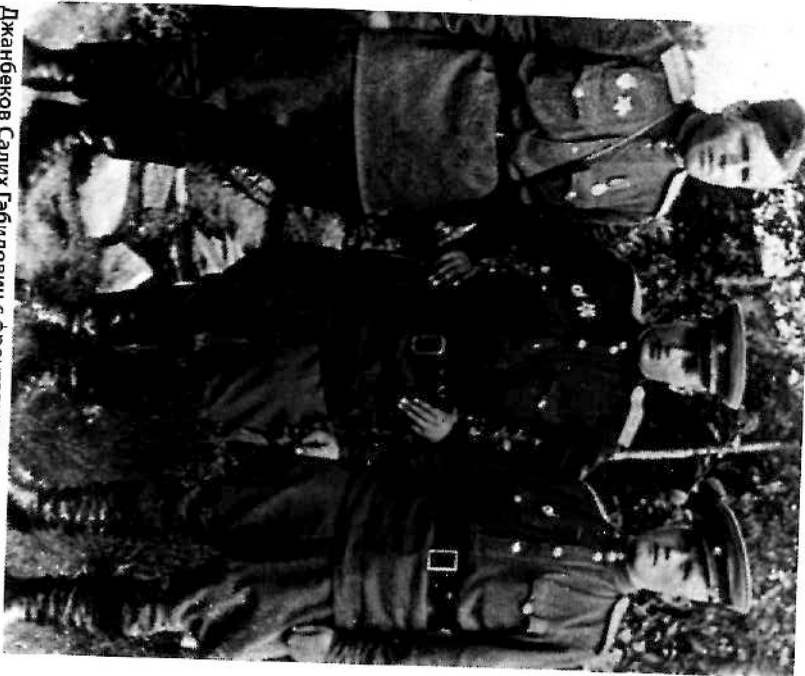
Тазартуков Жамбот Жамбек-Гериевич.
К очерку: «Если Родина прикажет».



Куниев Замих-Шери Османович Герой Советского Союза. К очерку: «Почетный гражданин Республики».



Выштаев Кадыр-Али.
К очерку: «Жили два друга».



Джанбеков Салих Габбидович с фронтowymi друзьями (слева). Германия, г. Дрезден, 1945 год. К очерку: «Воин, учитель, гражданин».



Памятник герою России Карланову Охиду Муровичу. К очерку: «Жили два товарища».



Братья-фронтовики Тазартуковы.
К очерку: «Если Родина прикажет».



Аджабеков Тома с земляками (справа).
К очерку: «Отважный пулеметчик».



Александров Иван Захарович.
К повести: «Побратимы».



Дорофеев Андрей Михайлович.
К очерку: «И вечен подвиг».



Гожев Январби Хаджибекирович.
К очерку: «Мужество».



Хамуков Карабит Эдикивич.
К очерку: «Побратимы».



Ст. лейтенант Сухобойченков Н. Л., капитан Сухобойченкова Л. А. К очерку: «Главный праздник семьи Сухобойченковых».



Шебзухов Муталиб Адамович. К очерку: «Его жизнь — пример для подражания».



Малхозов Сахатби Азамат-Гериевич. К очерку: «Минер — профессия героическая».



Тхайцухов Ибрагим Асланбиевич. К очерку: «Именное оружие офицера».



Магажиков Абдул Магомедович. К очерку: «Мастерской войны».



Сибирцев Зиновий Агеевич. К очерку: «Повороты судьбы полковника Сибирцева».



Джандаров Батыр Аскербиевич. К очерку: «Гвардеец из аула Псыж».



Мамбетов Худ Хачимахович. К очерку: «Разведчик из аула Малый Зеленчук».



Белозубов Владимир Михайлович.
К материалу: «Залп, возвестивший о победе».



Чачев Кумаль Хамидович.
К очерку: «И один в поле воин».



Бондарчук Николай Исакович — командир
разведки полка (снимок военных лет).
К очерку: «О друзьях-товарищах».



Маркаров Аким Григорьевич.
К очерку: «О друзьях-товарищах».

Полковник Чапаев

... Мы так простились с мирным днем,
И нам в огне страды убойной
От горькой памяти о нем
Четыре года было больно.
Нам также больно и теперь,
Когда опять наш день в расцвете,
Всей болью горестных потерь
Что не вернуть ничем на свете.
(А. Твардовский «22 июня 1941 года»)

Бывая в служебных командировках в Малокарачаевском районе еще в 70-е годы, не раз слышал об отставном полковнике Чапаеве, преподававшем военное дело в Первомайском зооветтехникуме. По-разному о нем говорили: то он родственник известного нам с детства по книгам и кинофильму комдива Василия Ивановича Чапаева, то просто однофамилец. Лично встретиться мне с ним не довелось.

Как-то зашел разговор о нем с бывшим военным комиссаром нашей области З. Сибирцевым. Он подтвердил, что, действительно, в названном мною техникуме работал полковник Чапаев и что он храбро воевал, имеет много боевых наград. Но послужных его данных Сибирцев не помнит.

В совхозе-техникуме Первомайском (так именуется ныне бывший зооветтехникум) мне удалось встретиться с супругой ныне покойного Константина Васильевича Чапаева — Таисией Михайловной, работающей здесь же комендантом студенческого общежития. Из-за не имения времени долго беседовать не пришлось. Она любезно назвала книги, в которых упоминается имя ее мужа-фронтовика.

И вот в книге «Навстречу Победе» маршала Советского Союза Н.И. Крылова читаю: «...Первым из полков дивизии (имеется в виду 159 с.д.) с тяжелыми боями вышел к восточно-прусской границе в район Кудрикос-Науместиса 558 стрелковый полк... В боях у самой границы был тяжело ранен и эвакуирован в госпиталь командир полка подполковник М.Е. Волков, и его сме-

нил в этой должности подполковник Чапаев, племянник легендарного комдива. Это было в августе 1944 года».

Немного предыстории. Родился К. Чапаев в 1910 году, окончил школу, трудился рабочим. В 1931 году добровольно ушел служить в Красную Армию. Очевидно, легендарный образ своего родственника сыграл немаловажную роль в выборе военной профессии. Член РКП(б) с 1932 года.

После окончания полковой школы непродолжительное время работал в должности командира отделения. В дальнейшем сферу его деятельности определило его партийно-политическое образование: совпартшкола (1927 год), военно-политическая школа в Ленинграде (1935 год). Вскоре он становится секретарем бюро комсомольской организации полка, затем политруком роты.

Участвовал в войне с Финляндией в звании старшего политрука и в должности ответственного секретаря партийной комиссии 104-й стрелковой дивизии 14-й армии Ленинградского военного округа.

Вот что сказано в аттестационном листе К.В. Чапаева:

«В период совершения боевого марша в трудной гористой местности и заполярных условиях т. Чапаев оказывал помощь партийным организациям и отдельным коммунистам в мобилизации масс на преодоление трудностей, на успешное выполнение боевого приказа – боем занять Петсамо. За период боевых действий партийная организация дивизии выросла на 224 человека.

Заседания дивизионной партийной комиссии проводил в частях, землянках, блиндажах, блокгаузах.

Волевой, смелый партработник место свое в боевых условиях находить умеет. В тактическом отношении подготовлен».

В указанной должности К. Чапаев с первых же дней участвует и в Великой Отечественной войне.

Хотя Финляндия формально объявила войну против СССР 26 июня 1941 года, фактически уже с 22 июня она совершала воздушные и артиллерийские налеты на нашу территорию, а к 30 июня ее армия перешла в активное наступление, оккупировала большую часть Советской Карелии и ряд районов Ленинградской области.

Защищать Заполярье выпало на долю 14-й армии, в составе которой и воевал К. Чапаев. Описывая боевой путь Константина

Васильевича Чапаева и его участие в боях на Карельском фронте, и в Заполярье, я хочу привести строки из книги «Мосты победы». Ее автор генерал-полковник, начальник инженерных войск страны А.Ф. Хренов.

«Много интересного, примечательного узнал я от старожилов 14-й армии, которая три года вела боевые действия в этом суровом и диком краю, где почти три месяца в году стоит полярная ночь и столько же времени не заходит солнце.

... эффективно и отважно действовали в тылу врага отряды майора Градова, капитана Кононенко, а также две разведывательно-диверсионные группы капитана Дармилова и майора Фокина, направленные в тыл немцев уже после начала наступления.

... я считал своим долгом написать о саперах-разведчиках, чтобы полнее показать тот малоизвестный вид деятельности инженерных войск, который требовал особых морально-боевых качеств и позволял нанести врагу большой урон малыми силами».

Напомню, что капитан Дармилов, о котором идет речь в книге, – наш земляк из аула Старокувинск. Войну он завершил на Востоке в боях с японскими милитаристами, где также проявил мужество и был удостоен боевых наград. Майор Мухаб Дармилов вернулся домой увенчанный орденами: Красного Знамени, Отечественной войны, пятью орденами Красной Звезды, и многими медалями, в том числе и редкой «За защиту Заполярья».

Вернемся к герою нашего очерка К. Чапаеву. С октября 1941 года он – военный комиссар 290-го артиллерийского полка той же дивизии Карельского фронта, а с апреля 1942 года с учетом большого опыта партийно-политической работы в войсках его выдвигают на должность заместителя командира по политчасти 31-й отдельной лыжной бригады.

Вести боевые действия в суровом и диком краю, где почти три месяца в году стоит полярная ночь и столько же времени не заходит солнце, было чрезвычайно трудно.

«Проход через тундру – это сам по себе героический подвиг, который под силу только советскому воину...», – писала газета «Правда» в связи с этим.

К. Чапаев не наблюдал бой со стороны, а был всегда в самых опасных местах схватки с врагом, своим личным примером вдохновлял командиров и солдат на подвиги.

«Неоднократно ходил вместе с частями на выполнение боевого задания, — записано в боевой характеристике на него 3.01.43 года. — В бою себя ведет смело. За мужество, проявленное в боях, награжден орденом Красного Знамени». Заметим, что этим орденом его подвиг был отмечен еще в декабре 1942 года.

К. Чапаев не остался незамеченным в верхах. Как боевого, способного офицера-политработника прямо с фронта 6 августа 1943 года его направляют на курсы усовершенствования командного состава (КУКС) «Выстрел». По их окончании его зачислили слушателем Военной академии имени Фрунзе.

Из боевой характеристики от 13.07.44 года на офицера резерва Главного управления кадров НКО СССР подполковника К. Чапаева:

«... В бою под Витебском и при освобождении столицы Белоруссии — Минска 3 июля 1944 года проявил мужество и отвагу, за что возбуждено ходатайство о представлении к правительственной награде — ордену Красного Знамени...»

Так из комиссара-политработника Чапаев вырос до строевого командира высокого ранга.

558-й стрелковый полк, которым с августа 1944 года начал командовать подполковник К. Чапаев, успешно пополнял счет одержанных побед 159-й стрелковой дивизии 5-й армии.

... В боях с 16 по 25 октября 1944 г. при прорыве сильно укрепленной обороны противника севернее города Кибартай полк успешно выполнил поставленную задачу. Подполковник Чапаев обеспечил в трудных обстоятельствах командование полком. За эти бои он был представлен к награждению орденом Красного Знамени.

Перед 3-м Белорусским фронтом во взаимодействии с 1-м Прибалтийским фронтом ставилась задача разгромить тильзитско-инсбургскую группировку противника и овладеть районом Кенигсберга — столицей Восточной Пруссии — цитадели фашизма.

В этой операции 5-я армия оказалась на направлении главного удара.

5-я армия, в честь побед которой столица нашей родины Москва 15 раз салютовала, была в мае переброшена на Дальний Восток и внесла существенный вклад в разгром Квантунской армии. Полковник К. Чапаев также со своим полком участвовал в разгроме империалистической Японии и не однажды отличался в боях. За это был удостоен ордена Суворова 3 степени и других наград.

Василий Иванович Чапаев — солдат первой мировой войны. За храбрость, за ратные подвиги был удостоен высшей солдатской награды того времени — четырех Георгиевских Крестов и медали. В годы гражданской войны он, командир дивизии, был награжден орденом Красного Знамени.

Не менее славный боевой путь прошел и его племянник Константин Васильевич Чапаев.

Если Родина прикажет...

Работая в Хабезском районе, да и в городе Черкесске, в свое время я слышал много теплых отзывов о кадровом офицере, активном участнике Великой Отечественной войны Джамботе Тазартукове, уроженце аула Бесленей.

Конкретных данных о нем я не мог разыскать долгое время. Жил он с семьей в городе Баку.

В середине 80-х годов прошлого столетия мне довелось быть в этом городе на совещании. Выбрав время, я разыскал адрес сына Джамбота Владимира и навестил его семью. Здесь-то я многое узнал из архива Джамбота и рассказов сына. Его отца уже не было в живых. На основании полученной информации в июне 1985 года я опубликовал в газете «Ленинское знамя» (ныне «День Республики») очерк о подполковнике Джамботе Тазартукове. Тогда я не располагал копиями его наградных листов и поэтому конкретную боевую характеристику ему не смог дать.

Сегодня сведения о Д. Тазартукове, имеющиеся в моем распоряжении, существенно расширены архивными документами, любезно предоставленными мне его племянницей Фатимой Кучуковой.

В неполные двадцать лет Джамбот надел форму бойца частей особого назначения, добровольно вступив в Красную Армию. А в тридцать был уже опытным красным командиром.

«...Обком ВКП(б) Черкесской автономной области, исполнительный комитет и областной военкомат, отмечая Вашу преданность делу пролетарской революции, награждает Вас револьвером системы «Наган», — гласит пожелтевшая грамота, которую получил Д.Д.-Г. Тазартуков 12 апреля 1930 года. К тому времени он закончил Краснодарское горских национальностей кавалерийское училище Северо-Кавказского военного округа. Командиром учебного взвода, в котором учился Тазартуков, был Исса Александрович Плиев, в будущем прославленный военачальник Великой Отечественной и командующий Северо-Кавказским военным округом.

Памятные тридцатые годы. Энтузиазм первых пятилеток, время колоссальных преобразований, героических свершений советского народа. Страна Советов строилась и утверждалась. Шлифовали воинское мастерство ее защитники. В грамоте, подписан-

ной командиром — комиссаром 4-го кавалерийского имени Буденного корпуса Р. Апанасенко, говорится, что краском Тазартуков в состязаниях частей Северо-Кавказского военного округа в конном пробеге на 100 километров занял третье место...

Великую Отечественную Джамбот Тазартуков встретил в Белоруссии в должности командира эскадрона. Его боевая судьба тесно связана с действиями Западного, Брянского, Южного, 4-го, 2-го и 1-го Украинских фронтов. Он занимал должности начальника штаба полка, помощника начальника оперативного отдела дивизии, начальника разведотдела дивизии и корпуса, командира полка. И всюду безукоризненно выполнял свой долг перед Родиной. Его ратный подвиг отмечен орденами Ленина, двумя — Красного Знамени, Александра Невского, Отечественной войны, Красной Звезды, медалью «За отвагу» и другими наградами.

Из наградных листов я сделал вывод, что Джамбот на фронте за спины людей не прятался, назад не оглядывался и не кланялся вражеским клинкам и пулям, а воевал героически, как достойный сын черкесского народа.

...В средней школе аула Бесленей бережно хранятся воспоминания Тазартукова. «Октябрь 1944 года. Полк в составе 8-й гвардейской кавалерийской дивизии участвует в броске с территории Румынии в Венгрию. Задача поставлена сложная, метеоусловия еще сложнее, враг еще силен...

4.10.1944. Корпус достиг окраин города Дьюле, превращенного врагом в узел обороны. Мы действуем, не имея ни тыла, ни соседей на флангах. Очевидно, в немецких штабах очерчивали на картах расположение нашей конно-механизированной группы как окруженной. Но на войне окружен тот, кто считает себя окруженным! Мы выигрывали бой за боем и 8 октября, сломив сопротивление врага у городов Корцаг и Деречке, стремительно продвигаясь по Венгерской равнине, вышли на подступы к городу Дебрецену...»

«Основную тяжесть боев за город Дебрецен, — вспоминает И.А. Плиев в своей книге «Дорогами войны», — вынесли корпуса и дивизии конно-механизированной группы, проявив яркий пример мужества и отваги».

Из наградного листа:

«Гвардии майор Тазартуков, являясь помощником начальника оперативного отделения штаба 13-й гвардейской кавалерийской Ровенской дивизии по связи с соседями, в период действий дивизии в Венгрии, в сложных боевых условиях, всегда обеспечивал связь с действовавшими по соседству с дивизией частями и соединениями, зачастую лично, с риском для жизни, выезжал в соседние части для уточнения обстановки и увязки взаимодействия с ними.

Будучи всегда осведомленным о положении на соседних участках фронта, своевременно докладывал обстановку командованию, чем способствовал принятию соответствующих решений по взаимодействиям с соседями и крупным боевым успехам дивизии в овладении важным в стратегическом отношении узлом сопротивления противника, и важным административным и хозяйственным центром Венгрии – городом Дебрецен. За проявленную распорядительность в сложной боевой обстановке, мужество и отвагу гвардии майор Тазартуков достоин награждения орденом Красной Звезды». (В ноябре 1944 года этот орден ему вручили).

Первый свой орден Александра Невского Тазартуков Д.Д. получил в 1943 году, будучи заместителем командира полка по строевой части 41-го гвардейского кавполка 11-й Краснознаменной Волновахской гвардейской казачьей кавдивизии.

В наградном листе сказано:

«Гвардии майор Тазартуков Д.Д. в бою под ст. Волноваха, в рядах казаков и руководя ими, овладели станцией и городом. На станции захвачено 7 паровозов, несколько сот вагонов с хлебом, горючим и многим военным имуществом. Гвардии майор Тазартуков из автомата лично уничтожил 4 вражеских солдат. Личным примером воодушевлял офицеров и казаков полка. Благодаря умелому руководству села Решитилровка и Константиновка были взяты при незначительных потерях...»

А вот какую характеристику дает Наградной лист на заместителя командира по строевой части 37-го гвардейского Краснознаменного казачьего полка гвардии майора Тазартукова: «...все время нахождения полка в боях с 28.01.1944 г. по настоящее время находится непосредственно на передовой, руководя боевыми порядками подразделений полка.

Тов. Тазартуков своим личным примером показывает образцы мужества и отваги, воодушевляя этим офицеров и казаков на выполнение боевых заданий.

31.01.44 года был получен приказ ликвидировать группу обоза противника при непосредственном руководстве майора Тазартукова, причем при ликвидации этой группы только убитыми немцы потеряли 39 солдат.

22.02.1944 г. под населенным пунктом Сахарный завод Ольшанского района был ранен командир полка гвардии подполковник Беленко.

Тов. Тазартуков принял на себя командование полком, обеспечил руководство подразделениями полка, ведя наступление на овладение этим заводом».

За этот подвиг он удостоился ордена Отечественной войны 2-й степени.

В новой должности начальника штаба 46-го гвардейского кавалерийского полка 13-й гвардейской кавалерийской Краснознаменной дивизии гвардии майор Тазартуков Д.Д. в апреле 1945 года удостоился ордена Красного Знамени за умелое планирование и обеспечение успеха в боевых действиях полка.

«В период боев тов. Тазартуков в критические моменты, не смотря на ураганный огонь противника из всех видов оружия, презирая опасность для жизни, входил непосредственно в боевые порядки подразделений, расставляя силы и средства на исходном положении для атаки, для организации более решительного наступления. Сам лично поднимал и водил в наступление подразделения...» (Опускаю цифры убитых, количество захваченных трофеев).

Из приведенных примеров из наградных листов видно, что какую бы должность ни занимал майор Тазартуков, он всегда был в гуще бойцов и командиров, никогда не был стратегом, наблюдавшим бой со стороны.

Апрель 1945 года наконец-таки стал переломным в военной судьбе Джамбота Тазартукова. Ему присваивается звание «подполковник» и он получает должность командира 31-го гвардейского кавалерийского полка 8-й гвардейской кавалерийской Ровенской Краснознаменной ордена Суворова дивизии имени Мороза.

Его полк участвовал также в боях за Будапешт, в освобождении Чехословакии и ее столицы Праги. Войну он завершил,

имея два ранения и две контузии. Получил второй орден Красного Знамени за выслугу лет в армии.

Из аттестационного листа: «Тов. Тазартуков партии Ленина – Сталина и Социалистической Родине предан, морально устойчив, политически развит, над повышением своих знаний работает. Деловым авторитетом пользуется. Волевыми качествами обладает, дисциплинирован, требовательный к себе и подчиненным, имеет большой опыт в практической работе на командных должностях в кавалерийском полку. В боях в составе 13-й кавдивизии в должности начальника штаба полка показал себя смелым, боевым офицером, быстро ориентирующимся в трудных условиях боевой обстановки. За короткое пребывание в 8-й кавалерийской дивизии на должности командира 31-го кавполка (с апреля 1945 г.) показал себя только с положительной стороны. Общее состояние полка хорошее, организовывать и руководить боевой подготовкой полка может. Свои знания и практический опыт в работе может передавать подчиненным бойцам и офицерам.

Вывод: занимаемой должности соответствует. За выслугу в Красной Армии достоин награждения орденом Ленина».

Подпись командира дивизии Павлова.

После войны подполковник Тазартуков смог приехать в свой родной Бесленей лишь в октябре 1945 года – да и то в краткосрочный отпуск: он был зачислен слушателем военно-академических курсов при Академии бронетанковых и механизированных войск.

Какой радостной, рассказывают аульчане, была встреча шести братьев-фронтовиков: Адамея, Анзора, Эдика, Кучука, Шахима, Джамбота. Судьба счастливо распорядилась солдатами Тазартуковыми – все они, находясь в действующих частях армии, дошли до Победы и вернулись домой с боевыми наградами и ранениями. Самый старший Адамей и самый младший Шахим с боями дошли до Вены и там случайно встретились в победные майские дни. Вместе праздновали День Победы...

...С прекрасной аттестацией окончены курсы при Академии. Служба за рубежами Родины. Затем в Закавказском военном округе. Но где бы не находился Джамбот Тазартуков, он не порывал связей с родным аулом, с Карачаево-Черкесией. Вел теплую переписку со школьниками, земляками. В исполкоме сельского Совета

Бесленей хранится рукописный альманах истории аула. В разделе «Великая Отечественная» значительное место отведено шестерым братьям Тазартуковым. Здесь их фотографии, воспоминания. Уже нет в живых старших, зато в строю новое поколение Тазартуковых, готовое, если Родина прикажет, встать на ее защиту, как это делали участники Великой Отечественной войны братья Тазартуковы.

* * *

Нелегкая доля выпала на род Тазартуковых, как и на миллионы советских людей, переживших все социальные потрясения, происходившие в стране. С ярлыками «княжеский» и «кулацкий» сын прошли все братья по жизни. Особенно невероятно трудно пришлось Джамботу. Верой и правдой служа Советской власти, он неожиданно-негадано получал удары в спину. В 1937 году его исключают из членства ВКП(б) и увольняют из Красной Армии. До репрессий дело не дошло, так как неопровержимые документы свидетельствовали о его преданности Советской власти.

Когда нависла угроза нападения фашистской Германии на СССР, его вновь призвали в армию. О том, как он воевал, сказано выше. Но бдительное око спецслужб следило за ним, не выпуская его из поля своего зрения.

У горцев не принято называть сына именем отца. Чтобы как-то оградить себя от чрезмерной опеки органов, Тазартуков Джамбот становится Джамботовичем вместо Джамбек-Гериевича. Помогло ли это вынужденное отречение от имени отца, трудно сказать. Но в войну при всем старании он не получал с учетом заслуг положенные награды. И в званиях и в должностях продвижения по службе результаты были скромными. Независимо от всего этого, разгрому врага он отдавал себя сполна, не жалея собственной жизни, о чем убедительно поведали наградные листы.

В тридцатые годы после раскулачивания отца и всей семьи Джамбот совершил немаловажный подвиг. Будучи начальником военно-хозяйственного довольствия отдельного сводного горского кавалерийского полка, помощником командира полка по хозяйственной части, в 1934 году он занимался поставкой конского поголовья из конезаводов страны. Воспользовавшись связями с их руководителями, Джамбот сумел устроить своих братьев на работу в конезаводы Киргизии, Туркмении, Азербайджана и др. Этим са-

мым он спас своих братьев от репрессий как «княжеских» и «кулацких» сыновей.

С началом Великой Отечественной войны все они ушли на фронт защищать свою Родину и честно отдали ей свой долг.

Словом, Тазартуковы и при жестоких законах Советского государства не посрамили честь своей фамилии, честь своих предков, верно служивших России.

Мужество

Было это несколько лет назад. В коридоре бывшей восьмилетней школы аула Апсуа я ждал своих спутников, которые должны были возвращаться со мной в Черкесск. Они присутствовали на политзанятиях коммунистов бригады колхоза имени Кирова.

Я не спеша осмотрел фотостенд ветеранов войны – аульчан, ученические стенгазеты. Затем решил подышать свежим воздухом и направился к выходу. И уже возле двери обратил внимание на человека, стоявшего у невысокого деревянного барьера. Он что-то внимательно рассматривал. Мне пришлось дважды повторить свое приветствие, пока он обратил на меня внимание.

- Что так внимательно рассматриваете? – поинтересовался я, приближаясь к барьеру.

- Да вот, творения детских рук, – и показал в сторону стоявшего за оградой стола. На нем расположились миниатюрные макеты танков, бронемашин, ракетных установок, радиолокаторов, тягачей.

- Некоторые из них как настоящие, действуют с помощью электрических батареек, – пояснил собеседник.

- А кто же организатор всего этого?

- Да был тут у нас один учитель. Преподавал немецкий язык и вел уроки труда. Чиков по фамилии, Владимир Александрович. Уж очень любил он возиться с детьми и мастерить! Сейчас живет в Черкесске, на пенсии уже.

- Интересно, а этот макет, какого танка? – спросил я, показывая на один из них, неуверенный в том, что получу вразумительный ответ.

- Это БТ-7. Был такой танк на вооружении нашей армии в предвоенные годы и в начальный период войны, – к своему удивлению улыбался я.

Такая компетентность меня заинтересовала.

- А вы, случайно, не танкист?

- Да, служил в танковых войсках...

... В 1939 году Январби Хаджибекирович Гожев был призван в армию на действительную службу. Попал в танковую дивизию, расквартированную в Прибалтике. Он один из тех, кто 22 июня 1941 года первым вступил в бой с врагом, вероломно вторг-

шимся в пределы нашей Родины. Тяжело, очень тяжело пришлось им, первым. Ведь начальный период войны был самым трудным в борьбе советского народа с фашистскими захватчиками.

Обратимся к документам.

«Реальное соотношение сил, — сказано в истории второй мировой войны, — в первых эшелонах войск сторон, вступивших 22 июня в сражение, было в пользу противника, а в ряде направлений он превосходил советские войска в 3-4 раза. На главных направлениях это превосходство было еще более значительным» (том 4, стр. 27).

Именно в первом эшелоне войск, втянутых в бой с противником, оказалась дивизия, в которой служил и воевал наш земляк.

Хотя войска Северо-Западного фронта в ожесточенных встречных боях при поддержке авиации сумели на трое суток задержать продвижение противника, их положение оставалось крайне тяжелым.

В этих тяжелейших фронтовых условиях Я.Х. Гожев, оставаясь верным присяге Родине, делал все возможное, чтобы бить врага.

Из документа, присланного Центральным архивом Министерства обороны СССР: «Сообщаем, что в наградном листе к Указу Президиума Верховного Совета СССР от 25 июля 1941 года, по которому Гожев Я.Х. награжден орденом Красного Знамени, записано: «Гожев Январби Хаджибекирович, красноармеец бронемашин 2-го разведбатальона 2-й танковой дивизии. За мужество, героизм, проявленные в бою с немецким фашизмом по выполнению боевой задачи, поставленной командованием 11-й армии. Участвовал в бою против 7 танков. В неравном бою был ранен».

Лаконично и даже скупо дана боевая характеристика. В неимоверно тяжелых условиях первых дней войны, очевидно, у штабников не было времени упражняться в изяществе слога.

«... Участвовал в бою против 7 танков...» В период, когда танковые армады противника врезались в наши войска и расчленили их, когда еще не совсем обстрелянная часть наших бойцов еще была подвержена танкобоязни, вступить в бой одному с 7 танками, несомненно, было подлинным героизмом.

При встрече с Январби Хаджибекировичем — а она оказалась, к большому сожалению, и последней — на мой вопрос, за что был представлен к ордену, он ответил, что выполнил специальное задание представителя штаба армии.

Вступив в бой с танками противника, создал условия для прорыва кольца окружения и выхода частей дивизии во главе с ее штабом.

Свой орден Красного Знамени Я.Х. Гожев получил в Кремле из рук всесоюзного старосты М.И. Калинина 11 февраля 1942 года. Боевая обстановка не позволила сделать этого раньше. В ту пору ему исполнилось 22 года.

После излечения в госпитале он снова участвовал в многочисленных боях, в том числе и по защите Москвы. Терял своих боевых друзей, горел в танке, был ранен и, не долечившись, вновь отправлялся на фронт. Январби Хаджибекирович Гожев, от первого и до последнего дня войны мужественно сражавшийся с ненавистным врагом до полного его разгрома, вместе с боевыми друзьями, оставшимися в живых, разделит радость Великой Победы.

Вернулся он в свой родной аул Апсуа, что в Адыг-Хабльском районе нашей республики, в 1946 году. Жил и трудился в разных организациях. Профессия у него была самая мирная — бухгалтер. Последние годы провел в своем родном ауле, работал в школе.

Не дожил Январби Хаджибекирович до пенсии: сказались пережитое, фронтовые раны...

Бережно хранит орден Красного Знамени за № 24427 и другие награды отца Ильяс Январбиевич Гожев, водитель Черкесского пассажирского автотранспортного предприятия. И часто рассказывает своим малолетним сыновьям, а их у него трое, о боевых подвигах их деда. Им есть, кем гордиться, с кого брать пример.

Чтят имя героя Отечественной войны не только в родном ауле, но и в республике.

Отважный пулеметчик

Сегодня, описывая события давно минувших лет, трудно представить, что в Великой Отечественной войне героические подвиги совершали двадцатилетние юноши. А ведь так это и было...

В 1942 году комсомолец Аджибеков из аула Красный Восток Малокарачаевского района в неполные 18 лет был призван служить в ряды Красной Армии. А в это время фашисты уже зверствовали на Украине и продолжали наступление. Наша армия в жесточайших боях несла неисчислимы потери. Фронту требовалось пополнение, и было очень важно, чтобы эти свежие силы имели, если не опыт, то хотя бы специальные знания. Поэтому Орджоникидзевское военно-пехотное училище продолжало обучать новобранцев. Туда и был направлен Аджибеков Тома. Но проучиться ему пришлось всего 6 месяцев. Лавина вражеской армии уже хлынула на Кавказ.

Свой первый бой Тома Джагофарович Аджибеков принял под городом Минеральные Воды. А первое серьезное ранение он получил в августе 1943 года в бою за высоту 71,0 у станицы Крымской Краснодарского края. Тогда же ему была вручена и первая награда – медаль за Отвагу.

Как известно, бои за Крым были жесточайшими. Гитлеровцы ценой огромных потерь цеплялись за каждую пядь земли. Вторая Гвардейская стрелковая Таманская дивизия, несмотря на отчаянное сопротивление фашистов, упорно продвигалась вперед.

В январе 1944 года у высоты 71,3 в Керченском районе велась активная подготовка плацдарма для наступления. Необходима была хорошая артиллерийская обработка вражеских позиций. Артподготовка началась 17 января.

Накануне во 2-й стрелковой роте Гвардейского стрелкового полка проходило комсомольское собрание.

Далее я хочу привести строки из официального документа. Передо мной копия Наградного листа на члена ВЛКСМ с 1939 года, абазина, уроженца аула Красный Восток, гвардии красноармейца Абджибекова Тома Джагофаровича.

«Краткое конкретное изложение личного боевого подвига или заслуг.

...17.01.44 г., когда началась артиллерийская подготовка, тов. Аджибеков перед своими товарищами комсомольцами взял на себя обязательство водрузить на высоте Красное знамя. Во время боя он смело бросился в атаку на вражеские позиции, огнем своего пулемета и гранатами уничтожая мечущегося в панике врага.

Стремительно продвигаясь вперед, т. Аджибеков первым достиг высоты и водрузил флаг, выполнив свое обязательство.

В этом бою, увлекая за собой бойцов подразделения, т. Аджибеков пулеметным огнем уничтожил более 15 фашистских солдат и вместе с товарищами захватил в плен немецкого офицера.

За мужество и отвагу, проявленные в бою т. Аджибековым, примером бесстрашия, увлекшим бойцов подразделения на беспощадное уничтожение ненавистного врага, достоин Правительственной награды – ордена «Ленина».

Командир 6-го гв. стрелкового полка гвардии майор Грищенко».

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15.05.44 года Аджибеков Т.Д. награжден орденом Ленина.

(Основание: опись 68643, д. 42, л. 99. Архив Министерства обороны РФ).

Несмотря на категоричные требования Гитлера любой ценой удержать Крымский полуостров, старания оккупантов не увенчались успехом. Им даже не смогли помочь переброшенные сюда воздушными трассами дивизии из Германии, Голландии и Франции.

Героическое наступление Советской Армии достигло Восточной Пруссии. В составе своей стрелковой роты гвардеец Аджибеков Т.Д. участвовал в штурме Кенингсберга и освобождении будущей Калининградской области. В этих боях он вновь отличился и был награжден орденом Красной Звезды.

Демобилизовался Тома Джагофарович в 1946 году и до конца своих дней трудился в сельском хозяйстве родного аула Красный Восток.

При встрече со мной он с теплотой вспоминал, как однажды его навещал полковник Александр Казаев – Герой Советского Союза, уроженец села Коста Хетагурова. Ветераны воевали в одной дивизии и оба своими подвигами были известны, и поэтому

при каждой встрече им было о чем поговорить, вспоминая фронтовые дороги, боевых друзей.

Казаев искренне считал Тому Джагофаровича Героем Великой Отечественной войны. Ведь подвиг, за который Аджибсков удостоился Ордена Ленина, вполне мог быть оценен самой высшей наградой страны. Но сам Тома Джагофарович никогда не говорил об этом. Ибо для него главным делом в этой войне была Победа, ради которой он сделал все в свои неполные двадцать лет и остался в памяти народной настоящим героем.

И вечен подвиг

- Вам не довелось читать книгу «Командиры крылатых линкоров», недавно изданную в Москве? — как-то спросила меня при встрече моя соседка Александра Федоровна Дорофеева.

- Нет, — ответил я.

- Почитайте непременно, — посоветовала она.

А мне подумалось: не об Андрее Михайловиче Дорофееве, ее муже, идет там речь?

В те огненные сороковые годы Александра Федоровна, оставшаяся с двумя малолетними детьми Клавой и Толиком, немало хлебнула горя. Но она мужественно переносила все тяготы и лишения военной поры, не посвящая в них своего мужа Андрея. Она жила его боевыми делами, своими письмами вселяла в него дух ненависти к врагу, уверенность в победу.

«Дорогой муж! — писала Александра Федоровна в одном из писем. — После долгих и томительных месяцев фашистского ига наконец-то мы вздохнули свободно. Мне сердце подсказывает, что ты жив и еще с большей силой громишь врагов. Я здорова и наши ребятки — Клава и Толик — здоровы, они все время говорят о тебе. Толик собирается добровольцем идти на фронт, он спрашивает: «Мама, мой папа военный?» Я говорю: «Да». Он говорит: «Ну скажи ему, пусть он там немцев крепче бьет». Да, Андрюша, не только взрослые полны мести, но и дети готовы мстить. Андрюша, родной! Бейте гитлеровцев беспощадно, мстите гадам за наш народ, за нашу Родину! Будь здоров, целуем, наш дорогой папочка и муж».

Это письмо Александры Федоровны опубликовала краснофлотская газета «Черноморский сокол» 23 марта 1943 года. В предисловии к нему сказано: «На днях летчик-штурмовик старший лейтенант тов. Дорофеев получил письмо от жены и детей из освобожденного города Черкесска.

- Еще крепче буду бить фашистских гадов! Отомщу за муки и страдания наших людей, — заявил отважный летчик, прочитав письмо!»

И о том, как выполнял он свой наказ, сообщила та же газета. «Не зная усталости, летал Дорофеев на различные задания. Он выполнял наказ жены и детей — мстил. Однажды разрушил в тылу

немцев переправу через реку, в другой раз вместе с товарищами уничтожил вражеский эшелон на железнодорожной станции».

А в письмах домой Андрей Михайлович присылал своеобразный рапорт о своих ратных делах. В одном из них писал: «Шура! Посылаю тебе свой далеко не полный боевой счет: уничтожено 13 танков, 42 автомашины, 10 повозок, один паровоз, 5 зенитных орудий, сбит один самолет, разрушена переправа через реку...

Родные мои! Будьте уверены в том, что мы победим! До скорой, радостной встречи, дорогие!»

Бесхитростные письма, что составляла Александра Федоровна от имени детей под их диктовку и посылала на фронт, помогали летчику-штурмовику успешно громить врага. Вот что сообщал об этом Андрей Михайлович:

«Шура, представь, какое удовольствие, какую радость доставляют мне и моим товарищам письма и рисунки ребят – Клавочки и Толика. Я горжусь ими, много душевных слов говорят о них мои боевые друзья. За их светлую долю и идем в бой...»

...Прочитана мною книга «Командиры крылатых линкоров», автор которой Василий Иванович Минаков, ныне генерал-майор запаса, Герой Советского Союза. Свою документальную повесть он посвятил подвигу летчиков морской авиации Черноморского флота.

Есть в книге глава, целиком посвященная 8-му гвардейскому штурмовому авиаполку, в котором воевал супруг Александры Федоровны – Андрей Михайлович Дорофеев. «Жестокими были бои за Новороссийск, – вспоминает автор книги. – Чтобы удержаться в городе, враг бросал в бой все новые и новые силы. По дорогам к городу тянулись колонны танков, орудий, бронетранспортеров, автомашины с пехотой. Штурмовики, приходя на помощь друг к другу сквозь сплошную завесу огня, громили эти механизированные колонны врага на подступах к Новороссийску».

Когда отдельные отряды десантников, глубоко вклинившись в оборону противника, теряли связь со своими ближайшими тылами, штурмовики Данилов, Дорофеев, Глухарев, Игнатев, Колосов и другие под непрерывным ожесточенным огнем находили их и сбрасывали на парашютах все необходимое. Нанесение эффективных ударов по целям, расположенным на сравнительно небольшой площади, требовало от летчиков высокого мастерства и отваги. Без

нескольких заходов тут было не обойтись. А неподвижные цели, как правило, были гораздо надежнее защищены зенитным огнем, чем, например, колонны на марше. Однако и к этим условиям летчики 8-го гвардейского штурмового полка оказались подготовленными блестяще.

Пишет автор непосредственно и о нашем земляке: «Самоотверженность, хладнокровие и находчивость проявил, например, старший лейтенант Андрей Дорофеев, группе которого была поставлена задача, уничтожить хорошо замаскированную полевую батарею противника, мешающую продвижению десантников. При появлении наших самолетов фашистские артиллеристы немедленно прекращали огонь, батарея делалась невидимой. Дорофеев прехитрил врага. Выбрав момент, когда по обстановке огонь батареи был особенно необходим немцам, он повел свою группу далеко стороной. Гитлеровские артиллеристы выдали себя. Дорофеев несколько раз засек их позицию по вспышкам выстрелов, развернулся и с первого захода накрыл цель. В следующий свой вылет Дорофеев подавил дальнобойную батарею, тщательно замаскированную в лесу. Терпение, выдержка, наблюдательность и отвага выиграли и на этот раз».

14 сентября за работой гвардейцев-штурмовиков наблюдал командующий Северо-Кавказским фронтом генерал-полковник Иван Ефимович Петров. Он высоко оценил их действия, всем участвовавшим в бою экипажам объявил благодарность. 16 сентября Новороссийск был освобожден. Всем воинам, участвовавшим в боях, была объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего.

В Карачаево-Черкесском республиканском краеведческом музее, в отделе «Наши земляки – герои боев Великой Отечественной войны», есть экспозиция, посвященная гвардии старшему лейтенанту, заместителю командира эскадрильи штурмовой авиации Черноморского флота Андрею Михайловичу Дорофееву. Подолгу останавливаются у нее посетители музея, внимательно рассматривая фотоснимок героя у боевого самолета, подлинные письма, посланные Александрой Федоровной, детьми Клавой и Толей на фронт Андрею Михайловичу, его ответы на них. Здесь же большая статья «Депутат и воин» из газеты «Черноморский сокол» за 21 сентября 1943 г., в которой подробно говорится о боевых подвигах

нашего земляка А.М. Дорофеева, бывшего до ухода на фронт секретарем исполкома Черкесского районного Совета депутатов трудящихся. Кстати, на войну он ушел добровольно, прямо с заседания исполкома. В статье упоминается о том, что летчик только за 6 дней штурма Новороссийска совершил 16 боевых вылетов и в 12 из них ходил ведущим. В экспозиции помещена также справка командования Черноморского флота, свидетельствующая о том, что летчик-гвардеец А.М. Дорофеев награжден двумя орденами Красного Знамени.

Не дожил Андрей Михайлович до заветного Дня Победы. В конце 1943 года он погиб в бою. Погиб как настоящий герой.

Выросли Клава и Толик, стали достойными людьми нашего общества. Обрели свои семьи, уже имеют взрослых детей. Живет Александра Федоровна в семье своей дочери Клавдии Андреевны, живет и радуется счастливой жизни, которую ее муж заслужил от лютого врага своим сердцем.

Побратимы

Декабрь 1955 года. Гвардии подполковник Александров Иван Захарович, оставив прежнее место своей воинской службы, с новым предписанием прибыл в Карачаево-Черкесию, в Хабезский район в качестве районного военкома. Вступив в новую должность, он в первую очередь решил познакомиться с личными делами офицеров запаса. И вдруг на обложке очередной папки видит надпись: «Личное дело офицера Хамукова К.Э.». Прочитывает вновь и вновь, ошибка не допущена: Хамуков К.Э.

- Неужто это он, Карабит?

Чтобы удостовериться, стал спешно перелистывать и бегло просматривать листы. На одном из них взор выхватил строки: окончил Первое Могилевское стрелково-пулеметное училище в июне 1941 года. Тут уж отпали сомнения. Это было личное дело Карабита, Коли-черкеса, как по-дружески называли его сослуживцы. Попросил зайти начальника отдела.

- Скажите, капитан, у нас работает кто-либо из местных товарищей?

- Да, у меня в отделе есть лейтенант Корней Тлисов.

- Пригласите!

Не заставил себя долго ждать этот черноволосый молодой сотрудник военкомата.

- Лейтенант, вы знаете офицера запаса Хамукова?

- Карабита Эдиковича? Очень даже хорошо, товарищ гвардии подполковник! Он из своего аула Эльбурган, что в пяти километрах отсюда, переехал несколько лет назад в аул Хабез, и сейчас возглавляет местный колхоз.

- Прошу, если это возможно, разыскать его.

Подполковник углубился в чтение личного дела Хамукова. И перед его взором предстал боевой путь друга...

... Лейтенант К.Э. Хамуков принял бой на рассвете первого же дня начавшейся войны в Белоруссии, храбро сражался до разгрома их полка во много раз превосходящими силами немцев. Попав в окружение, он в сентябре 1941 года организовал небольшую партизанскую группу и стал активно действовать в тылу врага. О дальнейших его ратных делах более детально поведал документ, подписанный бывшим командиром партизанской бригады имени

В.П. Чкалова Михаилом Ивановичем Грибановым, бывшим комиссаром этой же бригады – Иваном Петровичем Казак и бывшим командиром партизанского отряда имени Кузнецова Василием Андреевичем Гавриковым:

«... Группа занималась уничтожением отдельных вражеских солдат и офицеров, а также всех тех, кто оказывал содействие фашистским захватчикам. В июне 1942 года группа тов. Хамукова К.Э. была принята в партизанский отряд имени Кузнецова, бригады имени В.П. Чкалова Барановичского соединения партизан. В начале тов. Хамуков был назначен командиром отделения, потом командиром взвода, а с августа 1943 года по июль 1944 года занимал должность командира партизанской стрелковой роты отряда имени Кузнецова. Тов. Хамуков показал себя смелым, решительным и волевым командиром. Одновременно тов. Хамуков являлся секретарем комсомольской организации отряда.

За доблесть и мужество, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками в тылу врага, тов. Хамуков награжден орденом Красной Звезды и медалью «Партизану Великой Отечественной войны» 1 степени.

Тов. Хамуков предан партии Ленина, делу нашего советского народа».

Далее узнал, что после войны К.Э. Хамуков некоторое время учительствовал, потом окончил партийную школу, был на партийной работе, затем председателем Хабезского райисполкома. После сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС попросился на работу в сельское хозяйство и возглавил укрупненный колхоз имени Кирова. Объединявший аулы Хабез, Али-Бердуковский и Жако.

- Да, так вот как сложилась твоя судьба, мой друг, – протяжно произнес Иван Захарович, еще и еще раз всматриваясь в знакомые черты фотографии Хамукова.

- Завидная судьба! Ты за мою родную Белоруссию сражался, не жалея своей жизни! Земной тебе поклон, мой дорогой Карабит!

Иван Захарович прошелся по кабинету, остановился у окна. Обратил внимание на сизые струйки дыма из труб приземистых домиков, крытых черепицей. Словно опережая друг друга, они устремлялись ввысь в безоблачное морозное небо. И вспомнилась Белоруссия, родная деревня Пеженко, что в Славгородском районе Могилевской области, где в детстве нередко в солнечные мороз-

ные дни наблюдал такую же картину. Но только давно это было. В памяти стали восстанавливаться деталь за деталью события пятнадцатилетней давности.

Отсюда в декабре 1939 года по комсомольской путевке он прибыл в город Гомель в Первое Могилевское стрелково-пулеметное училище.

В это же время сюда из аула Эльбурган Хабезского района, что в Карачаево-Черкесии, тоже добровольцем приехал абазинский паренек Карабит Хамуков.

Веселый и общительный горец вскоре стал любимцем курсантов. Появилось у него много друзей. Но они особенно сдружились, хотя были в разных взводах учебной роты. Не проходило дня, чтобы не находили друг друга, не делились своими новостями.

В напряженной учебе и буднях курсантской жизни прошел 1940 год, настал май 1941 года. Всех радовало, что скоро училище отправится в летние лагеря, а затем еще 2-3 месяца учебы, госэкзамены и каждый уже выйдет на самостоятельное военное поприще. Но жизнь внесла свои поправки. Досрочно состоялся выпуск половины состава старшего курса училища. В их числе оказался и Карабит Хамуков. Это было 10 июня 1941 года.

- Смотри, Коля-черкес, как приедешь к месту назначения, определишься, сразу шли мне свой адрес.

- Слово командира, Ваня-белорус, – взяв под козырек шутливо ответил Карабит.

Однако начавшаяся 22 июня 1941 года война по-своему распорядилась судьбами двух молодых людей...

... Днем председателя колхоза Карабита Эдиковича Хамукова не смогли разыскать. Он объезжал молочные фермы и отары своего хозяйства, проверял ход зимовки. Вернулся вечером. Жена сообщила, что Корней Тлисов по поручению нового военкома по фамилии Александров несколько раз приезжал в правление и к нам домой, справлялся о тебе и просил зайти в военкомат. Услышав эту давно ставшую близкой фамилию, почему-то сразу подумал о своем друге Ване.

- А как его зовут, не скажут?

- Кажется, Иван, а отчество не запомнила.

Хамуков, не раздеваясь, выбежал во двор, приостановил собиравшегося отъезжать кучера, прыгнул в линейку и скрылся в темноте.

- На всякий случай стол приготовь, — донеслось до нее.

Карабит Эдикович, не слушая грозных предупреждений дежурного военкомата, не вошел, а влетел в кабинет комиссара. Трогательной была встреча двух друзей-однополчан после пятнадцатилетней разлуки, в том числе 4 тяжелейшей войны, разными путями пройденной.

Долго сидели в эту ночь друзья в доме у Хамукова. Иван Захарович узнал еще многое о судьбе Карабита Хамукова, о чем не было сказано в документах личного дела. Двадцатилетний лейтенант Хамуков К.Э. 21 июня 1941 года прибыл в 213 полк, находившийся в 20 километрах от города Гродно в местечке Сапоцкино в лесу. Его и бывших с ним выпускников училища радушно принял командир полка Игначев. После поздравления с прибытием во вверенную ему воинскую часть и непродолжительной беседы приказал своему адъютанту устроить их на ночлег прямо в штабе полка, а на утро познакомить с подразделениями, которыми будут командовать, вручить оружие.

Пока готовились к ночлегу, обменивались впечатлениями минувшего дня, прошло еще какое-то время, и уснули лишь за полночь. Через час-полтора началась бомбежка и артиллерийский обстрел. Полк был поднят по тревоге и брошен в помощь пограничным частям, уже сражавшимся с вторгшимися на охраняемую ими территорию немцами. Несколько дней храбро бились наши солдаты и командиры, но не смогли устоять против натиска во много раз превосходящих сил противника. Многие из них пали в бою, а оставшиеся в живых, будучи в окружении, скрылись в лесах и стали объединяться в партизанские группы.

В ходе беседы стало известно и о том, что партизанская рота Карабита Эдиковича Хамукова «специализировалась» на «партизанских концертах», то есть на рельсовой войне. Не одно важное задание он успешно выполнил со своими смельчаками.

Но 18 июля 1944 года в одной из таких операций Карабит был ранен в третий раз. Хотели увезти его на Большую землю, но он отказался. Думал, побудет в партизанском госпитале, быстро подлечится и вновь продолжит воевать.

Однако желания эти не сбылись. Раны оказались тяжелыми, лечили их долго, потом был приговор врачебной комиссии: ограниченно годен к строевой службе.

Трудно было смириться с мыслью, что больше не сможет принять личного участия в уничтожении ненавистного противника, расстаться со своими друзьями-однополчанами, с которыми разделил в годы войны немало тягот и лишений партизанской жизни. После излечения был направлен в Закавказский военный округ, а отсюда в марте 1945 года комиссован и отправлен домой.

А как же сложилась судьба Ивана Захаровича Александрова?

В первые же дни войны оставшийся личный состав военного училища в железнодорожных вагонах направили на Восток. Ехали с задержками, так как уступали дорогу санитарным поездом, шедшим с ранеными (кстати, среди них они встречали своих однокурсников, которых только что провожали в воинские части на службу), и составам, шедшим навстречу с войсками и вооружением.

Недели через три прибыли в город Кирсаново Тамбовской области, а числа 20 июля был издан приказ о присвоении курсантам офицерских званий. 240 человек, в их числе и Александров И.З., получили направление в Старый Оскол на формирование новой дивизии. Лейтенант Александров стал командиром пулеметной роты.

Дивизия была срочно переброшена на реку Волхов, где уже в августе заняла оборону. Здесь-то и получил первое боевое крещение молодой офицер. В октябре, когда превосходящие силы немцев стали теснить наши войска, был дан приказ отступить на новые позиции. Роте Александрова было приказано прикрывать отход своего стрелкового батальона. Приказ был выполнен, но в жестоком бою командир роты был тяжело ранен.

Затем — госпиталь. Излечение. Опять — фронт. В феврале 1942 года опять ранение, госпиталь и некоторое время служба в запасном полку.

После соединения Ленинградского и Волховского фронтов Иван Захарович опять вступает в боевые операции под Нарвой уже в должности командира стрелкового батальона, участвует в освобождении прибалтийских советских республик.

В 1944 году опять получил ранение.

Дело было в Латвии. Перед стрелковым полком, в который входил батальон Александрова И.З., была поставлена задача выбить противника с занимаемых позиций, в полосе которой находилась высота, господствовавшая над расположением наших войск. Вокруг высоты размещался небольшой хутор Гаракас.

После артподготовки, в назначенное время батальон Александрова пошел в наступление. Где огнем, а где штыком и прикладом бойцы, сламывая упорное сопротивление противника, заставили его отступить. Вклинившись вглубь линии фронта около двух километров, батальон занял названный хутор и высоту. Но почему-то с флангов батальоны не смогли прорвать линию обороны противника и остались на прежних позициях. Таким образом, батальон Александрова И.З. оказался оторванным от своих.

Немцы, не желая мириться с потерей очень выгодной для себя позиции, обрушили на александровцев огонь со всех видов оружия, а затем последовали одна атака яростнее другой. Но смельчаки мужественно отражали натиск врага.

Сам командир корпуса поддерживал связь с комбатом: «Молодец, сынок! Еще немного продержись со своими ребятами. Продержись?»

- Продержусь, товарищ комкор!

Такой диалог не раз повторялся в эти жаркие дни.

Комбат Александров и его солдаты впервые стали свидетелями ночных атак немцев. В одной из таких атак вторая рота не выдержала напора врага и отступила во вторые траншеи. Узнав об этом, командир полка приказал восстановить положение и пообещал поддержать залпом «катюш».

Комбат сам повел роту в атаку и вновь занял прежнюю позицию. Пятеро суток продолжались сплошные атаки немцев против батальона храбрецов. Они даже с другого участка фронта сняли танко-самоходный полк и бросили против наших бойцов. Об этом стало известно из показаний пленного солдата. На шестые сутки комбат Александров И.З. получил ранение, и его вынесли с поля боя. В это же день с помощью подоспевшего резерва полк сломил сопротивление противника и пошел в наступление.

Многих солдат и офицеров не досчитались немцы, но немалые потери были и в батальоне Александрова. Достаточно сказать,

что из офицерского состава батальона в строю остались лишь начальник штаба батальона и командир пулеметной роты. Однако батальон мужественно выстоял. За эту операцию комбат Александров И.З. получил орден Красного Знамени уже будучи в госпитале.

Закончив излечение, Иван Захарович опять участвовал в боевых операциях, войну закончил в Румынии в звании майора. К прежним наградам добавились ордена Отечественной войны 1-й степени, Красной Звезды и медали. Затем была служба в частях Советской Армии. После Хабеза Иван Захарович работал в областном военкомате. Отсюда в 1960 году ушел в запас и остался с семьей жить в полюбившемся ему городе Черкесске. После выхода на пенсию он не оставил работу: продолжил заниматься ею на заводах НВА и РТИ.

Иван Захарович долгие годы возглавлял партийную организацию заводоуправления, был председателем заводского совета ветеранов партии войны и труда, руководил группой содействия Фонду мира. Коммунист И.З. Александров свою жизнь посвятил служению Отчизне, военно-патриотическому и интернациональному воспитанию молодежи.

Карабит Эдикович Хамуков последние годы работал заведующим Хабезским районным отделом народного образования. За большой вклад в развитие экономики и культуры области награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалями. Перенес тяжелую болезнь, но не сдался. После излечения, уже будучи персональным пенсионером республиканского значения, работал инженером по подготовке кадров на заводе, возглавлял на общественных началах заводской кабинет политпросвещения, являлся заместителем председателя Хабезского районного совета ветеранов партии, войны и труда. Активно участвовал во всех общественно-политических мероприятиях района. Как и Иван Захарович проводил большую работу по военно-патриотическому воспитанию молодежи.

Дружба однополчан, рожденная в братской Белоруссии, опаленная грозвыми годами войны, не померкла, а наоборот, уже в Карачаево-Черкесии расцвела всеми своими красками. Эта дружба обрела форму семейной и продолжается до сих пор, хотя уже нет в живых Ивана Захаровича и Карабита Эдиковича.

Главный праздник семьи Сухобоченковых

День Победы для каждого россиянина – праздник особенный. Нет в нашей стране семьи, где бы в этот день не вспоминали бы отца или деда, брата или прадеда, принесших на алтарь Отечества во имя Победы свои жизни. Нет семьи, где бы не вспоминали тех солдат Великой Отечественной, которые дожили до Победы и чей путь оборвался уже в мирное время. Годы берут свое и, и лишь в редких счастливых семьях сегодня могут поздравить с праздником отца или деда – ветерана. Семья жителей Черкесска Сухобоченковых счастлива вдвойне: в ней два ветерана Великой Отечественной войны – Николай Львович и Любовь Артемовна, в девичестве Кравченко. Муж и жена, отец и мать, дедушка и бабушка и уже прадедушка и прабабушка. Счастливы их внуки и правнуки, которые не по изменяющимся при смене власти учебникам истории, а из первых уст могут узнать всю правду о войне. Тем более, что и Николай Львович, и Любовь Артемовна прошли Великую Отечественную от начала до конца. Он был командиром стрелковой и саперной рот, комсоргом батальона и полка, политработником. Она – военврачом. С врачами на войне Николаю Сухобоченкову приходилось иметь дело часто. Даже день Победы встретил в госпитале. Под Прагой, где в те дни сражалась танковая бригада, в которой служил Сухобоченков, попала под обстрел, и Николай был повторно ранен. И свою любовь на всю жизнь – Любовь во всех смыслах с большой буквы – тоже встретил на войне. И вот уже более шестидесяти лет идут они по жизни, рука об руку, подерживая друг друга. Два фронтовика – два солдата Победы.

О Николае Львовиче Сухобоченкове в Карачаево-Черкесии знают и стар, и млад. Очень уж заметны, глазом видимы и осязаемы вехи его трудовой деятельности в нашей республике. Будучи многие годы первым секретарем Черкесского горкома КПСС, а затем и секретарем обкома партии, Сухобоченков курировал строительство. Именно под его непосредственным руководством возведены такие крупнейшие объекты, как Урупский горно-обогатительный комбинат, Эркин-Шахарский сахарный завод, Специальная астрофизическая обсерватория «РАТАН-600» Академии наук СССР, тепличный комбинат «Южный», Курджиновский мебельный комбинат, крупнейший на Северном Кавказе Ка-

рачаево-Черкесский цементный завод и многие другие предприятия. Много сил отдано строительству заводов НВА, РТИ, строительных трестов, возрождению ЧЗХМ.

Карачаево-Черкесия стала его второй малой родиной, где он с семьей осел навсегда. А ведь и слыхом не слыхивал о нашем крае и в планах не имел обустривать жизнь на Кавказе деревенский мальчишка из села Рыльскова Смоленской области, родившийся восьмым ребенком в многодетной крестьянской семье ровно через пять лет после Октябрьской революции – 7 ноября 1922 года. А мечта у боевого активного паренька была одна с детства – стать военным, Родину защищать. К этому всей душой и стремился. Поступил в Златоустское военно-инженерное саперное училище.

С началом Великой Отечественной войны срок учебы в военном училище сократили. Занимались будущие командиры по уплотненной программе. Получив диплом, Николай в звании лейтенанта был направлен на фронт в район Крыма и назначен на должность заместителя командира стрелковой роты. Не шохавшему пороха лейтенанту не было и двадцати. А оказался он в самом пекле.

Маршал Советского Союза Г.К. Жуков в своих воспоминаниях пишет: «В конце апреля 1942 года наступление наших войск в Крыму окончилось неудачей. Войска Крымского фронта, не достигнув цели, понесли значительные потери.

8 мая противник, сосредоточив против Крымского фронта свою ударную группировку и введя свою многочисленную авиацию, прорвал оборону. Наши войска, оказавшись в тяжелом положении, были вынуждены оставить Керчь».

Не успел молодой лейтенант Сухобоченков разобраться в сути происходивших в Крыму событий, как оказался в бою. Повезло ему, в отличие от многих других таких же «желторотиков-лейтенантов», для которых первое же боевое крещение стало и последним: жив остался Николай. Правда, получил тяжелые ранения в обе ноги, руку и челюсть, был контужен. Не мог раскрыть рот, лишился дара речи. В таком беспомощном состоянии был вынесен с поля боя под шквальным огнем противника и вместе с другими ранеными переправлен через Керченский пролив в Тамань, откуда его перевезли залечивать раны в госпиталь при санатории

имени Красной Армии в город Пятигорск. Вот тогда и встретился с Кавказом.

После двух месяцев лечения юного лейтенанта для дальнейшего подкрепления здоровья отправили на полгода домой. Это случилось 27 июля 1942 года в канун занятия города немцами. А где тот дом? Некуда было податься Николаю. Родное село Сухобоченковых разорили и сожгли фашисты. Поехал в Пензенскую область, куда эвакуировались родственники. Домашнее лечение дало плоды. Раны затянулись, и через два месяца, немного окрепнув, он пошел в военкомат проситься обратно на фронт.

Выдержать шесть месяцев в тылу в то время, когда на фронте шли ожесточенные бои, он не мог. Однако просьбу не удовлетворили. Но хотя бы избавили от тягостного бездействия – оставили служить в Лунинском районе. Назначили командиром взвода 35-й запасной саперной роты, которая занималась обучением и подготовкой специалистов для фронта. Одну группу вскоре отправили в действующую воинскую часть, затем вторую, а с третьей группой ушел на фронт и лейтенант Сухобоченков. И оказался в составе 3-го отдельного запасного саперного полка Юго-Западного фронта под городом Харьковом.

24 мая 1943 года ЦК ВКП(б) принял постановление «О реорганизации структуры партийных и комсомольских организаций Красной Армии и усилении роли фронтовых, армейских и дивизионных газет».

Этот документ требовал, чтобы политорганы, партийные и комсомольские организации направляли все свои усилия на повышение моральных качеств и политической сознательности личного состава.

Кандидатура Н.Л. Сухобоченкова оказалась самой подходящей для того, чтобы возглавить комсомольскую организацию учебного батальона 3-го отдельного саперного полка Юго-Западного фронта (грамотный, участник сражений, имел ранения, смелый и т.д.).

В этом же году вступил в партию. Спустя время стал комсоргом 82-го отдельного мотоциклетного батальона 23-го танкового корпуса. В бою, как и положено комсору, себя не жалел, первым шел в атаку и других вел за собой. В боях за город Аджуд-Асуа организовал атаку мотоциклистов и сам лично уничтожил

пятерых гитлеровцев. Город был взят. За мужество и смелость, проявленные в этом бою, лейтенант Сухобоченков был награжден первым своим орденом Красной Звезды.

А фронтовые дороги вели дальше. С боями прошел Россию, Украину, Белоруссию... И вот долгожданная граница Советского Союза. Враг изгнан с родной земли, советский воин-освободитель вступил в Европу.

...С боями мужал бывший мальчик-лейтенантик. Прибавлялось звездочек на погонах и орденов на гимнастерке. Вот Николай Сухобоченков уже старший лейтенант, помощник начальника политотдела 3-й танковой Чапанской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова бригады. За исключительные отвагу и мужество в боях 250 комсомольцев бригады представлены к государственным наградам. Николай Сухобоченков награждается орденом Отечественной войны 2 степени. Как говорится в наградном листе: «за самоотверженную работу по партийно-политическому обеспечению оборонительных и наступательных боев».

В составе 3-го и 2-го Украинских фронтов освобождал Николай Сухобоченков от фашистов столицы Венгрии и Австрии, за что тоже был награжден.

Война для него началась с ранения и ранением закончилась – сообщение о нашей Победе застало его в Праге, в госпитале. После лечения еще год служил в армии, демобилизовавшись, решил поселиться с женой на Ставрополье. Работал первым секретарем Петровского райкома ВЛКСМ, затем был избран вторым секретарем Черкесского обкома ВЛКСМ. Окончил партшколу и с 1950 года занимался партийной работой. Его трудовой путь отмечен тремя орденами Трудового Красного Знамени, орденом «Знак Почета», медалями. Удостоен звания «Почетный гражданин города Черкесска».

Будучи командиром на фронте, он прекрасно изучил психологию людей, что необходимо руководителю любого ранга и в мирной жизни. Теорию управления постиг в ВПШ, но Сухобоченкову и этого было мало. Он хотел досконально знать те отрасли, которые курировал. Для этого без отрыва от работы окончил педагогический и строительный вузы. Выйдя на пенсию, продолжал активную общественную деятельность. Свыше десяти лет возглавлял

лял совет ветеранской организации республики, которая своим авторитетом и весом и сегодня обязана ему.

Вдвоем с Любовью Артемовной вырастили прекрасных детей, в чьих правилах никогда не было прятаться за спины родителей-фронтовиков.

Пожелаем же замечательной супружеской паре ветеранов Великой Отечественной войны здоровья, счастья и еще много раз встречать и отмечать День Победы, который они оба «приближали как могли!»

Его жизнь – пример для подражания

По истории нашего горного края издано много научной и художественной литературы. Меня, как журналиста, всегда волновала тема Великой Отечественной войны. Ценной и содержательной в этом ряду изданий является книга доктора исторических наук, профессора Ч. Кулаева «Народы Карачаево-Черкесии в годы Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг.»

Сегодня, когда мы придаем особое значение патриотическому воспитанию молодежи, это издание окажет добрую услугу педагогам, студентам и школьникам республики. Реальные люди, чья жизнь – это подвиг, стоят за каждой строкой этих документов.

Вот, например, правительственная телеграмма, датированная 22 февраля 1945 года и направленная в Икон-Халкский районный комитет партии Черкесской автономной области.

«Передайте трудящимся Икон-Халкского района, собравшим 243 тысячи рублей на строительство эскадрильи бомбардировщиков «Красная Черкесия» для летчиков второго Белорусского фронта, мой братский привет и благодарность Красной Армии». Далее следует подпись верховного Главнокомандующего маршала Советского Союза И. Сталина.

Тот, кто лично испытал все тяготы военной разрухи, кто на своих плечах перенес неимоверный груз восстановительного строительства разграбленных фашистами общественных хозяйств, поймет, каких трудов стоила простым крестьянам помощь фронту.

Этому факту предшествовала нелегкая организационная работа, а затем была телеграмма на имя верховного Главнокомандующего, подписанная секретарем РК ВКП(б) У. Наневым и заведующим военным отделом комитета М. Шебзуховым.

В пору своей работы в Хабезском районе мне часто приходилось встречаться с председателем райисполкома Муталибом Шебзуховым. Но тогда я не знал, что именно он отправлял в Москву телеграмму на имя главы государства. И вышеназванная книга побудила меня подробно поинтересоваться судьбой этого, как в последствии оказалось, легендарного человека.

Муталиб Адамович родился в 1920 году в ауле Хабез. Его детские и юношеские годы прошли в Адыге-Хабле. В семье Шебзуховых было семеро сыновей, старшим из них был Муталиб. По-

сле окончания в 1938 году десяти классов средней школы № 11 города Черкесска юношу пригласили на работу в Икон-Халкский райком комсомола (ныне Адыгее-Хабльский район). Здесь он в течение двух лет прошел путь от заведующего отделом до первого секретаря РК ВЛКСМ.

В 1940 году шел призыв на действительную службу в Красную Армию, и повестки получили сверстники Шебзухова. Не желая отставать от них, Муталиб стал предпринимать всевозможные попытки попасть в армию через руководство райкома партии. Но там категорически были против его освобождения от должности, так как не хотели терять вожака молодежи района.

Тогда он стал уговаривать военкома Г. Зиздока. Комиссар был хорошо знаком с отцом Муталиба и рассказал ему о просьбе юноши. Адаму Шебзухову было тяжело терять своего главного помощника в семье. Но он не стал перечить желанию своего сына.

В октябре 1940 года Муталиб оказался в 11-м Саратовском полку 5-й Ставропольской кавалерийской дивизии имени Блинова. Молодого, но уже достаточно опытного комсомольского вожака, члена ВКП(б) Шебзухова назначили на должность заместителя политрука 2-го эскадрона. В его обязанности входило быть в курсе всех международных и происходящих внутри страны событий и грамотно просвещать бойцов своего эскадрона.

Из станицы Старокопеевской, что на Украине, 5-я дивизия под видом учений с 3 по 22 мая 1941 года маршем двигалась через Украину и Молдавию к западной границе. К 22 июня они уже были от нее в 12 километрах, в приграничном селе Лехо, что напротив румынского города Яссы на другом берегу реки Прут. И в походных условиях все это время командование дивизии ориентировало подчиненных через своих политработников на совершенствование военно-политической подготовки и неустанной бдительности бойцов и командиров.

В 5 часов утра 22 июня 5-я Ставропольская дивизия вступила в первый бой с прорвавшимся через границу противником. Целый месяц под бомбежками и разрывами снарядов дивизия удерживала свои рубежи, пока не поступил приказ об отступлении. А вызвано это было тем, что дивизия могла оказаться в кольце окружения прорвавшихся на флангах моторизованных сил фашистской армии.

Что было дальше, нам повествуют выдержки из дневника боевых действий полка. Запись подлинна, ибо была скопирована из документов архива Министерства обороны РФ.

«... Послышалась команда «По коням!», и все двинулись вперед. Ехали шагом. Я (автор дневника) слышал, как кто-то в строю читал последние известия. Лицо у него было вспотевшее, смуглое, черные глаза смотрели на ровные строчки. После прочтения сводки он добавил: «Давайте-ка немцам так дадим духу, чтоб и о нас писали в сообщениях!» Это был замполитрука 2-го эскадрона Муталиб Шебзухов.

Проехав два часа, вступили в жестокий бой. Бой не на жизнь, а на смерть.

- Вам боевое задание, товарищ Шебзухов, - сказал командир эскадрона. - Срочно передать в штаб полка, что противник группирует свои силы с целью нанести удар по левому флангу. Эскадрон готовится к контратаке.

В ответ послышалось твердое: «Есть!» 600 метров ползком, глотая пыль под бесконечным градом пуль, пришлось преодолевать Муталибу, и весь путь пролегал в 200 метрах от противника. В пути он несколько раз оказывался на волоске от смерти: вражеская пуля пробила его рубаху в двух местах, но он не дрогнул и вовремя доставил донесение в штаб.

Полк успешно отразил атаку врага. После боя о Шебзухове говорили: «Вот настоящий смельчак. С ним никогда не пропадешь».

Шли дни в жестоких боях. 29 июля был жаркий день, ни ветра, ни тени, ни облака, горела земля от разрывов снарядов и небо - от полуденного солнца. В 11 часов начался бой. Враг пробирался через поле, где росла рожь, и от этого весь участок был черным от касок. Забила наша артиллерия. Попадания были настолько меткими, что враг исчезал вместе с дымом разрывавшихся снарядов.

Пошли в атаку. Шебзухов впереди со своими комсомольцами кромсал врага. Вот уже окончена атака, прозвучала команда: «Занять оборону!» В это время вражеская пуля ранила Муталиба в левую ногу, но даже после этого он не бросил поле боя. Его вынесли лишь тогда, когда окончилась схватка».

Подвиги заместителя политрука 2-го эскадрона Муталиба Шебзухова получили высокую оценку у командования, которое представило его к ордену Красного Знамени. Под наградным листом свои подписи поставили командир 11-го кавалерийского полка майор Зубов, военком полка, батальонный комиссар Курашинов, начальник штаба полка капитан Шпальберг.

Заключение о том, что Шебзухов заслужил высокую награду своими подвигами, удостоверили и командир 5-й кавдивизии генерал-майор Баранов, военный полковой комиссар Корусевич, командир 4-го кавкорпуса генерал-майор Белов, военком корпуса, бригадный комиссар Щелаковский.

Выписка из наградного листа:

«12.07.41 г. Под градом вражеских пуль своевременно доставил донесение от эскадрона командиру полка. Эскадрон вовремя занял выгодный огневой рубеж.

29.07.41 г. В бою за село Немиловское доставил срочное донесение командиру полка и, встретив троих вражеских автоматчиков, двух убил, сам раненный прибыл в эскадрон».

Когда противник выводил из строя радио- или телефонную связь, нередко приходилось донесения отправлять через бойцов.

В первые суматошные дни начального периода войны командирам и штабистам не приходилось упражняться в красноречии и соблюдении литературного стиля. Поэтому наградные листы и другие документы порой были кратки, конкретны, без лишних слов.

Приказом по войскам Западного фронта за № 0286 от 12 ноября 1941 года Муталиб Адамович Шебзухов был награжден орденом Красного Знамени за номером 201370. Заметим, что награда отыскала его лишь в 1943 году в Адыге-Хабле.

После ранения Муталиба Шебзухова с перебитыми сухожилиями левой ноги в августе 1941 года направили через Одессу в город Сочи в госпиталь при санатории имени Фрунзе. После лечения он вновь попал на фронт, но уже в составе 2-й гвардейской стрелковой дивизии 37-й армии в должности политрука роты в звании старшего лейтенанта.

Именно эта 2-я гвардейская освобождала нашу территорию и город Черкесск в январе 1943 года, но Шебзухову не довелось принять участие в сражениях за родные места. Осенью 1942 года в

боях за селение Кизбурун-1 в Кабардино-Балкарии ему осколком выбило правый глаз, и он вновь оказался в госпитале, но уже в городе Баку. Среди персонала этого лечебного учреждения не было окулистов, и Муталиба отправили в гражданскую клинику большого специалиста профессора Трубникова, который и сделал ему операцию, но без использования протеза не обошлось. Какое-то время Муталиб еще находился в военном госпитале, затем его откомандировали в Тбилиси.

В это время Закавказский фронт готовился к освобождению Северного Кавказа. Когда из офицерского запасного полка набирали добровольцев в ударную бригаду, формировавшуюся для указанной цели, Муталиб тоже решил войти в их ряды. Но когда узнали, что он не годен к строевой службе, его вновь вернули в запасной полк и посадили под домашний арест на 15 суток за сокрытие своей непригодности к службе. Вскоре его демобилизовали из армии и направили в Киргизию в город Фрунзе в распоряжение ЦК партии республики. В эту пору наша территория была еще оккупирована.

В 20-х числах января 1943 года Муталиб был уже в Черкесске. Обком партии его вновь направил в Икон-Халкский район на должность председателя райисполкома.

Он, инвалид войны, никогда не мог сидеть сложа руки. Ему было необходимо быть там, где трудно.

После окончания Ставропольской партшколы в 1951 году Муталиба Адамовича выдвигали на должность секретаря Икон-Халкского, затем Кувинского райкомов КПСС, возглавлял он в разное время и Советы депутатов трудящихся этих районов. С 1957 года был председателем Хабезского райисполкома. И где бы ни работал этот замечательный, трудолюбивый человек, всюду оставлял заметный добрый след.

В Хабезе при его активном участии были возведены корпуса районной больницы, здание нынешнего лицея, жилые дома, проложен водопровод. Экономика района наращивала обороты, крепili колхозы и совхозы. За большой вклад в развитие района Муталиб Шебзухов был удостоен еще одного ордена Красного Знамени – Трудового.

Возглавляя в свое время РСУ в городе Черкесске, за счет сверхплановых прибылей построил здание городского дома куль-

туры, который и сейчас является культурным центром столицы. В должности начальника дорожно-строительного управления № 2 Ставропольского краевого дорожного управления проложил более 150 километров дорог к труднодоступным высокогорным пастбищам Карачаево-Черкесии.

Немало труда он вложил в строительство птицефабрики «Заря», агрофирмы «Союз-совхоз Юбилейный» и других объектов в городе Черкесске.

Где бы ни трудился Муталиб Шебзухов, он отдавал себя сполна порученному делу и этого требовал от подчиненных.

И сейчас, в свои 84 года, возглавляет республиканский фонд помощи ветеранам войны, труда и правоохранительных органов. К каждому празднику старается сделать приятное своим подопечным. Вот, например, через руководство Карачаево-Черкесского сахарного завода добился выдачи 15 тонн сахара для бесплатной раздачи ветеранам.

И, даже имея большие заслуги, он никогда не пользовался особыми привилегиями. Живет в предоставленной ему как инвалиду войны двухкомнатной квартире, хотя и имел возможность в годы работы в строительных организациях запастись жильем, как это делали коллеги.

Вот такой он, патриот своего Отечества Муталиб Адамович Шебзухов, с которого нужно брать пример современной молодежи.

Именное оружие офицера

Об этом событии, произошедшем в Крыму в феврале 1945 года, известно всему цивилизованному миру. Речь идет о Ялтинской конференции глав трех государств, оказавшихся политическими и военными союзниками в борьбе против гитлеровской Германии во Второй мировой войне.

На этой исторической встрече Председателя Совнаркома СССР И. Сталина, Президента США Т. Рузвельта и Премьер-министра Великобритании У. Черчилля были согласованы действия трех держав на завершающем этапе войны и послевоенная организация мира. Было принято соглашение и по вопросам Дальнего Востока, в котором предусматривалось вступление Советского Союза в войну против Японии, оговорены конкретные территории, которые будут возвращены нашей стране.

Эта давняя страница героического прошлого нашего государства сегодня привлекла мое внимание тем, что с нею были связаны судьбы наших земляков, призванных на фронт из тогдашних Карачаевской и Черкесской областей.

Решение о проведении очередной встречи глав правительств трех держав было принято на Тегеранской конференции в 1943 году. О месте проведения данной конференции было еще не известно. Предлагались разные варианты за пределами СССР. Но Сталин настоял, чтобы она состоялась именно на нашей территории. На решающем этапе войны он, как Верховный Главнокомандующий Вооруженными Силами СССР, не мог отлучиться из своей страны и ослабить руководство войсками. Его аргументы были учтены союзниками. Предложение о проведении очередной встречи в Крыму было поддержано ими.

Руководство Советского Союза даже в условиях жесточайшей разрухи сумело соблюсти общепринятые нормы проведения подобных встреч и четко справилось с поставленной задачей.

Южный берег Крыма был выбран неслучайно. И прежде всего потому, что именно в советской Ялте, Алушке и Кореизе располагались достойные по красоте архитектурные памятники. Это дворцы и особняки царствовавших вельмож. Немало усилий было приложено, чтобы привести в порядок эти разрушенные войной объекты.

Под резиденцию Т. Рузвельта отвели Ливадийский дворец. Здесь условия позволяли проводить и пленарные заседания конференции. У. Черчилль выбрал для себя Воронцовский дворец в Алушке. И. Сталин же со своей делегацией разместился в Кореизе.

Особое внимание уделялось безопасности участников конференции. Для их охраны и обслуживания отбирались надежные, проверенные люди.

Боевой офицер, гвардии лейтенант Хамид Кадагазов при выписке из госпиталя после очередного ранения был определен заключением врачебной комиссии как «ограниченно годный к строевой службе». Из 62-го полка офицерского резерва его направили в 361-й отдельный гвардейский батальон внутренних войск, дислоцировавшийся в Крымской области. Здесь уже с августа 1944 года велась подготовка к предстоящей конференции.

В обязанности лейтенанта Кадагазова входила работа по приему и обустройству военнослужащих и специалистов, которые были командированы для подготовки и проведения сверхсекретного мероприятия. Однажды, занимаясь сверкой списков вновь прибывших, он наткнулся на фамилию, которая напомнила ему о родном крае...

Сам Хамид Кадагазов родился в а. Жако Хабезского района бывшей тогда Черкесской автономной области. Но в 30-е годы, когда скоропостижно умер отец, их семья по настоянию родственников матери переехала в ее родной аул Каменноост Карачаевской АО. Там дети Кадагазовых воспитывались под присмотром карачаевской семьи Герюговых. Повзрослев, отсюда же был мобилизован в армию Хамид вместе с братом Фуадом. А вскоре на фронте оказалась и их сестра Шайдат. Кадагазовы стали офицерами, все трое достойно воевали.

Когда Хамид прочел фамилию «Тхайцухов», то мысленно оказался в Черкесии. Ибо там, в абазинских аулах, проживают носители этой фамилии. Не допуская сомнений, при первой возможности Хамид решил встретиться с пока еще условным земляком. Начальнику хозяйственного довольствия, а по совместительству на него возлагались и иные обязанности, Кадагазову было несложно отыскать нужный адрес, так как все домовладельцы, сдавшие свои квартиры военным постояльцам, были также проверенные люди.

При появлении Хамида хозяйка предупредила, что прибывший офицер в дороге очень устал и лег отдыхать. Кадагазов прошел в комнату тихим шагом и остановился у кровати, на которой спал молодой лейтенант. На табуретке поверх гимнастерки лежала кобура пистолета. И тогда он, решив подшутить над офицером, протянул руку к его оружию. Но в то же мгновение тот привстал на локте и оценивающе взглянул на незваного гостя. Его ладонь уже была под подушкой и, как догадался Хамид, сжимала рукоять пистолета. Стало ясно, что дело принимает нешуточный оборот.

- Откуда родом, лейтенант? – нарочито сурово задал вопрос Кадагазов.

- Со Ставропольского края, – ответил офицер, поспешно приводя свою форму в порядок.

- А точнее? – переспросил Хамид, едва сдерживая улыбку.

Но тут и Тхайцухов, догадавшись, кто именно его так строго допрашивает, рассмеявшись громко, отрапортовал:

- Из аула Абазакт Черкесской автономной области, что в составе Ставропольского края...

Земляки обнялись. Они и в самом деле были знакомы с довоенных времен и сейчас, в Ялте, с радостью узнали друг друга.

До самого завершения Ялтинской конференции Хамид Кадагазов и Ибрагим Тхайцухов часто виделись, а на прощание пожелали друг другу дожить до Великой Победы и отметить этот праздник в родном краю.

Они встретились после войны. Каждый из них определился в мирной жизни по-своему.

Хамид Машукович Кадагазов после демобилизации работал заводчиком Хабезского райисполкома. Затем переехал в город Карачаевск и продолжил свою трудовую деятельность в различных хозяйственных и торговых предприятиях.

О Хамиде Кадагазове я так подробно рассказываю потому, что ему я обязан возможностью написать этот документальный очерк. В свою очередь он тоже был удостоен ордена Отечественной войны и других наград, а орден Красной Звезды, которым был отмечен за участие в хозяйственном обеспечении Ялтинской конференции, ему вручили на Марухском перевале во время первого восхождения комсомольцев и молодежи к местам сражений.

А вот о дальнейшей судьбе Ибрагима Тхайцухова мне довелось узнать, к сожалению, лишь после его кончины, много лет спустя.

Я с трудом разыскал его старшую дочь Фатиму, хранительницу архива и наград своего отца. Вместе с братом Юрием они поведали о нем многое.

Ибрагим Асланбиевич был защитником Севастополя, где получил тяжелое ранение. После излечения участвовал в боях по освобождению Северного Кавказа. Осенью 1943 года его отозвали с фронта для продолжения дальнейшей службы в органах госбезопасности. За время войны он был удостоен ордена Отечественной войны 2 степени, медалей «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Кавказа» и других наград. За участие в выполнении спецзаданий во время упомянутой Ялтинской конференции И. Тхайцухов был награжден именным оружием – пистолетом «ТТ».

Человеку, знающему военную историю нашего государства, должно быть понятно, что могла значить подобная награда. Ведь промахи и ошибки, допущенные при проведении предыдущей встречи этой же «тройки» в Тегеране, в Ялте были исключены.

Из дипломатической литературы, например, известно, что Тегеран кишел немецкой агентурой, а спецслужбы вынашивали различные планы против «тройки»: «мы ликвидируем «большую тройку» и повернем ход войны», «мы сделаем попытку похитить Рузвельта, чтобы фюреру было легче сговориться с Америкой» и т.д.

После ухода из органов по состоянию здоровья и семейным обстоятельствам И. Тхайцухов трудился в аппарате райкома КПСС, возглавлял колхоз в родном ауле, затем был председателем рабочкома укрупненного совхоза «Черкесский» до ухода на пенсию.

Чтят память о достойном сыне своего аула абазактцы и жители Хабезского района. О его честности и порядочности земляки вспоминают до сих пор. Имея значительные заслуги перед Отечеством, он никогда не кичился ими, жил скромно, в таком же духе воспитывал своих детей и внуков.

К слову сказать, когда подросли сын, племянники и стали проявлять особый интерес к пистолету, во избежание несчастного случая И. Тхайцухов сдал его в органы МВД.

В послевоенные годы, изредка встречаясь, Хамид Машукович и Ибрагим Асланбиевич в кругу друзей вспоминали о событиях давней военной поры, о своей причастности к проведению такого секретного международного форума, как Ялтинская конференция глав трех союзнических государств: СССР, США и Великобритании.

Такова одна из страниц биографии наших славных земляков, проживших нелегкую, но по-своему прекрасную жизнь. Она дает право современникам гордиться ими и быть достойными их светлой памяти.

* * *

П Р И К А З 218 от 06.06.45 г.

Начальника управления НКГБ по Ставропольскому краю
СОДЕРЖАНИЕ: С объявлением выписки из приказа НКГБ СССР за № 116 от 29 апреля 1945 г.

29 мая 1945 г.

№ 062

гор. Ставрополь

Ниже объявляется выписка из приказа НКГБ СССР за № 116 от 29.04.45 г. о награждении работников органов НКГБ:

«За успешную работу по выполнению заданий НКГБ СССР

НАГРАДИТЬ: БОЕВЫМ ОРУЖИЕМ

Тхайцухова Ибрагима Асланбиевича – оперуполномоченного Хабезского райотделения НКГБ Черкесской Автономной Области.

п.п. Народный комиссар государственной безопасности СССР,

комиссар госбезопасности 1 ранга В. Меркулов

Начальник управления НКГБ Ставропольского края

комиссар государственной безопасности Мешанов

ВЕРНО: Пом. о/уполн.секретариата УНКГБ по СК

мл.лейтенант госбезопасности

(Матвеева)

СПРАВКА

СССР
УПРАВЛЕНИЕ МВД
по
Ставропольскому краю
Отдел кадров
«18» июня 1953 г.
№
г. Ставрополь

Выдана тов. Тхайцухову Ибрагиму
Асланбиевичу в том, что он действительно
приказом НКГБ СССР № 116
от 29/IV-1945 г.
награжден боевым оружием
пистолетом системы «ТТ» № 543
Начальник отдела кадров УМВД СК
подполковник (Платунов)

Мастеровой войны

С Абдулом Магометовичем Магажиковым я познакомился в Черкесске, куда он приезжал из Пятигорска по служебным делам. Увидев на его пиджаке множество орденских планок, приятно удивился. Подробно поговорить о его ратных делах, к сожалению, не удалось. А вскоре после нашей встречи он скорпостижно скончался.

Пришлось заняться поисками документальных свидетельств о его боевом пути. В Пятигорске, в городском военном комиссариате познакомился с личным делом, послал запросы в центральный архив министерства обороны, откуда получил выписки из наградных листов.

Дочери Абдула Магометовича – Татьяна и Ирина любезно предоставили мне книгу «Боевая комсомольская», выпущенную военным издательством Минобороны СССР еще в 1965 году. В ней описан боевой путь 1-й штурмовой комсомольской Смоленской Краснознаменной орденов Суворова и Кутузова инженерно-саперной бригады, в составе которой проходила боевая молодость их отца.

Родился Абдул Магажиков в ауле Псыж в 1918 году. Рано лишился родителей, воспитывался в детском доме. Потом был принят в семью родственников отца. После школы окончил Черкесское педагогическое училище. А в ноябре 1939 года его призвали в Красную Армию.

В составе 81-го стрелкового полка 56-й стрелковой дивизии в 1939-40-х годах ему довелось участвовать в боях с белофиннами. Затем учеба на ускоренных курсах Борисовского военно-инженерного училища, откуда его направили в 517-й отдельный саперный батальон 18-й армии Южного фронта.

Уже через полгода Магажикова назначили командиром роты этой же воинской части.

8 ноября 1942 года в Тбилиси была сформирована 64-я комсомольская инженерно-саперная бригада резерва Верховного Главнокомандования, в которую наряду с другими инженерно-саперными частями вошел и 331-й инженерный батальон 47-й армии.

Бойцов инженерных войск уважительно называли «мастеровыми войнъ».

В канун нового 1943 года началась наступательная операция Закавказского фронта по освобождению Северного Кавказа. В ночь на 5 января была произведена инженерная разведка реки Терек и ее рукавов. Обнаружили четыре моста, три из которых частично разрушены. Строительные материалы для их восстановления находились недалеко, и подразделения частей 64-й бригады немедленно приступили к работе. Терек и его притоки – весьма бурные. Строительные работы сопряжены со многими трудностями. «Но, несмотря на это, – говорилось в упомянутой книге, – роты офицеров М. Сироты и А. Магажкова, применяя в каждом конкретном случае подходящую конструкцию опор, быстро восстановили мосты. К исходу 7 января все три разрушенных моста (длиной до 40 метров и шириной 4 метра) были восстановлены для пропуска средних танков.

Кроме этого, рота Магажкова построила за две недели мост через Терек у Эльхотова для провоза тяжелых грузов.

Приказом командира бригады в числе других старшему лейтенанту А. Магажкову была объявлена благодарность, а 20 февраля 1943 года он был удостоен первой награды – ордена Красной Звезды.

64-я комсомольская бригада была преобразована из инженерно-саперной в инженерно-штурмовую. С 10 июня она стала именоваться 1-й штурмовой комсомольской инженерно-саперной бригадой резерва Верховного Главнокомандования. Все это и определило новое назначение – штурмовые действия по прорыву сильно укрепленных рубежей обороны врага.

В начале лета 1943 года советские войска вели боевые действия в районе Курского выступа. Немецко-фашистское командование придавало большое значение этому плацдарму. Отсюда оно намеревалось начать новое наступление в глубь страны.

Чтобы отвлечь внимание противника, не дать ему возможности помешать наступлению наших войск, под Курском была принята наступательная операция. Для проведения ее Ставка Верховного Главнокомандования из своих резервов дополнительно выделила в состав фронтов необходимое количество частей и со-

единений, в том числе и 1-ю штурмовую комсомольскую инженерно-саперную бригаду.

Саперы проделывали проходы в минных полях и проволочных заграждениях вблизи траншей противника под его обстрелом. Бесстрашие, самообладание, отличную выучку и безупречное мастерство при этом проявили воины 4-го штурмового инженерно-саперного батальона, в состав которого входила и 3-я рота Магажкова. Все работы выполнялись в непосредственной близости от противника, на одной из горячих точек линии фронта под огнем и артиллерийским обстрелом.

Вот, как это описывается в названной книге: «На район складов авиация противника сделала несколько сильных налетов. Участок леса, где работали саперы, дрожал от разрывов бомб. Очагами горел лес. Дым, газы, пыль и легкие частицы грунта, поднявшиеся в воздух, смешались, образовав густое едкое облако. Газы вызывали у бойцов сухой кашель».

В этих условиях саперы А. Магажкова заготовили необходимые конструкции моста и перенесли их на себе к месту строительства. Были минуты, когда при налете авиации врага саперы опускались в воду и дышали через камышовые трубочки, заготовленные заранее.

Несколько суток личный состав 4-го батальона пропускал по этим переправам войска, развивавшие наступление и уходившие все дальше на запад.

Вторым орденом Красной Звезды капитан А. Магажков награжден за участие в штурме и взятии высоты 233,3.

На оборону этой высоты фашистское командование бросило отъявленных головорезов из отрядов «Ваффен-СС». Они устроились с комфортом – глубоко под землей построили жилище, клуб, баню, склады и мастерские. Гарнизон этого подземного городка насчитывал до 800 солдат и офицеров. Гитлеровцы считали его неприступным.

Части 10-й гвардейской армии продвинулись к высоте на один километр. Три дня подразделения дрались за высоту, но овладеть ею не смогли. И тогда на штурм высоты командование решило бросить комсомольцев-штурмовиков, имевших необходимый боевой опыт прорыва вражеских укреплений. И 10 августа 1943 года они блестяще выполнили эту задачу.

Военный совет Западного фронта высоко оценил действия комсомольско-штурмовой бригады, наградив орденами и медалями 91 человека, в их числе и капитана Магажкова орденом Красной Звезды.

Воспоминания очевидца этих событий полковника в отставке В. Нежинского воссоздает картину происшедшего более полно. Вот что он пишет в статье «Неуязвимые»:

«...Операция по штурму высоты была совершенно секретной. В ней впервые во второй мировой войне для защиты атакующих были применены нагрудные стальные панцири-циты.

...высоту 233,3 на Ельнинском направлении, которую безуспешно атаковали пятый день. Высота являлась ключом обороны немцев, и защищали ее фашисты, подкрепляя танками и пехотой.

О напряжении боев говорят такие цифры: за 7-е и 8-е августа наши войска уничтожили до 4800 фашистов, 25 танков, из них 5 «тигров», два 70-тонных самоходных орудия «фердинанд», три батареи тяжелых орудий и т.д.

Тяжелые потери несли и полки нашей, сильнейшей на Западном фронте 10-й гвардейской армии: за неделю они составили более 8 тысяч человек.

...полковник Подолынский разложил на столе карту «километровку» и позвал меня.

«Вот высота 233,3, это схема атаки. В ней задействованы 1-й батальон комсомольской штурмовой бригады и подчиненная ему резервная рота 5-го батальона капитана А. Магажкова.

Начало атаки в 22 часа 30 минут, сигналы ракетами.

...Темноту пронзила красная ракета – сигнал атаки. Вслед за ней – три зеленых. Штурмовики ринулись на первые траншеи врага. Дежурные стрелки и пулеметчики были уничтожены бесшумно. Во второй траншее местами завязались короткие бои.

...Оборона высоты была многоярусной. За тремя рядами траншей шла площадка, над которой находились дзоты и бронеколпаки. В их амбразуры полетели гранаты.

Артиллерия накрыла заранее выявленные цели в Гнездиловке. Минут через десять по бросившимся в ход сообщениям подкрепления ударили «катюши». Немцы на высоте были блокированы...

Порядка 90 солдат и офицеров за этот бой были награждены орденами и медалями. Руководивший операцией командир ба-

тальона майор Ф. Белоконь удостоен редкого тогда ордена Александра Невского».

Третью государственную награду орден Отечественной войны 2 степени капитан Магажков получил за операцию по освобождению села Ново-Никольское.

...Батальон наступал двумя эшелонами. В первом – роты капитана А. Магажкова и старшего лейтенанта И. Сироты. Под прикрытием артиллерийского огня в центр села ринулись подразделения 4-го штурмового батальона. Бойцы шли во весь рост, вслед за огненным валом. Сильный пулеметный и минометный огонь не остановил смельчаков.

Атака была настолько стремительной, что гранаты немцев разрывались позади боевых порядков комсомольцев. Ново-Никольское взяли. Но сосед справа, атаковавший соседнюю деревню, отстал. Над штурмовиками нависла угроза фланговой атаки противника. Но они решительными действиями отразили напор противника, освободив и эту деревню.

Вот боевая характеристика нашего земляка: «Командир смелый, решительный, умеет организовать личный состав на выполнение поставленной командованием задачи. По специальности подготовлен, общевоинскую службу знает.

В должности командира разведроты инженерных войск проявил себя опытным офицером. Растущий – работает над повышением военных знаний, изучает опыт Отечественной войны, инженерную технику противника и отечественную.

За заслуги награжден 2-мя орденами Красной Звезды, Орденом Отечественной войны 2 степени и орденом Красного Знамени. Бдителен, умеет хранить военную тайну...»

Соплось на архивную справку центрального архива Минобороны РФ.

В наградном листе к приказу войскам Западного фронта № 01002 от 25 октября 1943 года, по которому капитан Магажков Абдул Магометович награжден орденом Красного Знамени по должности командира отдельной мотоинженерной разведроты 1-й штурмовой бригады, записано: «...В Отечественной войне с июня 1941 года, контужен 21.10.43 года... неоднократно участвовал в штурмах, где проявил высокие показатели мужества и героизма... В последнем штурме 21.10.43 года обеспечивал правый фланг

штурмующей бригады, показывая высокие образцы руководства людьми, является примером в бою...»

Основание: ф. 33, оп 682526, д. 1343, л. 22.

Выписка дана с соблюдением текста наградного листа.

Такая характеристика в немалой степени послужила основанием для направления капитана А. Магажкова в августе 1944 года в военно-инженерную академию имени Куйбышева. Окончив ее, он продолжил службу в разных воинских частях, дослужился до звания подполковника. За безупречную службу в рядах Советской Армии в мирные дни он награжден еще одним орденом Красной Звезды и многими медалями.

В 1971 году по возрасту ушел в запас с правом ношения военной одежды. Остался в городе Пятигорске по месту своей последней службы. И на гражданке ни одного дня не сидел без дела. Последним местом его работы было Пятигорское объединение гостиниц, где он работал главным инженером. После непродолжительной болезни ушел из жизни в начале 80-х годов.

Ветеран двух войн Абдул Магометович Магажков с воинскими и гражданскими почестями похоронен в родном ауле Псыж.

Чтят его память земляки. В музее боевой славы средней школы № 1 аула оформлена экспозиция, посвященная его подвигам. Его имя наряду с именами земляков, вернувшихся с войны, значится на стеле мемориального комплекса, который воздвигнут в центре аула.

Приложение

Неуязвимые

В газете "День республики" от 2 марта (№ 14) напечатан очерк Р. Джендубаева "Мастеровой войны". Он рассказывает о некоторых боевых эпизодах из жизни капитана инженерных войск А. Магажкова. Один из эпизодов – штурм высоты 233.3 у села Гнездилово – я наблюдал с дивизионного командного пункта. После штурма вместе с начальником инженерных войск армии готовил донесение, отправленное в штаб фронта специальным курьером.

Операция по штурму высоты была совершенно секретной. В ней впервые во второй мировой войне для защиты атакующих были применены нагрудные стальные панцири-щиты, прообраз современных защитных жилетов. Они крестились за шито и поясницу.

Перед штурмом

Звонок начальника инженерных войск был неожиданным. Полковник Г. Подолынный был краток:

- Мне приказано взять тебя с собой в бой. Распорядился член Военного совета генерал Доронин. Выезд через час. Твой начальник в курсе.

Все понятно. Что-то чрезвычайное. И я не заставил себя ждать.

Полковник Подолынный спросил:

- О прибытии 1-й штурмовой комсомольской бригады знаешь?

- Донесение поступило позавчера.

Разговор шел на ходу. Когда усаживались в "Виллис", полковник приказал шоферу:

- Хозяйство Панишева!

Мне было понятно, что дело связано с "занозой" – высотой 233.3 на Ельнинском направлении, которую безуспешно атаковали пятый день. Высота являлась ключом обороны немцев и защищали ее фашисты, подкрепляя танками и пехотой.

О напряжении боев говорят такие цифры: за 7-е и 8-е августа наши войска уничтожили до 4800 фашистов, 25 танков, из них 5 "тигров", два 70-тонных самоходных орудия "фердинанд", три батареи тяжелых орудий и т.д.

Тяжелые потери несли и полки нашей, сильнейшей на Западном фронте 10-й гвардейской армии: за неделю они составили более 8 тысяч человек.

После боя полковник Подолынный разложил на столе карту – "километровку" и позвал меня:

- Вот высота 233.3, это схема атаки. В ней задействованы: 1-й батальон комсомольской штурмовой бригады и подчиненная ему резервная рота 5-го батальона капитана А. Магажкова (наш земляк, за этот бой он получит орден Красной Звезды – В. Н.).

Начало атаки в 22 часа 30 минут, сигналы ракетами. Нас поддерживает и прикрывает артиллерия 22-й гвардейской дивизии полковника Панишева, на командном пункте которого будет находиться и специальная артиллерийская группа, включая дивизион "катюш"...

- Кто нас будет информировать о ходе боя?

- У тебя и у меня будут отводные телефонные трубки. Самы все услышим.

- Еще вопрос.

- Давай!

- Ваше мнение о штурме?

- Такое же, как и у тебя. Внезапность удара в сочетании с неуязвимостью атакующих, автоматные пули щиты не берут. Винтовочные пробивают только при прямом угле.

Атака

Ночь выдалась тихая и теплая. На исходные позиции штурмовики-саперы вышли с наступлением темноты. В рядах ни звука. С собой ничего лишнего. Залегли перед проволочными заграждениями, где бесшумно работали с ножницами-сталерезами специальные группы.

...Темноту пронзила красная ракета — сигнал атаки. Вслед за нею — три зеленых. Штурмовики ринулись на первые траншеи врага. Дежурные стрелки и пулеметчики были уничтожены бесшумно. Во второй траншее местами завязались короткие бои.

Панцири были надеты прямо на гимнастерки, поверх них пояса с двумя автоматными дисками и зачехленной саперной лопаткой.

Оборона высоты была многоярусной. За тремя рядами траншей шла площадка, над которой находились дзоты и бронеколлапки. В их амбразуры полетели гранаты.

Артиллерия накрыла заранее выявленные цели в Гнездиловке. Минут через десять по бросившимся в хода сообщения подкреплениям ударили "катюши".

Немцы на высоте были блокированы в своих блиндажах, дзотах и бронеколлапках. Выбегая из укрытий, они попадали под автоматные очереди стрелявших в упор штурмовиков. Амбразуры дзотов для надежности были забросаны телами убитых фашистов.

Комсомольцы-штурмовики шли двумя цепями в метре один от другого (так же, как и на предварительных тренировках) и создавали сплошную стену огня. Поняв, что высота упущена, фашисты беспорядочно стреляли из блиндажей, вели огонь лежа, но это были вспышки отчаяния.

Находившимся в блиндажах приказали открыть двери и выкинуть оружие, лежащим — повернуться лицом вниз. Человек три-

дцать пленных увели автоматчики запасного взвода, не имевшие щитов-панцирей.

Однако враг не мог смириться со сдачей высоты. Он атаковал с флангов пехотой с танками, но подкрепление попало под удар ждавшей этого нашей артиллерии. Утром фашисты начали отход с позиций.

На разборе операции особо отметили наступавшую в центре штурмовую роту капитана Д. Евтушенко и его командиров взводов: лейтенантов Ю. Власьева, М. Данилова, А. Корнеева, М. Клейменова. Порядка 90 солдат и офицеров за этот бой были награждены орденами и медалями. Руководивший операцией командир батальона майор Ф. Белоконь удостоен редкого тогда ордена Александра Невского.

Сохранить секретность

Немцы, как рассказывали потом ребята-штурмовики, выпустив в упор рожок автомата в грудь атакующих, бросали автоматы и бежали, вопя:

- На русских панцири. Они неуязвимы!

Мне пришлось помогать инженерному отделу армии писать отчет и проверять наградные листы, чтобы не промелькнуло совершенно секретное слово "панцирь" или "бронешит".

Член Военного совета армии генерал-майор Я. Доронин обязал меня "рассказать нашим газетчикам об этом бое, но чтобы не было и намека на его необычайность".

После многих согласований газета 10-й гвардейской армии "Боевое знамя" напечатала очерк "Высота Комсомольская". Так эта высота и стала называться, на ней жителями Спас-Демянского района Калужской области сооружен впечатляющий памятник.

Мне известно, что щиты-панцири штурмовой бригадой применялись еще несколько раз. И во всех случаях удачно. Но широкого распространения они не получили: тяжелы, неудобны. Требуют специальной тренировки. Засекречены были до конца войны.

В. Неждинский

Повороты судьбы полковника Сибирцева

С юных лет он не представлял своего будущего вне армейского строя, железной военной дисциплины и суровой жизни защитника родного Отечества. И он стал им в свои неполные девятнадцать лет, окончив с красным дипломом Харьковское военнопехотное училище в мае 1941 года. Лейтенант Зиновий Сибирцев получил направление в самый престижный в ту пору Киевский особый военный округ для прохождения военной службы.

На третий день вероломного вторжения фашистской Германии в нашу страну он был назначен командиром зенитно-пулеметного взвода в составе 275-го стрелкового полка 53-й стрелковой дивизии. И тут же последовал приказ: погрузить вверенную технику на железнодорожную платформу на станции Боровск под Киевом для дальнейшего продвижения по назначенному маршруту.

В эту пору в небе появился «Юнкерс» и стал нагло, на малой высоте, барражировать над нашим взводом. Молодой командир Сибирцев не растерялся и распорядился открыть огонь по «стервятнику». Противника буквально накрыли всеми стволами зениток, и он рухнул на землю. Воодушевленные своей первой победой бойцы вместе с лейтенантом кинулись поздравлять друг друга.

Но внезапное появление капитана особого отдела быстро приглушило эту бурю эмоций. «Особист» резко осудил лейтенанта за самовольное открытие огня по самолету, упрекая его в том, что оно «могло спровоцировать немцев на войну, на бомбардировку железнодорожной станции». На что, молодой комвзвода резонно ответил: «Война уже развязана немцами против нас, и мы лишь упредили их налет на железнодорожную станцию». Инцидент был исчерпан благодаря неожиданно появившемуся батальонному комиссару части...

Всякое случалось на войне. Порой натиск до зубов вооруженного противника был настолько силен, что стрелковой дивизии приходилось с боями отступать. Как-то в кровопролитных схватках с противником, расстреляв все свои боеприпасы, потеряв много техники и людей, остатки полка, а с ними и наш Зиновий Сибирцев, оказавшись в тылу врага, стали выбираться из окружения.

22 дня в октябрьскую стужу под проливным дождем, часто переходящим в снег, изможденные голодом и холодом, шли они к своим. И только чудом вырвались из этого ада.

Когда подошли к Калуге, она была уже занята немцами. Ночью с боями прорвались через Оку по наведенному противником понтонному мосту и настигли остатки своей дивизии.

Комбат майор Зверев поначалу не узнал в изможденном, заросшем щетиной молодом человеке командира взвода Сибирцева, пока тот не заговорил. В слезах, обняв его, он приказал: «Три дня спать! Много не есть!»

... Бои все продолжались.

«Это было в ночь с 31 декабря 1941 года на 1 января 1942 года, — вспоминает Зиновий Агеевич. — Части 53-й стрелковой дивизии, наступая в направлении городов Малоярославец — Медынь, оказались в тылу у немецких войск, оборонявшихся юго-западнее Наро-Фоминска. Выход нашего 275-го стрелкового полка к Малоярослаvcу был для противника совершенно неожиданным. В течение всей новогодней ночи движение немецких автомашин и другой боевой техники из Боровска в Малоярославец не прекращалось, и все они были перехвачены нашим полком».

В непрерывных боевых операциях Зиновий Сибирцев мужал, рос в званиях и должностях: лейтенант — командир взвода, старший лейтенант — заместитель командира стрелковой роты, затем и командир роты, капитан — начальник штаба отдельного стрелкового батальона...

Так, в аттестационном листе от 29 ноября 1943 года на присвоение очередного воинского звания капитану Сибирцеву — начальнику штаба 1-го отдельного стрелкового батальона 40-й отдельной стрелковой бригады — говорилось следующее:

«Товарищ Сибирцев за время работы начальником штаба батальона проявил себя дисциплинированным, требовательным к себе и подчиненным. В дни боевых операций он показал себя знающим вопросы тактики, быстро разбирающимся в замыслах врага. Волевой и мужественный. Товарищ Сибирцев заслуженно пользуется авторитетом среди комсостава батальона. Повседневно изучает опыт Отечественной войны. Политически грамотный, морально устойчив. Предан партии и Родине.

Товарищ Сибирцев достоин присвоения очередного звания майор».

В мае 1943 года во время боев за город Дорогобуж майора Сибирцева отзывают с фронта и направляют на Центральные курсы «Выстрел» имени маршала Б. Шапошникова в город Солнечногорск.

Молодому и уже довольно опытному в военных делах майору учеба давалась легко, и он с первых же дней проявил себя как один из прилежных курсантов. Причем он был зачислен в группу по подготовке командиров полков и сам преподавал тактику.

В январе 1944 года Советская Армия освободила родные места Зиновия Агеевича на Белгородщине, и сердце его защемило в тоске по отчужденному дому. Из писем матери он знал, что на фронте были все три его родных брата и что старший из них – Федор, защитник Сталинграда, демобилизован по ранению.

Руководство курсов с пониманием отнеслось к просьбе Сибирцева, и ему дали отпуск на 10 суток. Добираться пришлось большей частью пешком, иногда и на перекладных. В результате Зиновий простыл, и весь отпуск провалялся в постели. Медицинские учреждения еще не работали, обратиться за помощью было не к кому. На излечение в домашних условиях десяти дней не хватило, и он задержался с отъездом в Солнечногорск.

По прибытию на курсы Сибирцев сразу же обратился к медикам, и они установили диагноз: воспаление легких. Но еще большие неприятности ожидали майора после выздоровления. Его вызвали на офицерское собрание и устроили суд чести, на котором предъявляли далеко незаслуженные обвинения, с которыми он никак не мог согласиться. Суд вынес решение понизить майора Сибирцева до звания капитана.

Тогда Зиновий Агеевич в отчаянии написал письмо самому Главкому Вооруженных Сил Иосифу Сталину. В ожидании справедливого решения из Москвы он так и не снял погоны майора, по праву считая, что они заслужены его кровью и боевыми делами.

Неожиданно в Солнечногорск приехал маршал Г. Жуков с очередной проверкой работы военного учебного заведения – уж очень много жалоб поступало отсюда. Заодно маршалу было поручено Верховным разобраться с изложенным в письме Сибирцева.

Предварительно ознакомившись с личным делом «проштрафившегося» майора, его фронтовой биографией, маршал сделал выводы по существу дела: в сложившейся конфликтной ситуации оставлять З. Сибирцева на курсах нецелесообразно, хотя он перспективный офицер и по службе и по учебе. Поэтому разговор был краток и завершился приказом: завтра же убыть в Военную академию имени Фрунзе в Москву. При этом Георгий Константинович добавил, что погоны все же придется сменить на капитанские, как это решил суд офицерской чести, а звание майора необходимо будет заслужить еще раз.

Немногом позже в составе старейшего прославленного военного вуза капитан Зиновий Сибирцев принял участие в знаменитом Параде Победы на Красной площади. А в 1947-м майор Сибирцев успешно завершил учебу по специальности общевойскового офицера и был направлен на Дальний Восток, где прослужил на высоких должностях 10 лет.

В 1959 году уже заместителя командира танковой дивизии полковника Сибирцева направляют для продолжения службы на Северный Кавказ. В СКВО идентичной должности не оказалось, и ему предложили занять должность начальника отдела – заместителя военкома Ставропольского краевого военкомата. Спустя непродолжительное время его в 1961 году направляют на самостоятельную работу в Карачаево-Черкесию в качестве военного комиссара автономной области.

За 13 лет службы в этой должности ему не раз предлагали выдвижение в более крупный регион страны с повышением оклада и в звании, но Зиновий Агеевич душой прикипел к нашему благодатному краю и остался здесь навсегда.

Помимо своих непосредственных комиссарских обязанностей (а он их исполнял прилежно, что неоднократно отмечалось всевозможными инспекторскими проверками) он с особым вниманием изучал историю народов Карачаево-Черкесии, знакомился с личными делами фронтовиков и оказывал содействие тем из них, кому в военное время по каким бы то ни было причинам не вручили заслуженных наград. Сам он награжден орденом Отечественной войны, двумя орденами Красной Звезды, медалями «За боевые заслуги», «За Победу над Германией» др. Он постоянно ставил перед соответствующими органами вопросы, касавшиеся матери-

ального положения ветеранов войны, семей погибших воинов, инвалидов. Все, кто знаком с Зиновием Агеевичем и в чьей жизни он принимал участие, могут подтвердить, насколько этот человек чуток и отзывчив на боль ближнего. Он никогда не упускал возможности присутствовать на похоронах уважаемых людей, особенно фронтовиков, выразить искренние соболезнования их семьям, в меру возможности оказать поддержку.

В декабре 1974 года полковник Зиновий Сибирцев покинул свой пост военного комиссара Карачаево-Черкесии. «Уволен в запас по возрасту с правом ношения военной формы...», — так гласил приказ министра обороны СССР. Он же наградил его благодарственной грамотой за долголетнюю и безупречную службу в Вооруженных Силах СССР.

Отменное здоровье бывшего воина, жизненный опыт и неистраченная энергия не дали Сибирцеву оказаться в армии праздных пенсионеров. Вовлеченный еще во время своей службы в общественную деятельность (а он неоднократно избирался в состав партийных и советских органов КЧАО), Зиновий Агеевич продолжает жить интересами своих земляков. Часто встречается с труженниками станиц и аулов, с воинами-интернационалистами, со студентами и школьниками. Он постоянный гость юнармейцев Поста № 1 г. Черкесска.

«Это очень мудрый, добрый человек, — делится своими впечатлениями о Сибирцеве директор средней школы № 6 города Черкесска Галина Клименко. — Он так легко и непринужденно общается с молодежью, находит самые нужные слова, чтобы донести до юных сердец события тех далеких военных дней, передать чувства боли и горечи от потери друзей в боях! И в процессе общения ненавязчиво, минута за минутой, делает ребят причастными к тем далеким героическим годам. Его слова просты и доходчивы». Со мною рядом, — говорит Зиновий Агеевич, — воевали ваши деды, они были молоды и красивы, шли в бой за вашу, ребята, счастливую жизнь...»

В свои 85 лет Зиновий Агеевич Сибирцев остается человеком активных жизненных позиций. Он участвует во многих общественно-политических мероприятиях республики и ее столицы (удостоен звания «Почетный гражданин города Черкесска»), является членом координационного совета старейшин при Президенте

КЧР. За активное содействие военно-патриотическому воспитанию молодежи З. Сибирцев награжден Почетной грамотой Министерства образования КЧР, удостоен нагрудного знака центрального совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Так что, какими бы неожиданными и крутыми ни были повороты судьбы Зиновия Агеевича Сибирцева, за годами им прожитой жизни остается прямой и светлый след.

От Койдана до Потсдама

С Шамсудином Туковичем Трамовым судьба свела меня в начале 50-х годов в ауле Кубина, где я, начинающий педагог, возглавлял семилетнюю школу, а он руководил местным колхозом. В то послевоенное время в разоренном войной хозяйстве хватало с избытком всяческих проблем, но тем не менее он с пониманием относился к нуждам школы и по возможности помогал ей. Вскоре наши жизненные пути разошлись. Воспоминания о нем остались самые добрые.

И вот спустя много лет мы встретились в городе Черкесске, куда он переехал на постоянное жительство. Сидим в его доме и перебираем фотоснимки прошлых лет. На одном из них – три офицера.

– Видишь, каким я был недоростком, – говорит Шамсудин Тукович, улыбаясь, – немало неприятностей из-за этого пережил. А одну вспомню – сердце щемит.

... Дело было в Германии. Только что закончилась война. В части, где служил Трамов, объявили, что идет подбор кандидатур для участия в Параде Победы. В числе привлечших внимание командования оказался и Шамсудин. Для окончательного отбора претендентов был назначен смотр. Во всем блеске солдаты и офицеры, наиболее отличившиеся в боях, выстроились в шеренгу.

Командующий Второй гвардейской танковой армией, дважды Герой Советского Союза, маршал бронетанковых войск С.И. Богданов в сопровождении своего адъютанта начал обход. Трамов, как всегда, – на левом, замыкающем фланге. Остановившись перед каждым, командующий выслушивал рапорт, давал какие-то распоряжения адъютанту, делавшему тут же записи. Порównявшись с Шамсудином и выслушав его рапорт, сочувственно сказал: «Геройски ты воевал, а рощком-то не вышел, жаль...»

Уроженец аула Красный Восток, в последующем житель аула Койдан Шамсудин Трамов в феврале 1940 года был призван на действительную военную службу. Попал в 35-й стрелковый полк 74-й стрелковой дивизии, которая базировалась в городе Краснодаре. При ней был кавалерийский эскадрон. В нем и оказался прирожденный джигит.

Вскоре дивизия была переброшена из Краснодара в Молдавию. Здесь в районе города Бельцы и застала его война. И перед молодым горцем стали разматываться огненные пути, о которых очень хорошо сказано в песне:

Эх, дороги, пыль да туман,

Холода, тревоги, да степной бурьян.

Наглотался выше ноздрей горечи отступления перед сильным противником.

Совершал вылазки в тыл гитлеровцев с целью разведки и захвата «языка», осуществлял диверсионные акции.

Кадровый красноармеец, опытный воин стал известен в своей части. В апреле 1942 года его рекомендовали на шестимесячные курсы средних командиров в город Каменск Ростовской области. Но учиться не пришлось, враг приблизился к городу и курсанты двое суток упорно сопротивлялись наступающим немецким войскам. Силы были далеко неравными. Поэтому был дан приказ отступить в южном направлении. Училище пришлось эвакуироваться в Абхазию, в город Гали. Здесь Трамов и завершил учебу.

В составе 105-го полка 77-й стрелковой дивизии 8-й армии Северной группы войск Закавказского фронта, а затем в январе 1943 года преобразованного в Северо-Кавказский фронт, младший лейтенант, командир взвода противотанковых ружей Трамов, в канун Нового года, вновь вступил в боевые действия под Моздоком. Участвовал в освобождении ряда городов и сел Ставрополья.

При штурме вражеских укреплений у станицы Петровской на Кубани противник решил его заглушить танковой контратакой. На фланге, где находился взвод Трамova, продвижение танков противника было приостановлено. Было подбито прицельным огнем из противотанковых ружей три танка. Один из них – на личном счету командира взвода. Попытка смять наступающие наши войска противнику не удалась. В этом бою Трамов получил тяжелое осколочное ранение. Лечился в госпитале города Кисловодска.

После излечения вернулся в свою часть (здесь за прежний бой ему вручили орден Красной Звезды) и продолжил воевать. Участвовал в прорыве так называемой «голубой линии», что соорудили гитлеровцы на Кубани по пути к Азовскому морю, воевал в составе войск Южного, а затем 4-го Украинского, а с марта 1944 года и до завершения войны – 1-го Белорусского фронтов.

Шамсудин Трамов в любых ситуациях являл собою пример мужественного офицера. Поэтому рос в званиях и должностях. Уже будучи старшим лейтенантом, доверено ему было командовать мотострелковой ротой 33-й гвардейской мотострелковой бригады 3-го гвардейского стрелкового корпуса. В боях за Варшаву он вновь отличился, за что наградили орденом Отечественной войны 2-й степени, позже удостоился медали «За освобождение Варшавы» и польской медали «За Варшаву», многих других медалей.

В яростных сражениях под Берлином, за его овладение, мотострелковая рота Ш. Трамova, находясь в составе 9-й танковой бригады, вместе с передовыми отрядами наступающих войск, крушила оборонительные позиции противника.

27 апреля 1945 года 33-я гвардейская стрелковая бригада в составе 9-го гвардейского танкового корпуса во взаимодействии с другими воинскими соединениями ударом с севера и юго-запада завершила разгром Потсдамской группировки противника и овладела городом Потсдам.

О том, как воевал наш славный земляк на завершающих этапах Великой Отечественной войны, подробнее поведает документ военной поры:

Наградной лист

На гвардии старшего лейтенанта командира 5-й роты 2-го мотострелкового полка 33-й гвардейской Уманской краснознаменной, ордена Кутузова 2-й степени механизированной бригады Трамova Шамсудина Туковича.

«Работая командиром мотострелковой роты тов. Трамов в боях с немецкими захватчиками проявил исключительное умение руководить подразделением в бою. Его смелость, отвага и бесстрашие воодушевляли бойцов на героические подвиги.

В боях за город Бернау тов. Трамов со своим подразделением уничтожил 18 гитлеровцев, самолично с пистолетом в руках взял в плен 6 офицеров и 13 солдат противника, в том числе 3-х майоров. В этом же районе захватил эшелон с продовольствием и один паровоз, который пытался вывезти грузы.

В боях за город Потсдам в районе военных казарм со своей ротой отбил 4 контратаки противника и, перейдя в наступление, опрокинул гитлеровцев.

В этом бою со своей ротой он уничтожил 43 гитлеровца, взял в плен 146 солдат и офицеров, захватил склад с артиллерийским и вещевым имуществом, 120 лошадей и другое имущество.

В боях за столицу Германии город Берлин тов. Трамов проявил военную хитрость, имея целью захватить площадь и памятник «Слава Германии», где немцы имели сильную оборону. Он со своим подразделением зашел с тыла, огнем своего оружия дезорганизовал оборону немцев и принудил их сдаться в плен.

В этих боях было уничтожено 24 гитлеровца, взято в плен 176 солдат и офицеров, захвачено 7 зенитных установок, 3 полевых орудия и одно самоходное орудие, а также склад с продовольствием.

За умелое руководство в бою подразделением, за смелость и бесстрашие тов. Трамов достоин правительственной награды — ордена Суворова 3-й степени (Центральный архив МО, фонд 33, опись № 686196, дело № 6946 «Наградной материал», лист 154).

Рассмотрев наградной лист, командующий бронетанковыми и механизированными войсками 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенант танковых войск тов. Орел от имени Президиума Верховного Совета СССР, своим приказом наградил Ш.Т. Трамova орденом Красного Знамени, по статусу более высоким, чем орден Суворова 3-й степени и более соответствующим перечню совершенных им подвигов.

Шамсудин Тукович гордился тем, что сражался под боевыми знаменами 33-й гвардейской Уманской, Берлинской, Краснознаменной, орденов Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого мотострелковой бригады, позже преобразованной в механизированную, и сделал все зависящее от него для ее прославления.

Ш.Т. Трамов, вернувшись домой в 1946 году, трудился на ответственных постах в системе сельского хозяйства, позже — в торговле и на Черкесском заводе резино-технических изделий, откуда ушел на заслуженный отдых.

К сожалению, не стало еще одного активного защитника Отечества. Ветераны войны, родственники и друзья проводили его в последний путь в августе 1999 года. Похоронен он на родовом кладбище аула Койдан Усть-Джегутинского района. Добрую память оставил о себе Шамсудин Тукович Трамов, и потомки будут дорожить ею всегда.

Завершить свое повествование о моем славном земляке хочу словами маршала Советского Союза И.Х. Багряна:

«Великое не должно быть забыто. Поэтому так ценно каждое новое свидетельство о нем, так волнующа каждая новая страница, внесенная в историю Великой Отечественной войны и ее бойцами, и ее летописцами».

Гвардеец из аула Псыж

Накануне очередной годовщины Великой Победы на память вновь и вновь приходят многочисленные встречи с участниками Великой Отечественной войны. С теми, кому посчастливилось остаться в живых и донести до нас, не переживших ад военного лихолетья, живую память о бессмертном подвиге. Подвиге, ставшем легендой.

Пролистывая страницы памяти, невольно вспоминаю имя офицера-конногвардейца из аула Псыж Батыра Джандарова. Восстановить в деталях наши встречи и его рассказы-воспоминания об участии в боевых сражениях не удалось. Его самого уже нет в живых, а сделать записи, как говорится по «горячим следам», всегда не хватало времени.

Правда, мне повезло: в Псыже я обратился к дочери Батыра Аскербиевича – Тезаде Батыровне, завучу местной средней школы № 1. Она с радостью предложила ознакомиться с книгой «Адыгейский полк в боях за Советскую родину», написанной полковником в отставке Х. Сиджахом, и рядом материалов из школьного музея боевой славы аула.

В предисловии к книге сказано, что она посвящена истории формирования и ратному пути Адыгейского добровольческого казачьего кавалерийского полка, прошедшего фронтовыми дорогами от Кубани до Праги в составе прославленного 4-го гвардейского казачьего кавалерийского Кубанского корпуса, впоследствии переименованного в 40-й гвардейский казачий кавалерийский Кубанско-Барановичский Краснознаменный орденов Кутузова и Александра Невского полк.

Адыгейский полк был сформирован из казаков и адыгейцев одноименной автономной области. В разное время в его составе отважно воевали и показывали примеры бесстрашия представители республик и областей Северного Кавказа, в том числе и Карачаево-Черкесии. Среди них был и наш земляк, абазинский парень из Псыжа Батыр Джандаров.

Воснную службу Батыр начал в декабре 1933 года. Прошел все ее ступени: красноармеец, курсант полковой школы, командир отделения, помощник командира взвода. После окончания курсов младших лейтенантов возглавил взвод.

С июля 1941 года по август 1942 года он обучался на курсах высшего командного состава кавалерии в Москве и Чкалове.

В августе 1942 года старший лейтенант Батыр Джандаров прикомандирован к Адыгейскому полку в должности командира сабельного эскадрона.

Вместе с 4-м Кубанским казачьим кавалерийским корпусом Адыгейский полк, преодолевая труднопроходимые горно-лесистые места в условиях ожесточенного натиска врага, перебазировался на побережье Черного моря. Кстати, за совершенные подвиги в тылу гитлеровских захватчиков в районе станицы Куцевской корпусу в числе первых в Красной Армии было присвоено почетное звание «гвардейский».

Тщательно подготовленный, обученный, имеющий великолепный опыт кадровой службы, старший лейтенант, а впоследствии и капитан Батыр Джандаров становится в полку авторитетнейшим офицером, к мнению которого прислушиваются, а советы используют в практической деятельности.

Тем временем летом 1942 года на южном фронте складывается достаточно напряженная обстановка. Вот что писала тогда центральная газета «Правда»: «В предгорьях Кавказа идут невиданные по своим масштабам и ожесточенности бои... Над Советской Родиной нависла серьезная опасность... Враг поставил задачу – отрезать от нашей страны Советский Юг».

Ставка Верховного Главнокомандования принимала все меры, чтобы остановить противника. Ставилась задача: завершить подготовку и занять оборонительные рубежи по рекам Терек, Урух и перевалам Главного Кавказского хребта, а также создать многополостную оборону в направлении Грозного, Махачкалы, Баку.

В такой критической ситуации на Северный Кавказ был переброшен 4-й гвардейский Кубанский казачий кавалерийский корпус, уже прославившийся в боевых сражениях с гитлеровцами. Достаточно вспомнить в этой связи, что 9-я и 10-я дивизии (в последнюю, кстати, входил Адыгейский полк) были удостоены орденов Красного Знамени.

Как вспоминал впоследствии командир полка майор И.И. Головащенко, пройдя за два месяца непрерывного наступления по ногайским, калмыцким и сальским степям, по просторам Ставрополя, Кубани и Дона, преодолевая в условиях бездорожья и яро-

стного сопротивления гитлеровцев около тысячи километров, полк освободил десятки населенных пунктов и нанес врагу огромный материальный урон, уничтожил не одну сотню гитлеровцев.

А вот что писал командир 10-й дивизии, полковник Н.Т. Гадалин: «40-й Адыгейский полк – это лучший полк дивизии. В самые ответственные моменты боя я всегда посылал его, и он меня никогда не подводил, всегда выходил из боя победителем. В полку замечательные люди и хорошие командиры».

К числу таких, бесспорно, относился и Батыр Джандаров, о котором в книге Х.А. Сиджаха «Адыгейский полк...» упоминается около 10 раз.

Если в 10-й дивизии 40-й полк, как правило, находился на острие атак, выполняя задачи авангарда или передового отряда, то эти же функции в полку выполнял сабельный эскадрон капитана Б. Джандарова. Для иллюстрации обратимся к некоторым страницам уже цитированной нами книги «Адыгейский полк...» Речь идет о событиях 1944 года в Донецкой области:

«В 5 часов 7 сентября, преодолев ночью реку Кальминус, Адыгейский полк в составе дивизии перешел в наступление и в ходе ожесточенного боя, переходившего порой в рукопашные схватки, к 10 часам утра 8 сентября овладел важной высотой 97.7, уничтожив до трехсот немецких солдат и офицеров. И, развивая свой успех, устремился к совхозу «Петровский».

«Стремясь восстановить утраченное положение, – читаем мы дальше, – гитлеровцы решили предпринять контратаку, и в сторону левого фланга полка начали выдвигать до роты пехоты. Однако замысел противника был своевременно разгадан, и командир полка И.И. Головащенко решил для отражения контратаки выдвинуть эскадрон капитана Б.А. Джандарова, усилив его пятью танками. Получив приказ, Б.А. Джандаров скрытно вывел эскадрон на угрожающее направление и, выждав удобный момент, под прикрытием огня артиллерии вслед за танками устремился навстречу врагу. Завязался встречный бой, который принял исключительно ожесточенный характер.

Гитлеровцы предпринимали все возможное, чтобы смять или обойти эскадрон Батыра Джандарова. Все их попытки оказались бессмысленными. Умелое руководство и невиданная стойкость участвовавших в бою казаков нарушили все планы против-

ника. Потеряв более двадцати солдат и офицеров, один пулемет, враг дрогнул и стал отходить под усилившимся натиском эскадрона Джандарова. Понимая, что наступил решающий момент, Батыр командовал: «Гвардейцы! В атаку за мной, вперед!»

Реакция казаков была молниеносной. Вслед за своим командиром они бросились в атаку и через минуту-другую обратили гитлеровцев в бегство, еще долго преследуя их».

За образцовое выполнение этой боевой задачи, проявленное мужество, стойкость и умелое руководство капитан Б.А. Джандаров был удостоен ордена Красной Звезды.

А вскоре наш земляк был награжден еще одним боевым орденом – Красного Знамени.

В наградном листке читаем: «Гвардии капитан Джандаров в боях с 28 января по 9 февраля 1944 года без усталости руководит эскадронами в любых условиях боя, умело маневрирует боем, и эскадроны успешно выполняют боевые задачи. В боях под Капитоновской 28 января 1944 года 3-й эскадрон был атакован пехотой и танками противника. Тов. Джандаров Б.А. умелым маневром отбил пехоту от танков и, действуя огневыми средствами, остановил движение танков.

В течение 3, 4, 5 февраля 1944 года 3-й эскадрон вел бои за населенные пункты Ольшанка, Ворбовка. В этих боях отбито несколько контратак немцев, уничтожено до 70 солдат и офицеров и заняты населенные пункты. Боевые задачи, которые стояли перед эскадронами под командованием Батыра Аскербиевича Джандарова, выполнены успешно. Достоин правительственной награды – ордена Красного Знамени. 13.11.1944 года».

Под этим наградным листом в числе других свою подпись поставил и командующий 5-м гвардейским казачьим кавалерийским корпусом генерал-майор Селиванов. (К этому времени гв. капитан Джандаров со своим эскадронами воевал в составе 39-го гвардейского казачьего кавалерийского полка 11-й гвардейской казачьей кавалерийской дивизии 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса и поэтому в наградном листе и стоит подпись его командира).

Значительно позже Батыр Аскербиевич был награжден и орденом Отечественной войны 1 степени. К сожалению, нашему замечательному земляку не довелось в боевом строю дойти до по-

бедного 45 года. Но он внес существенный вклад в его приближение.

В июле 1944 года он был тяжело ранен и находился на лечении до марта 1945 года, а потом и вовсе комиссован. Это было уже второе ранение (первое, полученное под Ачикулаком Ставропольского края, осталось почти незамеченным, и Батыр Аскербиевич продолжал воевать в составе своего полка).

Славный сын абазинского народа, рядовой солдат самой жестокой войны минувшего XX столетия и скромный труженик Батыр Аскербиевич Джандаров прожил большую жизнь. Он умер в 1991 году в возрасте 80 лет. Его боевому пути посвящен целый ряд газетных публикаций, страницы упомянутой книги, экспозиции на стендах музеев боевой славы школ аула Псыж и г. Майкоп. Такие, как Б.А. Джандаров, олицетворяют наше героическое прошлое, которое, как пишет в предисловии к книге «Адыгейский полк...» президент Академии военных наук генерал армии М.А. Гареев, «...является бесценным достоянием, нашей гордостью и в то же время уроком на будущее, нашим оружием на сегодня и завтра...»

Разведчик из аула Малый Зеленчук

Во времена своей комсомольско-партийной работы в 50-х годах мне часто приходилось бывать в различных хозяйствах Хабезского района в качестве уполномоченного представителя.

Эти деловые поездки давали возможность знакомиться с интересными людьми. Один из них – Худ Хачимахович Мамбетов. Стройный, подтянутый, в нем сразу же чувствовалась военная закалка и выправка.

Занимал он должность председателя ревизионной комиссии колхоза «Путь Ильича». Тогда я еще не знал, что во время Великой Отечественной он был разведчиком. Ходили слухи, что его представили к ордену, но еще не вручили, так как разведчик еще не рассекречен.

Работая уже за пределами района, меня не покидала мысль об этом человеке, и когда узнал, что ему вручили орден Красного Знамени в 1968 году, загорелся желанием узнать о его фронтовой судьбе.

Военная служба Худа Хачимаховича началась на Дальнем Востоке в 1938 году.

Известно, что Япония неоднократно предпринимала агрессивные действия у границ СССР. Общеизвестны вооруженные конфликты того периода на Халхин-Голе и у озера Хасан. Уже в ходе Великой Отечественной войны Япония в нарушение пакта о нейтралитете, заключенного с нашей страной, на наших восточных границах сосредотачивала крупные военные силы, выжидая удобного момента для нападения.

Приняв конкретные обязательства на Ялтинской конференции Глав Правительств (февраль 1945 года) в поддержку США и Англии, подвергшихся нападению со стороны Японии, СССР со своей стороны стал наращивать свои вооруженные силы на Дальнем Востоке. 9 августа 1945 года наши войска в составе 3-х фронтов стали вести боевые действия против Японии.

Из рассказа Худа Мамбетова я узнал, что он окончил годичную школу разведчиков. Задолго до начала боевых действий наших войск в качестве руководителя группы разведчиков-радиостов в количестве 4-х человек с позывными «Беркут» уже «сражался» в

тылу японцев, передавая ценные разведданные. А уже в ходе боевых операций группа участвовала в боях.

О ратных подвигах он рассказывал мало, пришлось сделать запрос в Центральный архив Минобороны РФ. Оттуда пришел ответ:

«В карточке учета награжденных значится: «Сержант Мамбетов Хут (так в документе) Хачимахович, 1918 г.р., старший разведчик Куруленского погранразведпункта награжден орденом «Красное Знамя» № 544532 приказом Забайкальского фронта № 08 от 9.9.45 г.»

Эти официальные данные не вносили ясности в интересующий меня вопрос: за что Мамбетов награжден и почему награда не была вручена вовремя.

Обратился за помощью к Зое Давлетовне Пеху – руководителю республиканского поискового отряда «Подвиг». Работая непосредственно с архивными материалами, юноши и девушки под руководством Зои Давлетовны вносят неоценимый вклад в историю Карачаево-Черкесии. Это помимо проводимой отрядом большой работы по поиску мест гибели и захоронений солдат, восстановлению их имен.

Одним из весомых результатов исследований оказалась рабочая тетрадь бывшего ученика одной из Черкесских средних школ, позже учащегося ПТУ № 34 Альберта Отарова – активного члена отряда «Подвиг». Несколько страниц в ней посвящены Х.Х. Мамбетову. Привожу официальные данные о его подвиге.

Выписка из наградного листа. Краткое конкретное изложение боевого подвига.

«Товарищ Мамбетов, будучи переброшенным за рубеж с разведгруппой по разведке наличия сосредоточенности и нумерации войск противника, с задачей справился хорошо.

На пути был встречен группой японских войск в количестве 15 человек. С боем отошел и укрылся от них в направлении нашей территории с группой разведчиков в 4 человека. Заметившие преследование солдаты близ нашей границы при помощи монгольских укрытий захватили 12 человек в плен, конвоировали их до г. Гайбол-Сан, при этом сам Мамбетов был ранен в руку.

Начальник разведотдела 17-й армии, разведотдела Забайкальского фронта от 30.08.45 г. представил Мамбетова Х.Х. к ордену Красного Знамени».

На основании этого представления был издан следующий документ:

«Приказ войскам Забайкальского фронта

9 сентября 1945 г.» 08/н.

От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с японцами на Дальнем Востоке и проявленные при этом доблесть и мужество награждаю орденом Красного Знамени старшего сержанта Мамбетова Худа Хачимаховича — старшего разведчика Куруленского пригранично-разведывательного пункта».

Ответ на интересующий нас вопрос предположительно даст знакомство с наградным листом на старшего сержанта Мамбетова. Здесь в графе «национальной принадлежности» солдата почему-то указано не «чечекс», а «чечен», да к тому же с орфографической ошибкой вместо «чеченец». На мой вопрос Альберту Отарову, насколько верна сделанная им копия, он решительно подтвердил, что запись в его тетради абсолютно идентична архивному документу.

Сегодня, вспоминая свою встречу с Альбертом, вынужден с горечью констатировать, что этого парня нет среди нас. Он трагически погиб во время прохождения военной службы на Балтийском флоте...

Возвращаясь к злоключениям награды Мамбетова Худа Хачимаховича, могу предположить, что оно произошло на самом деле вследствие допущенной ошибки при заполнении наградного листа.

Вероятнее всего, спецорганы, через которые проходили подобные документы, обнаружив имя награжденного солдата, принадлежащего к репрессированному народу, решили на всякий случай придержать награду.

Известно, что все невинно репрессированные народы были в 50-е годы полностью реабилитированы и возвращены на родные земли.

Не исключено и то, что готовившие наградной лист военные не слишком ориентировались в этническом составе Северного Кавказа.

Вот такая небрежность одного, а затем перестраховка других людей породили несправедливость, продолжавшуюся почти четверть века.

Позже стало известно, что Мамбетов по ранению оказался в госпитале, а в родной воинской части его почему-то посчитали без вести пропавшим. И когда месяц спустя он вновь оказался среди однополчан, радости не было конца.

Старший сержант Худ Мамбетов ни на кого не таил обиду, своей высшей наградой считал сохраненную в адском пекле жизнь.

Вернулся он в родной аул с единственной медалью на гимнастерке «За победу над Японией». Вышло так, как с легендарным Василием Теркиным, который скромно заявил:

«Нет, ребята, я не гордый,

Не заглядывая в даль,

Так скажу: зачем мне орден?

Я согласен на медаль!»

При жизни Худ Хачимахович удостоился ордена Отечественной войны 1 степени и всех медалей, что были положены фронтовикам. Кроме этих, есть у него награды и за мирный труд.

Достоин, скромно прожил свою славную жизнь Худ Хачимахович Мамбетов. И очень жаль, что его нет сегодня среди нас. Сколько пользы он мог бы принести в воспитании молодежи, которую он всегда любил, с которой всегда был дружен.

В средней школе аула Малый Зеленчук в музее боевой славы есть экспозиция в честь Х.Х. Мамбетова. Данные о нем помещены в Книгу Славы Хабезского района.

Залп, возвестивший о Победе

Просматривая книгу «Пятая гвардейская Калининская», изданную Военным издательством Министерства обороны СССР, я обратил внимание на мелькнувшую на одной из страниц фамилию: Белозубов. Посмотрел инициалы – В.М. Случайное совпадение? Или герой действительно живет среди нас? Не начальник ли это следственного отдела областной прокуратуры Владимир Михайлович Белозубов? Быстро перелистываю страницы. Так и есть! На одной из последних читаю: «Командир 2-го штурмового дивизиона 23-й гвардейской бригады капитан В.М. Белозубов окончил институт и работает в настоящее время в Черкесске...» Значит, тот самый...

Гитлеровцы рвались к Москве. Шестой гвардейский минометный полк, в котором служил наш земляк, сдерживал врага на этом решающем для всей страны участке фронта. Боевые установки не прекращали огонь ни на минуту. Тогда враг предпринял еще одну атаку – с воздуха. Завыли «юнкерсы». Одна из бомб повредила установку старшего лейтенанта Белозубова.

– Быстро в машину! – крикнул он солдатам. А сам, рискуя жизнью, сел за руль автомобиля и под вражеским огнем вывел установку из опасной зоны.

Потом была битва на Курской дуге...

9 июля 1943 года. Противник произвел огневой налет на позицию 501-го дивизиона. Командир дивизии полковник Е.А. Фирсов выехал на позиции, занятые нашими войсками. Вместе со старшим лейтенантом Белозубовым они оказались в зоне интенсивного артиллерийского обстрела. Дивизион только занял огневые позиции, оборонительные укрепления не были подготовлены. Полковник Фирсов укрылся в одной из воронок, но она была слишком мелкой. Тогда Белозубов, спасая жизнь командира дивизии, прикрыл его своим телом. Оба спаслись. За этот мужественный поступок Белозубов был награжден орденом Красной Звезды.

Из книги «Пятая гвардейская Калининская»: «Дивизия произвела 80 залпов, выпустила по врагу 15908 снарядов. Нанесла противнику следующие потери: разбиты и сожжены 61 танк и штурмовое орудие, 67 автомашин, 15 артиллерийских и минометных батарей, разрушено 12 опорных пунктов и узлов сопротивле-

ния, отбито 10 атак и контратак, рассеяно и частично уничтожено более девяти тысяч немецких солдат и офицеров».

В числе особо отличившихся и В.М. Белозубов.

Снова бои. Снова прославленные «катюши» сеют панику в стане врага. 15 января 1944 года радио принесло радостное известие: приказом Верховного Главнокомандующего Пятая гвардейская минометная дивизия удостоена почетного наименования Калининградской.

После боев за освобождение Белоруссии, части Пятой гвардейской вошли в Польшу. Гитлеровцы цеплялись за малейшую возможность удержаться. Особую надежду они возлагали на Познань – старинную крепость с фортами вокруг города. Трудно пришлось нашим артиллеристам. Но и эта крепость была взята. При ее штурме Владимир Михайлович был ранен.

Из приказа командования: «За умелое руководство подразделениями, личное мужество и отвагу, проявленные при штурме города-крепости Познань, командира штурмового дивизиона В.М. Белозубова наградить орденом Александра Невского...»

Берлинская операция готовилась особенно тщательно. Особая роль здесь отводилась реактивной артиллерии. Только в составе войск Первого Белорусского фронта насчитывалось свыше 1500 реактивных установок различного калибра. Пятая гвардейская вводилась в ударную группировку. 4 апреля дивизия получила дополнительно 36 тяжелых установок БМ-31-12. И вот наступил решающий день, 21 апреля 1945 года в 17 часов 15 минут был произведен первый залп по Берлину.

Из книги «Пятая гвардейская Калининская»: «Дивизион капитана В.М. Белозубова в 10 часов 30 минут 1 мая 1945 года произвел залп одной батареей по огневым средствам противника, расположенным в парке рейхстага, а дивизион майора А.А. Косова нанес огневой удар по улице кайзера Вильгельма. Это были последние залпы штурмовых дивизионов по врагу в Берлине...»

Так, по счастливым обстоятельствам, первый и последний залпы по Берлину принадлежат «катюшам» 2-го штурмового дивизиона нашего славного земляка гвардии капитана В.М. Белозубова. За участие в разгроме врага в Берлинской операции он удостоен орденов Красного Знамени и Отечественной войны 1 степени.

Владимир Михайлович работал в областной прокуратуре. Принципиальный, честный — так характеризовали его товарищи по работе. Я хочу добавить: и скромный. Потому что мало кто знает о том боевом пути, который прошел Владимир Михайлович в Великую Отечественную войну.

Впрочем, солдаты редко рассказывают о подвигах.

Кавалер многих боевых орденов В.М. Белозубов похоронен в родном городе Черкесске, его имя занесено в Книгу Славы.

И один в поле воин

Это словосочетание часто бывает предметом споров. Одни утверждают, что не может быть героя-одиночки. Другие придерживаются противоположной точки зрения. Наш земляк, ветеран Великой Отечественной войны, житель поселка Эркин-Шахар К. Чачев в свои фронтовые годы доказал, что и один может быть на поле брани героем, да еще каким!

Но все по порядку. Родился Кумаль Чачев в ауле Эльбурган в 1922 году в крестьянской семье. Детские и юношеские годы провел в ауле Абаза-Хабль. В мае 1941 года был призван в армию. О начале войны новобранцы узнали в эшелоне, везшем их на Дальний Восток. Целый месяц занял их путь до самой дальней гавани Союза — тихоокеанской бухты Золотой Рог.

После прохождения курса молодого краснофлотца он получил специальность наводчика-командора (на сухопутном языке — артиллериста). Как старательного и подающего надежды его посылают на курсы младших командиров в город Петропавловск-на-Камчатке. После успешного их завершения откомандировали в порт Советская Гавань для продолжения службы в береговой артиллерии.

Тем временем пожар войны полыхал все сильнее и сильнее. В этих условиях молодые краснофлотцы-дальневосточники не желали мириться со своей «мирной службой». Зачастили рапорты с просьбой направить на фронт. Дважды Кумаль Чачев свои письменные рапорты вручал командованию. И вот приказ: направить воинские формирования на фронт. Кумаль Хамидович вспоминает:

- С Дальнего Востока до Москвы наш железнодорожный состав «проглотил» расстояние за восемь суток. Была сформирована 142-я отдельная стрелковая морская бригада. Ей был придан артиллерийский дивизион, в первой батарее которого я был наводчиком.

В начале ноября 1941 года, защищая Москву, бригада заняла боевые позиции на Наро-Фоминском направлении. А что это было за направление? Об этом в своих воспоминаниях бывший командующий Западным фронтом маршал Советского Союза Г. Жуков пишет: «...ценой больших потерь противник оттеснил наши части

к реке Протве, а затем к реке Наре, но прорваться дальше не смог... В это тяжелое время Ставка передала Западному фронту 33-ю армию... Она заняла оборону в районе Наро-Фоминска, в промежутке между 5-й и 43-й армиями, южнее Наро-Фоминска. По восточному берегу реки Нары заняла оборону 43-я армия... 1 декабря гитлеровцы неожиданно прорвались в центр фронта, на стыке 5-й и 33-й армий... 4 декабря этот прорыв был полностью ликвидирован. На поле боя враг оставил более 10 тысяч убитых, 50 разбитых танков и много другой техники. В ходе битвы под Москвой это была последняя попытка немецко-фашистских войск прорваться к столице нашей Родины».

В этом разгроме гитлеровских полчищ принимал участие и наш земляк со своими боевыми побратимами. И снаряды из его пушки дырявили немецкие танки, подымали в воздух перекрытия немецких блиндажей, «косили» пехоту врага.

Моряки 142-й бригады, которых немцы называли «черной смертью», разили врагов не только огнем, они ходили и в рукопашные схватки. О жестокости тех боев свидетельствует тот факт, что от бригады не осталось бойцов даже на один полк. В городе Подольске из ее остатков и нового пополнения был сформирован 1033-й отдельный артиллерийский полк, вошедший в резерв Главного командования.

В феврале 1942 года полк был переброшен на защиту Ленинграда. Позже он участвовал в прорыве его блокады, изгнании противника с территории области. Сержант К. Чачев, уже командир орудия, во всех сражениях был в передовых частях. Полк был настолько маневренным, что его часто перебрасывали с одного участка на другой, и солдаты стали шутить: «Полк – пробка – затычка». Где надо было пробить брешь в позиции врага или же противостоять его прорыву, туда направляли его.

В непрерывных жестоких боях мужал и закалялся физически и морально сержант К. Чачев, набирался опыта. На Ленинградском фронте он был удостоен медали «За отвагу».

Но его настоящее умение артиллериста особенно раскрывается в последующих боях. В июне 1944 года, после освобождения города Таллина, полк перебросили на Первый Украинский фронт. Артиллеристы участвуют в освобождении Польши, ее столицы – Варшавы. Вот несколько боевых эпизодов.

19 февраля 1945 года при форсировании Одера огневая позиция командира орудия К. Чачева подверглась сильному артиллерийскому обстрелу. Однако обстановка требовала немедленного открытия огня. Наш земляк, не взирая на опасность для жизни, открыл огонь по контратакующему противнику и помог отразить нападение врага. За этот бой Кумаль Чачаев был представлен к ордену Славы 3 степени. Правда, в суматохе военных будней не удалось ему получить эту награду.

Город Зольц являлся крупным железнодорожным узлом. Надо было пробиться в тыл противника и блокировать магистраль. Разведывательно-диверсионная группа в составе артиллерийской батареи и одного стрелкового взвода на автомашинах «Дождь-3/4» с боями пробилась к городу и захватила станцию. А потом восемь суток держала здесь оборону. Из трех танков противника, шедших на выручку, два были подбиты, один «драпанул». Потом хлынула немецкая пехота к станции. Вот как об этом бое в наградном листе на командира орудия сержанта К. Чачева записано: «19 марта 1945 года группа немецких автоматчиков в количестве 50 человек, ведя непрерывный автоматно-пулеметный огонь, пыталась пробить брешь в наших боевых порядках с целью выхода из окружения и вывода следующих за ними частей. Находясь со своим орудием перед боевыми порядками нашей пехоты, на прямой наводке, тов. Чачев немедленно развернул орудие на 180 градусов и открыл уничтожающий огонь по наступающим автоматчикам. Однако, несмотря на сильный и губительный огонь орудия, часть немецких автоматчиков прорвалась к каменному сараю, расположенному в 30 метрах от нашей огневой позиции, и из щелей сарая продолжала вести огонь по позиции тов. Чачева.

Огнем противника был выведен из строя весь орудийный расчет. Тов. Чачев остался один у орудия, но не дрогнул, а продолжал вести огонь по автоматчикам противника, сам находясь в зоне своих разрывов. Усилиями и благодаря мужеству, смелости и проявленному героизму тов. Чачев контратаку отбил. В результате 27 гитлеровцев было убито и 23 гитлеровца пленено».

За этот подвиг Кумаль Чачев награжден орденом Красного Знамени.

С боями К. Чачев дошел до Потсдама, участвовал в его взятии, затем был и в числе штурмовавших Берлин. 9 мая 1945 года

весь мир ликовал по случаю Дня Победы, а К. Чачев в это время продолжал добивать фашистские войска в Чехословакии, и лишь 13 мая он сделал последний выстрел из своей пушки. Как он говорит в шутку, у него два праздника Победы: 9 и 13 мая. И для него эти дни, как в той песне, «праздник со слезами на глазах». Он вспоминает друзей, что хоронил на фронтовых дорогах, которым, казалось, нет ни края, ни конца, он вспоминает старшего брата Азамата, погибшего в боях в начале войны.

Как убедился, уважаемый читатель, наш славный земляк К. Чачев и один был в поле воином, воином-героем.

В конце 1946 года Кумаль Хамидович вернулся домой. После короткого отдыха окунулся в мирную трудовую жизнь. Работал в колхозе главным бухгалтером, много лет был председателем колхоза, затем директором Эркин-Шахарского хлебоприемного пункта. Отсюда и ушел солдат на пенсию.

Я попытался поведать о фронтовых и мирных делах замечательного человека, патриота, ветерана войны и труда Кумалья Хамидовича Чачева, чья жизнь может служить достойным примером для молодежи.

В дни празднования 850-летия со дня основания Москвы Кумалья Хамидовича особенно взволновало обращение мэра Москвы Ю. Лужкова к ветеранам Великой Отечественной войны, участникам обороны Москвы, труженикам тыла. Там были такие слова: «К вам обращены благодарность и мысли москвичей в канун большого общенационального праздника и международного события».

- Прямо за сердце берут эти слова, – говорит он, и голос дрожит от волнения. – Такое впечатление, вроде он говорит со мной. Спасибо Юрию Михайловичу, что он помнит нас, всех тех, кто нерушимой стеной стал на защиту Москвы от врага. Спасибо ему!

Приносите цветы живым

В музее Псыджской средней школы собран большой материал об участниках Великой Отечественной войны, среди которых и Залим Каматович Евгамуков.

В феврале 1942 года он призвался в Красную Армию, полтора месяца обучался в Моздоке на минометчика. Затем – фронт. До мая 1942 года часть, в которой он служил, стояла в обороне западнее Старого Оскола. Противник прорвал фронт и рассеял наши войска. Многие попали в окружение. Разрозненные, истрепанные в боях остатки воинских частей группами выходили к своим. Среди них был и Залим Каматович.

С января 1943 года он снова на фронте.

Участвовал в боях за освобождение Краснодарского края. На Таманском полуострове при отражении десанта противника был ранен и оказался в госпитале в станице Лабинской.

После лечения его направили в полк 339-й Таманской стрелковой дивизии. Здесь «переквалифицировался» на артиллериста и в должности командира 76-миллиметрового орудия участвовал в боях за Керчь, освобождал прибрежные города Крыма, Севастополь.

Как известно, на подступах к городу морской славы противник сильно укрепился на Сапун-горе, прикрывавшей город. Наступление наших войск шло по низменной, открытой местности.

Из дневника З.К. Евгамукова: «Много раз мы наступали, но всякий раз терпели неудачи. Я получил задание от командира батареи разведать дорогу под горой, откуда шла стрельба по нашим танкам. Ночью пробрался на нейтральное поле, замаскировался и вел непрерывное наблюдение. За выступом скалы обнаружил танк и орудие противника, расположенные недалеко друг от друга. Ночью подкатили орудие, замаскировали его. Утром 8 мая по команде открыли огонь. Орудийный расчет противника был уничтожен, танк подбит».

После штурма Сапун-горы и освобождения Севастополя орудийный расчет Евгамукова участвовал в разгроме противника на мысе Херсонес. У Залима Каматовича на теле имеются еще две памятные отметины об этих боях: в день освобождения Севасто-

поля осколком рассечена верхняя губа, а в Херсонесе – ранен в руку.

После некоторой передышки часть, в которой воевал наш земляк, перебросили на 1-й Белорусский фронт. Он принимал участие в боях за освобождение Польши и ее столицы – Варшавы.

При прорыве обороны под Варшавой батарея, в которой воевал Евгамуков, оказалась в полосе танковой контратаки противника. Он вспоминает:

- Нас застали на открытом поле. Мой расчет занял воронку от снаряда. Наше орудие подбило танк, а всей батареей уничтожили три танка. Погиб наводчик, а меня тяжело ранило. Это случилось в день нашего наступления на Варшаву – 14 января 1945 года.

Началась борьба за жизнь воина. Операцию сделали в госпитале в Люблине, где он пролежал до ноября 1945 года. Затем лечение в Саратове. В 1947 году в сопровождении медицинской сестры приехал в Псыж с заключением медицинской комиссии: инвалид 1-й группы.

Парализована левая половина тела, ходить самостоятельно не мог, речь полуразборчивая, замедленная. В таком состоянии началась мирная жизнь Залима Каматовича.

Решил систематически, ежедневно бороться за восстановление своего здоровья, если не полностью, то хотя бы до такого уровня, чтобы самостоятельно себя обслуживать. И не только добился этого. Но и превзошел намеченный рубеж. С весны следующего года стал навещать в школу, общаться с учителями. Они видели достижения коллеги (до войны он закончил Черкесский педтехникум) и искренне радовались им. А уже к осени директор школы предложил вернуться в школу и взять первый класс. Предложение это еще больше вдохновило его, и он после почти 10-летнего перерыва согласился вернуться к любимому делу.

Так Залим Каматович вновь повел счет педагогическому стажу и довел его до 22 лет. Работая, он заочно окончил историческое отделение учительского института.

Беседую с бывшим директором школы Х.Ш. Татаршао:

- Добропорядочный и добросовестный педагог, – говорит он. – Трудился от души, очень болезненно переживал, если что-то ему не удавалось, но старался быть всегда в хорошей форме.

А вот выдержка из производственной характеристики Прикубанского района на Евгамукова: «...Как правило, учащиеся его класса дают стопроцентную успеваемость. Так, в 1957 году, приняв подготовительный класс, довел его до пятого класса без «отсева» и при хорошей успеваемости. Таких результатов он добивается из года в год».

О том, что своим примером солдата-фронтовика, рассказами о героическом подвиге советского народа в годы Великой Отечественной войны он оказывал большое влияние на патриотическое и интернациональное воспитание школьников аула Псыж, говорят все, кому довелось с ним работать.

Оставив школу, Залим Каматович без работы не сидел ни одного дня. Ветеран возглавил колхозную пасеку и много лет успешно трудился на ней. Работал и после этого. И только в возрасте 70 лет по настоянию повзрослевших сыновей и дочерей, а их у него пятеро, Залим Каматович «остепенился».

А чем же отмечен его ратный путь?

Заметим, что судьба награды его необычна, как и его собственная. Они разыскивали его после войны почти 11 лет.

Орден Отечественной войны 2-й степени, которым был награжден за Севастополь, получил вовремя. Когда тяжелораненым попал в госпиталь, медики, решив, что его владелец не жилец на этом свете, орден отправили в Хабезский райвоенкомат. Орден Красной Звезды, которым был награжден за бои на Таманском полуострове, не найдя хозяина направили в Черкесский военкомат. Их он получил после возвращения из госпиталя. В 1956 году в областном военкомате ему вручили ордена Отечественной войны 1-й и 2-й степени. Первый орден – за подвиги в боях за Варшаву и второй – за Крым. В 1985 году к его наградам добавился еще один орден – Отечественной войны 1-й степени. Таким образом, Залим Каматович стал дважды кавалером этого ордена.

Даже самая полноводная река, как бы долог не был ее путь, где-то завершается. Так и жизнь человека.

Сегодня нет рядом с нами Залима Каматовича. Он сделал все возможное в своей жизни и как солдат, и как гражданин. Долг живых – помнить и хотя бы раз в году 9 мая возлагать на его могилу цветы.

О друзьях-товарищах

- Смотрю – и глазам своим не верю: он или не он? И сразу же вспомнил нашу «тройку», – земляк из аула Инжиц-Чукун Керим Исламович Аджиев о встрече в Азове со своим однополчанином нынешним летом говорил так увлеченно, словно я там тоже был и знал об этой самой «тройке». Дождавшись паузы, я все же спросил:

- О ком ты ведешь речь, Керим?

- Прости, я думал, что рассказывал тебе об этом, – виновато улыбнувшись, сказал он. – Я говорю о бывшем командире разведки нашего 985-го артиллерийского полка Николае Исаковиче Бондарчуке. Через 35 лет мы с ним встретились. Он меня первым узнал и окликнул. В форме полковника! А когда начинали с ним воевать, был младшим лейтенантом, совсем молодым.

- Ну, а что за «тройка»?

- «Тройка», «тройка»... – он задумался. – В тройку входили мои однополчане Аким Григорьевич Маркаров, Нурби Османович Табулов и я. Все трое – связисты. И в боевых операциях, и в минуты коротких передышек – всегда были неразлучны. Поэтому однополчане и прозвали нас «тройкой».

- Ну, а где же они сейчас? – спросил я.

- Нурби Табулов живет в Эльбургане, а работает водителем на одном из предприятий в Черкесске, а Аким Маркаров, кажется, в Буденовске.

Керим Исламович говорил, а я, вглядываясь в лицо этого уже немолодого мужчины с густой проседью волос и частой сеткой морщин под глазами, невольно вспоминал 1943 год.

Как только наши края были освобождены от немецких захватчиков, мы – аульские мальчишки-подростки – вместо школы пошли работать в колхоз. Выполняли разную работу: возили сено, оставшееся в зиму под снегом в валках и копешках, пахали, сеяли, пололи. Летом меня назначили учетчиком третьей полеводческой бригады колхоза имени Ленина, который в те годы был в нашем ауле Инжиц-Чукун. Бригадиром стал недавно вернувшийся с фронта после ранения – оторвало кисть правой руки – Исмаил Муссович Аджиев, дядя нынешнего моего собеседника. Когда

приходило письмо с фронта от племянника, он предупреждал меня: «Завтра будем писать ответ Кериму».

А на следующее утро я шел на полевой стан с пузырьком, в котором была разведена печная сажа (чернил в то время не было), с листками какой-нибудь старой брошюры или просто с газетой, меж строк которой и писал письмо под его диктовку. Временами, прерывая свои мысли, дядя Исмаил спрашивал: «Ты знаешь, что значит для фронтовика письмо из дому? – И сам же отвечал, – Оно придает силы, мужество, а если хочешь, даже ненависть к врагу».

Вместе с приветами аульчан Кериму и его боевым друзьям мы подробно сообщали о делах нашей бригады, обещали, что будем трудиться еще лучше, а его призывали громить врага еще крепче...

После встречи с Аджиевым я задался целью узнать о судьбе его боевых друзей. Отправил письмо в Запорожье, командиру разведки артполка Н.И. Бондарчуку. Уточнил место работы Н.О. Табулова: Черкесское АТП «Облсельхозтранса». Однако найти его оказалось не так-то просто: была горячая пора вывозки сахарной свеклы.

Помогли девушки из диспетчерской автопредприятия. Как только Табулов пригнал свою машину в гараж для небольшого ремонта, мне сообщили об этом по телефону. Короткая встреча с ним состоялась прямо в боксе гаража, где он чинил свой выдавший виды самосвал. При нем оказались и документы. Из них я узнал, что он награжден орденами Красной Звезды и Славы 3-й степени, медалями «За отвагу» и «За боевые заслуги» – хороший набор боевых солдатских наград! Табулов сообщил мне и адрес А.Г. Маркарова. А тем временем пришло письмо от Н.И. Бондарчука. Очень теплое и трогательное.

- Я очень рад откликнуться на Ваше письмо, – писал бывший командир разведки, – потому что о таких людях, как Аджиев, Табулов и Маркаров, нужно писать, чтобы их дети и внуки знали о подвиге своих отцов и дедов, чтобы гордились ими, учились у них трудолюбию, скромности.

Наблюдательный пункт артполка стрелковой дивизии – это маленькая боевая семья, которая управляет мощным артиллерийским огнем полка. В состав этой семьи входили связисты Аджиев, Табулов, Маркаров, разведчики Терехов, Якименко, Березовский,

командир полка Сиренко и я, возглавляющий разведку. Все мы примерно одногодки, было нам по 18 – 22 года.

Разведчики – глаза и уши, связисты – нервы полка. От того, как каждый из них выполнит боевую задачу, зависел успех многих операций. Четыре неимоверно трудных года войны находились мы рядом, ели из одного котелка, в ненастную погоду эти люди прикрывали нас, командиров, своими солдатскими плащ-палатками, согревали теплотой своих сердец. С этими друзьями испита полная чаша военных невзгод и вместе пережита радость Великой Победы!»

От А.Г. Маркарова ответа не было долго. Я запросил паспортный стол города Буденовска. Прислали его новый адрес. Вновь отправил письмо. И опять молчание. И все же почему-то был уверен, что разыщу его.

Созваниваюсь с горкомом партии. На мою просьбу в отделе пропаганды и агитации сообщили, что А.Г. Маркаров работает на заводе металлоизделий. С помощью секретаря парторганизации завода на следующее утро я имел возможность по телефону услышать голос А.Г. Маркарова. А вскоре получил от него письмо. В нем была фотография, на которой сняты боевые друзья: Керим Аджиев, сам Маркаров, Нурби Табулов и еще один неизвестный связист, который держит в руках телефонную трубку. На обратной стороне фотографии, которая была сделана в Румынии, надпись: «20.07.45 г.» И далее перечень имен. Среди них имя Беляль. И я вспомнил, что еще при первой встрече Керим Аджиев говорил, что вместе с ними храбро воевал солдат Дышеков из аула Хабез. Тогда я не стал вдаваться в подробности о нем, а сейчас заинтересовался, съездил в Хабез, разыскал его, показал одну из фотографий, присланных Н.И. Бондарчуком. Едва взглянув, он воскликнул: «Вот этот – наш командир разведки Бондарчук. Он был молодым, но очень толковым командиром. А это – Маркаров. Хороший парень, спокойный, выдержанный, веселый. Да и храбрости ему не занимать».

Так и сказал «парень», помня о нем, юном Маркарове, по годам войны.

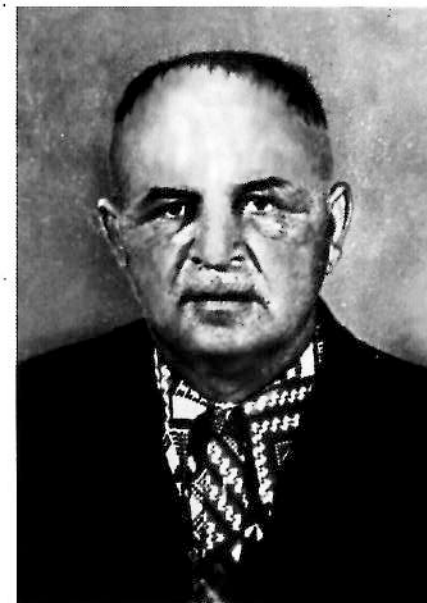
Итак, разысканы все члены «тройки», найден и четвертый их боевой друг. А теперь несколько слов, как они оказались вместе. Керима Исламовича Аджиева из Инжич-Чукуна, Нурби Османо-



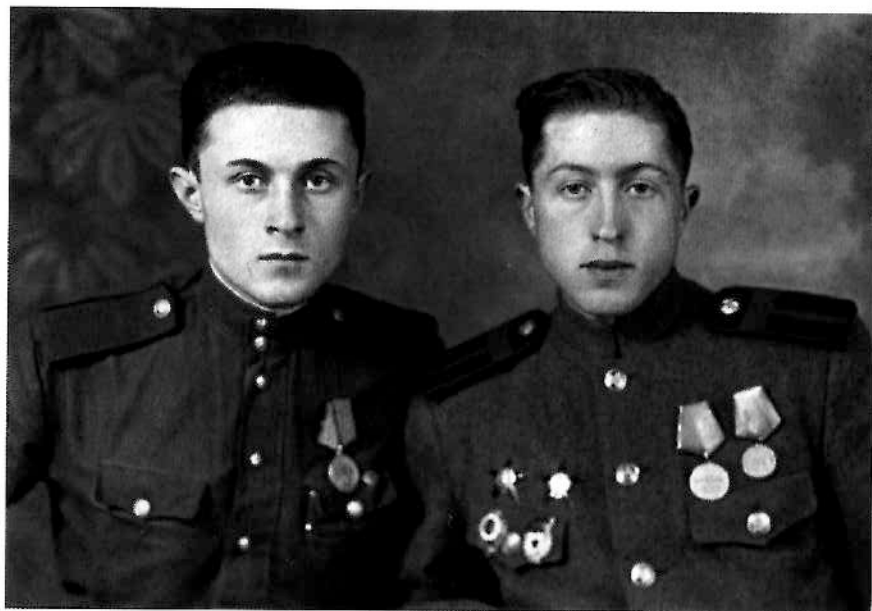
Аджиев Керим Исмаилович (лежит), Дышеков Билял Магомедович (с трубкой). К очерку: «О друзьях-товарищах».



Евгамуков Залим Каматович.
К очерку: «Приносите цветы живым».



Табулов Нурби Османович.
К очерку: «О друзьях-товарищах».



Хумаринцы — двоюродные братья Дзамаев Курман-Али Якубович и Дзегутанов Нурдин Эреджибович. Берлин 1945 год.
К очерку: «Всем смертям назло».



Хамуков Карабит Эдикович с группой партизан (второй ряд, второй слева). К очерку: «Письмо партизана».



Агирбов Рашид Аминович.
К очерку: «Слово о земляках».



Колосов Александр Захарович.
К очерку: «В лучах прожекторов».



Байчоров Бучай Аминович.
К материалу: «Тогда свой долг я считал бы выполненным».



Шурдумов Кучук Аминович (слева), Багдасарян К. Б. К повести: «Фронтовые встречи».



Нартоков Фица Шагабанович.
К очерку: «Защитник Ленинграда».



Аванесов Вартан Данилович.
К материалу: «Котрразведчик».



Унежев Пашагери Умарович (в первом ряду слева).
Госпиталь №1295 в г. Кракове, июнь 1945 г.



Кумуков Исмаил Гучипсович (справа),
К очерку: «На войне и после войны».



Беспленев Ибрагим Канамагович (сидит),
К материалу: «Дружба, закаленная в боях».



Шхаев Петр Хаджи-Муратович.
К очерку: «Шхаевы».



Шхаева Вера Васильевна.
К очерку: «Шхаевы».



Асланов Хамурза Ахмедович.
К очерку: «Воин из аула Хабез».



Балов Шугаиб Шамович.
К очерку: «Династия офицеров Баловых».

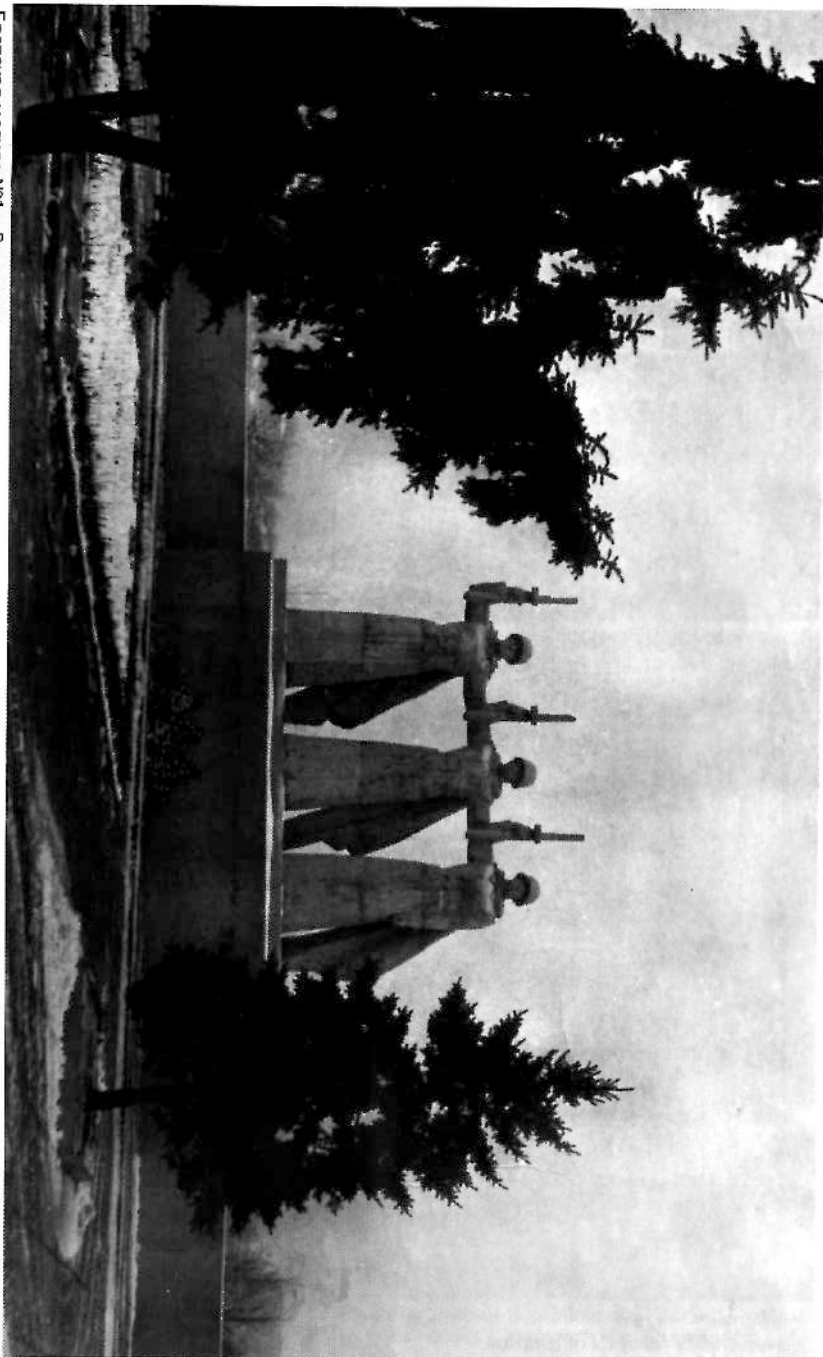


Карданов Оскар Бекирович.
К очерку: «Гвардии капитан Карданов».



Майор Мамтов Азамат Татлустанович (справа).
К очерку: «Из когорты патриотов».

Братская могила №1 г. Воронеж.
Здесь похоронен наш земляк Чачев Магомед Якубович.



вича Табулова из Эльбурга и Акима Григорьевича Маркарова из Буденовска судьба свела в городе Георгиевске в первые дни тревожного августа 1942 года, когда гитлеровская армия наступала на Северный Кавказ. Вместе с ними был призван в армию и Б.М. Дышечков из Хабеза (он был несколько постарше возрастом).

Выучившись на связистов, молодые бойцы-комсомольцы Аджиев, Маркаров, Табулов и Дышечков получили свое боевое крещение на родном Ставрополье. Боевой путь дивизии, в которой они служили, пролег через Краснодарский край, Ростовскую область. За бои в Донбассе дивизия удостоилась почетного наименования – Енакиевская. Она участвовала в освобождении Румынии, Венгрии, Чехословакии, Болгарии, Австрии. Вместе со своими фронтовыми друзьями шла на запад и тройка связистов, проявляя мужество и отвагу. Сошлюсь еще раз на письмо Н.И. Бондарчука:

«В моей памяти сохранился один из многих боевых эпизодов. Несколько суток идет жестокий бой в Буде (часть города Будапешта). Противник пытается, во что бы то ни стало, вырваться из окружения, бросая в бой танки, пехоту. Из района Секешфехервара доносится гул бронированных фашистских машин, идущих на выручку будапештской группировке. И в этот напряженный момент прерывается связь с первым дивизионом. На восстановление связи уходит Табулов. Невыносимо долго тянется время. 15, 20, 30 минут – связи нет. Под сильным огнем, через груды развалин на выручку Табулову спешит Аджиев. Порыв восстановлен. Первый дивизион открывает огонь по атакующим танкам и пехоте, а Табулов и Аджиев, подключившись к телефонному проводу, докладывают: «Находимся в развалинах в 500 метрах от наблюдательного пункта. Квартал простреливается сильным пулеметным и автоматным огнем, просим разрешения прибыть на наблюдательный пункт через 30 минут».

Сколько было радости, когда через полчаса они возвратились. И так сотни, тысячи раз выполняли они свой воинский долг, приближая день нашей Победы».

За этот бой Н.О. Табулов и К.И. Аджиев были удостоены орденов Славы 3-й степени. В том же году Керим Исламович стал членом КПСС.

Рассказ о друзьях-однополчанах будет неполным, если не сказать несколько слов о самом командире разведки арtpолка Николае Исааковиче Бондарчуке.

Родился он на Житомирщине. В армии был с первых дней Великой Отечественной войны. Завершил ее в звании старшего лейтенанта, заслужив орден Отечественной войны 2 степени, три ордена Красной Звезды, многие медали. После войны продолжил военную службу в родной дивизии, затем – в различных артиллерийских и военно-десантных подразделениях. Совершил 216 прыжков с парашютом. В 1967 году был уволен из рядов Советской Армии по состоянию здоровья в звании полковника. Все последующие годы работал в народном хозяйстве.

Я уже упоминал о первом письме, адресованном А.Г. Маркарову в город Буденовск. После многих дней оно вернулось с пометкой на конверте «возврат». На обратной же стороне карандашом было написано: «Адресат давно умер, дети проживают в Пятигорске». Под этими словами чья-то неразборчивая подпись.

У горцев издавна бытует поверье: если о живом человеке прошла молва, что он умер, то этот человек будет еще долго-долго жить. Поверье поверьем, а мне хочется сказать: пусть еще многие годы живут и здравствуют ветераны Великой Отечественной.

Упомянутая выше 320-я стрелковая дивизия, в которой служили герои моего очерка, была сформирована в 1941 году. Она входила в 9-й стрелковый корпус, и руководил ею прославленный военачальник Великой Отечественной войны, дважды Герой Советского Союза Павел Иванович Батов.

Трудный путь прошли воины этой дивизии, участвуя в освобождении Моздока, Георгиевска, Минеральных Вод, Краснодарского края и Ростовской области.

Особенно ожесточенны были бои при освобождении города Азова и Азовского района. Затем дивизия продвинулась на север и полностью захватила железнодорожную ветку Ростов – Таганрог. Так был отрезан путь отступления немцам, пытавшимся вывезти награбленное добро.

За освобождение города Николаева 320-я дивизия была удостоена ордена Красного Знамени, а за Одессу – ордена Суворова 2-й степени. Затем ее путь прошел через Молдавию, Румынию, Бол-

гарию и Венгрию. Особо успешно проявила себя дивизия при ликвидации известной Будапештской группировки противника.

Я столь подробно остановился на описании боевых подвигов Енакиевской 320-й стрелковой дивизии, потому что в ее составе кроме упомянутых воевало много наших земляков из Карачаево-Черкесии. Это дивизионный разведчик Умар Каракаев, связист Абдулах Дохов, наводчик-артиллерист Юсуф Картуков. Все они уроженцы Адыгее-Хабльского района. Из города Черкесска служили – медицинская сестра Клавдия Верк, бойцы Николай Безродный, Иван Бойко и другие.

В немалой степени есть и их великая заслуга в том, что на последних этапах войны 985-й артиллерийский полк был удостоен почетного наименования «Будапештский».

К сожалению, с годами ряды ветеранов Великой Отечественной войны редеют. Но народная память хранит их подвиги в своих сердцах.

Тогда свой долг я считал бы выполненным

Зигзаги служебные

В августе 1945 года двадцатитрехлетний лейтенант, бывший командир огневого взвода Бучай Байчоров, по решению военно-врачебной комиссии Донского военного округа был признан негодным для дальнейшей воинской службы и вернулся в свой родной аул Жако, что в Хабезском районе.

Офицеру-фронтовику предложили солидную административную должность заведующего отделом социального обеспечения Черкесского облисполкома. Но такое внимание вовсе не тешило самолюбие Бучая Байчорова, бывший командир мечтал совсем о другом. Еще до войны он окончил Черкесское педагогическое училище. Впрочем, социальным обеспечением трудящихся ему заниматься пришлось недолго. По состоянию здоровья попросил освобождения от должности и вернулся в Жако, где принял на себя нелегкую ношу директора семилетней школы.

Его педагогическая деятельность продолжалась ни много, ни мало – сорок лет. К боевым наградам – орденам Отечественной войны 1-й и 2-й степени и медалям добавились новые – трудовые. В 1962 году он удостоился значка «Отличник народного образования», а в 1972 году ему было присвоено звание «Заслуженный учитель школы Российской Федерации», был награжден медалью «За доблестный труд».

Те первые послевоенные годы директорства Бучай Аминович вспоминает с грустью в голосе и печальной улыбкой: «Всякое было в то время. Не было тетрадей, писали на газетах и брошюрах. Порой по «Правде», «Известиям» и другим газетам приходилось первоклассникам познавать азы русского и родного языков. Два-три учебника на класс были бесценным богатством школы того времени. Писали, кто на чем горазд. Некоторые ребята приносили на уроки небольшие фанерные дощечки, писали диктанты, контрольные работы по математике, а после проверки соскабливали все начисто и использовали вновь. «Тетради многоразового пользования» – так можно было бы пошутить сегодня, но в сороковые и пятидесятые годы было вовсе не до шуток.

Дети зимой мерзли в классах, школьные печи отапливались угольной пылью. Одежда была самой нищенской, а зимы в ту пору

– самые студеные. Разношерстной толпой бежали ученики в школу. Кто в перешитой отцовской шинели, кто в военном, прожженном, пропахшим солдатским потом и порохом ватнике старшего брата...

Да что ученики, даже учителя приходили в школу в одежде и обуви с заплатами.

Но, не смотря на эти трудности и лишения – результат многолетней тяжелой, кровопролитной войны, учителя сеяли семена разума и добра в души детворы.

Из года в год число учащихся в ауле росло. Первостепенной задачей для Бучая Аминовича стало строительство нового типового школьного здания, дети занимались в три смены в аварийных домиках, построенных в двадцатые годы. И не осталось в районе, области и крае таких партийных и советских органов, куда бы не обращался устно и письменно беспокойный жаковский школьный директор. Даже в Министерстве просвещения Российской Федерации узнали о неутомимом человеке Бучае Аминовиче Байчорове. Благодаря его стараниям, а также поддержке облоно, в конце 1961 года началось финансирование строительства нового типового школьного двухэтажного здания на 400 ученических мест в ауле Жако. Первые камни в его основание заложили директор, прораб М. Туков, каменщики-строители М. Сонов, С. Теркулов, Х. Добагов, Р. Хубиев, старожил Л. Мамхягов. В строительстве школьного здания принимали активное участие многие родители и учащиеся старших классов.

С вводом в строй новой типовой школы и жизнь в ауле как бы повернула на новый лад.

Следующим шагом Бучай Аминович считал преобразование семилетней школы в среднюю с соответствующей материальной базой. Приказом заведующего облоно в 1966 году школа была преобразована в среднюю. К повышению статуса школы готовился и сам Бучай Аминович. В 1955 году он окончил Черкесский учительский институт, а в 1958 году – Ставропольский педагогический.

С первых дней своей директорской работы много внимания он уделял пополнению школы молодыми кадрами, выпускниками институтов страны. Многие из них работали добросовестно по 10 – 20 лет и оставили о себе теплые воспоминания. Это супруги Ва-

сий и Ольга Пономаревы, Сима Гергова, Варвара Крюкова, Раиса Хапсирокова, Нух Хапсироков и другие.

За время работы Б. Байчорова школу закончили более 1800 учащихся. Среди них – немало известных в республике людей. Это Х.-Г. Баков – доктор филологии, А. Катаев – профессор, А. Карданов – председатель республиканского совета профсоюзов, председатель правительства КЧР, М. Добагов – редактор газеты, Х. Готов – зам министра культуры, директор республиканского колледжа культуры и искусства, Заслуженный деятель культуры РФ, М. Аков – заслуженный артист Кабардино-Балкарии и народный артист Абхазии, снискавший известность не только в театре, но и в кино.

Беспокойное сердце ветерана

В 1981 году Байчоров ушел на пенсию, но как человек с неутомимой энергией, он не мог оставаться без дела. В конце ноября 1981 года делегаты очередной районной отчетно-выборной конференции профсоюзов работников просвещения высшей школы и научных учреждений избрали его своим лидером.

Ни одна жалоба, посланная в адрес председателя райкома профсоюза, не оставалась без внимания. Почти десять лет отдал Байчоров этой ответственной общественной работе, а с 1990 года он возглавил секцию ветеранов войны при Хабезском районном совете ветеранов труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов.

Когда в связи с подготовкой к 50-летию Великой Победы встал вопрос об издании республиканской, городских и районных Книг Памяти, руководство района утвердило Байчорова ответственным секретарем и руководителем рабочей группы районной Книги Памяти.

Из Хабезского района на фронт ушли более 3000 человек, из них не вернулось к своим семьям 1656. Об этой навеки утраченной половине и была главная забота Бучая Аминовича.

– Я действительно погрузился в серьезное, трудное дело, потому потерял покой, – рассказывает ветеран, – наверное, Всевышний даровал мне жизнь и сохранил ее в этой страшной войне для того, чтобы рассказать правду о тех моих земляках-ровесниках, кто уже никогда не вернется в мир живых.

В ходе работы над изданием Книги Памяти немало душевных переживаний пришлось испытать ему. О многом из своей фронтовой биографии и о многих земляках напоминали Бучаю Аминовичу скупые горькие строки. Война вновь прошла через его сердце...

В июне 1941 года Б. Байчоров был направлен в танковое училище в город Камышин вместе со своим земляком Джумалем Думанишевым. Через месяц учебы всех курсантов со средним и высшим образованием отправили в Днепропетровск, в зенитно-артиллерийское военное училище. Фронту срочно требовались офицеры, овладевшие новейшими видами вооружения и искусством ведения современной войны, в которой авиация и артиллерия в основном решали судьбу удачи или неудачи противостоящих сил. Учеба велась по уплотненной и ускоренной программе военного времени.

В середине мая 1942 года приказом СКВО № 0650 после госэкзаменов курсантам-выпускникам училища было присвоено воинское звание «лейтенант». Они были отправлены на фронт. Байчоров вместе с другими прибыл на Воронежский фронт командиром огневого взвода в район города Павловска.

В начале августа группа офицеров-фронтовиков, в том числе и Байчоров, была направлена в город Пугачев, где дислоцировался 66-й запасной полк 9-й запасной бригады, для обучения солдат-новобранцев новой военной технике.

Бучай Аминович неоднократно подавал рапорты с просьбой отправить его на фронт. Ответы были идентичными: «Вы – подготовленный в теоретическом и практическом плане офицер, умеете хорошо передавать свои знания и опыт подчиненным. Это для нас важно. Настанет время. Отправим вас на фронт...»

Вскоре Байчорова отправляют на Юго-Западный фронт, переименованный в Первый Украинский, командиром огневого взвода.

С боями он прошел нелегкий путь, участвовал в кровопролитных сражениях за освобождение Бердичева, Житомира, других населенных пунктов.

Фронт продвигался на запад. Впереди была известная в истории Висло-Сандамирская операция. Из официальных военных материалов было известно, что гитлеровское командование, стре-

мась не пустить наши войска на территорию Польши, особое внимание уделяло обороне на рубежах широкой полноводной реки Вислы.

Против войск Первого Украинского фронта были стянуты с других фронтов 17 дивизий. Кроме этого, на Вислу, в район Сандамира, еще были переброшены шесть бригад штурмовых орудий, несколько танковых батальонов, вооруженных новыми сверхтяжелыми танками типа «Королевский тигр».

В помощь нашим войскам, захватившим плацдарм, прижатый к берегу Вислы, было направлено много танков, «катюш», артиллерии, пехоты. 8 августа после артподготовки огневой взвод Байчорова в составе полка перешел в наступление, ломая сильное сопротивление фашистских войск. Во время этих наступательных боев, примерно в 16 – 20 км от западного берега Вислы, командир огневого взвода Байчоров был тяжело ранен и отправлен в госпиталь.

Бучай Аминович скуп на рассказы о себе, но готов поделиться воспоминаниями о своих боевых друзьях, павших за Отечество, с грустью вспоминает их имена. Это старший лейтенант, командир огневого взвода А. Васевицкий, который часто говорил о том, что после победы жизнь будет прекрасная, что женится на любимой девушке Вале – медсестре Черноморского флота, которая писала ему душевные письма. Оба, любящих друг друга человека, погибли за месяц до Дня Победы.

Погибли на чужбине – на территории Польши, Болгарии, Чехословакии – полковник Гвиля, старший лейтенант Калибельников, рядовые Бушманов, Беспалов, Зоренко, Каменов и другие. К концу войны от 410-го полка осталось примерно четверть.

- Самое главное из того, что мне удалось сделать, – рассказывал Байчоров, – это увековечить память моих земляков, погибших за Родину, в Книге Памяти.

Чтобы фактологический материал, получаемый из архивов Министерства обороны, уточнить и дополнить живым словом, приходилось посещать родственников павших, вести переписку и заполнять карточки. Большую помощь оказывали ему в этой работе члены редколлегии Книги Памяти, райвоенкомат, главы сельских администраций, ветераны войны, учителя и учащиеся школ района.

Полученные материалы требовали дополнения, расшифровки, обработки.

К примеру, Ахмед-Магомед Алиевич Мамбетов, 1901 года рождения, из аула Малый Зеленчук, значился пропавшим без вести в 1943 году. Так бы и осталась безвестной смерть солдата, если бы не его брат, который представил справку, где значилось, что после тяжелого ранения А. Мамбетов был отправлен в город Астрахань, где скончался в госпитале 3 июля 1943 года, и похоронен на городском кладбище в могиле под номером 1669.

Другой пример. Рядовой Абдул-Керим Асламбекович Добагов, 1910 года рождения, числился пропавшим без вести 26 августа 1942 года в районе хутора Ягодный Ростовской области. Его сын – Юрий Добагов, не удовлетворенный такими сведениями, поехал в Ростовскую область и разыскал его могилу.

В Книге Памяти района помещены ценные справочные материалы о патриотических подвигах жителей Хабезского района в годы Великой Отечественной войны как на фронтах, так и в тылу.

Здесь читатель с удовлетворением прочтет рассказ «Гвардии капитан Умар Хабеков», написанный известным ленинградским писателем Георгием Холоповым по горячим следам гибели героического комбата в боях за столицу Австрии Вену. В честь пятидесятилетия Великой Победы установлен памятник Герою Советского Союза Умару Хабекову на его родине – ауле Малый Зеленчук.

Особенно волнующими моментами в Книге Памяти являются строки о семьях, потерявших в войну по несколько детей. Это, например, Лостанби и Канитат Мамхяговы, проводившие на фронт трех сыновей и не дождавшиеся ни одного.

Исуф и Куца Тлимаховы из аула Али-Бердуковский оплакивали пятерых сыновей; их земляки Хатима и Ляпа Дзамыховы – четверых; пятерых не дождались Бекир и Хура Абдоковы из аула Псаучье-Дахе. Под Таганрогом в 1942 году погиб Наиб Джамботович Кушпов из аула Абазакт, а вскоре на полях сражений навечно остались два его сына – рядовой Ибрагим и лейтенант Исмаил. В небольшой ногайский аул Кызыл-Юрт в семью Матакаевых не вернулись 12 человек. Охтовы из аула Бесленей не досчитались 20 своих родственников.

За многими строками об этих фактах стоит имя руководителя рабочей группы редколлегии Бучая Байчорова.

Вот высказывание о нем бывшего военкома Хабезского района, члена редколлегии Книги Памяти Заура Каирова: «Человек он беспокойный. Оттого и нам не было покоя. Заражал своим энтузиазмом. Пока готовилась Книга, порой казалось, что Бучай Аминович и ночами не спит, переживая о порученном деле. Безусловно, он достоин большого уважения и всяческого поощрения. О таких людях надо писать...»

Сейчас Бучай Аминович начал работу по сбору материалов для издания второго тома Книги Славы, в которую будут занесены имена всех аульчан, участников Великой Отечественной войны.

- Дел очень много, — говорит он, — хватило бы здоровья, чтобы довести начатое до конца. Тогда бы я считал свой долг — ветерана войны и человека — выполненным.

Долг свой Бучай Аминович выполнил. Он первым в нашей республике подготовил и издал Книгу Славы Хабезского района. Активно продолжает работу по патриотическому воспитанию земляков.

Учитель, воин, гражданин

Молодым парнем из аула Али Бердуковский Салих Джамбеков в начале тридцатых годов прошлого века был призван в ряды Красной Армии. Годы службы закалили его характер, воспитали в нем целеустремленность и обогатили воинскими навыками.

Выбор своего дальнейшего жизненного пути Салих определил четко и однозначно — стать педагогом. В 1938 году Джамбеков получил диплом Черкесского педагогического училища и стал учителем в своем ауле.

В книге «Карачаево-Черкесия за полвека» среди фамилий советских учителей-горцев, внесших свой достойный вклад в дело просветительства, есть и имя Салиха Габидовича Джамбекова.

У этого человека был необыкновенный талант к педагогической деятельности. Он по большому счету учил детей прекрасному, светлому, доброму. Салих Габидович воспитывал истинных патриотов, горячо любящих Советскую Родину, как и сам. Подтвердил он это, когда с первых дней Великой Отечественной войны оказался на фронте.

В боях на Западном фронте в декабре 1941 года Салих Джамбеков получил свое первое тяжелое ранение.

Позже ратные пути-дороги привели его на 1-й Белорусский фронт. Его послужные данные: рядовой 35-го стрелкового полка, старшина отдельного батальона 1-й гвардейской танковой Армии, а после окончания краткосрочных офицерских курсов при этой же танковой Армии — младший лейтенант, командир мотоциклетно-разведывательного взвода 6-го отдельного мотоциклетного разведывательного полка 1-й гвардейской танковой Армии того же 1-го Белорусского фронта.

Дополним их бесстрастными строками из его служебно-боевой характеристики.

«Командир мотоциклетного взвода Джамбеков Салих Габидович показал себя тактичным, дисциплинированным товарищем, пользуется авторитетом среди начальников и подчиненных. В боях с немецкими оккупантами показал себя храбрым, преданным Родине офицером... Своим примером тов. Джамбеков в период боевых действий воспитывал личный состав в духе храбрости и отваги, беззаветного служения Родине».

О славном боевом пути этого 6-го мотоциклетно-разведывательного полка упомянул добрым словом командующий 1-й гвардейской танковой Армии М.Е. Катуков в своей книге «На острие главного удара» (издательство «Высшая школа», 1985 год, г. Москва).

Этот полк, как и сама армия, постоянно находился, в прямом смысле этого слова, на острие главного удара, проявляя чудеса героизма и отваги. Командир полка подполковник В.И. Мусатов по завершению Берлинской операции был удостоен звания Героя Советского Союза.

В рядах этого прославленного полка командиру мотоциклетного взвода Салиху Джамбекову суждено было пройти не один победный бой и завершить войну в Берлине.

Это доподлинно подтверждает выписка из Наградного листа на младшего лейтенанта Джамбекова С.Г.

«Действуя в районе Бухольца умело и решительно со своим взводом после артиллерийской подготовки, первым ворвался в населенный пункт Бухольц, быстро и умело очистил улицы и дома от гитлеровских автоматчиков и удержал населенный пункт до подхода батальона.

30 апреля и 1-2 мая 1945 года, действуя взводом на улицах Берлина, не смотря на сильное сопротивление противника, тов. Джамбеков умело и решительно вел свой взвод вперед, очищая квартал за кварталом, выполнив поставленную перед ним задачу.

В результате боя взводом было уничтожено 60 гитлеровцев. Лично младший лейтенант Джамбеков уничтожил 13 гитлеровцев.

Младший лейтенант Джамбеков достоин правительственной награды – ордена Красной Звезды».

Военный Совет Армии своим заключением рекомендовал наградить Джамбекова орденом Отечественной войны 2-й степени. На этом основании приказ о награждении младшего лейтенанта Джамбекова указанным орденом подписал командующий Первой Гвардейской танковой армии генерал-полковник Катуков.

Так воинские заслуги командира взвода Джамбекова были оценены более высокой наградой. Кроме этого ордена Отечественной войны 2-й степени, он был также удостоен медалей «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией» и отмечен четырьмя Благодарностями Верховного

Главнокомандующего И.В. Сталина. Одна из них за бои в Берлине: «За отличные боевые действия в уличных боях по очищению от издыхающей фашистской гадины ее логова – Берлина».

Будучи офицером-командиром, Джамбеков в душе оставался учителем-воспитателем, что подтверждает приведенная выше характеристика.

После победоносного завершения войны Салиха Габидовича, как человека одной из самых мирных профессий, неумолимо тянуло домой. Ему хотелось вновь заняться любимым делом в родном ауле, в родной школе.

Но у командования на этот счет было особое мнение. Вот выписка из аттестации на Джамбекова С.Г.

«Должности соответствует. Оставить в кадрах. Необходимо послать на курсы «Выстрел». Командующий 1-й гвардейской танковой армией генерал-полковник танковых войск Катуков; Член Военного совета гвардии генерал-лейтенант танковых войск Попель».

Такая рекомендация в аттестации боевого офицера говорила о том, что Армия страны и в мирных условиях нуждалась в опытных, прошедших горнило военных пожаров кадрах, способных воспитывать достойную себе смену.

Понимая все это, Джамбеков не мог расстаться с мыслью о демобилизации. Ведь дома Салиха ждали мать, жена и четверо малолетних дочерей.

Письма с родины постоянно напоминали ему, что семья его нуждается в мужской помощи, без которой послевоенную разруху и нищету одолеть невозможно.

Все ходатайства младшего лейтенанта перед начальством были тщетны. И лишь в конце января 1946 года было принято положительное решение В служебной характеристике на командира взвода 6-го отдельного гвардейского мотоциклетного полка Джамбекова С. Г. отмечено, что с работой он справляется, систематически повышает свой воинский и политический уровень, пользуется авторитетом среди подчиненных и офицеров. Также было сказано, что желания остаться пожизненно офицером в рядах РКК не имеет. И далее следовал вывод: «В связи с тяжелым ранением, слабым состоянием здоровья и по возрасту (1909 года рождения), а также,

учитывая его гражданскую специальность учителя, целесообразно уволить в запас».

Так военное командование пошло навстречу фронтовику, дав ему возможность проявить доблесть в мирной жизни.

Радость встречи с родными оказалась омраченной невосполнимой бедой. За годы войны, после гибели на фронте среднего сына Шамсудина, мать Салиха буквально выплакала глаза. Она ослепла, и увидеть Салиха при встрече не могла. Она только обнимала, ощупывая родное лицо, и слушала его голос.

Трудовая деятельность Джамбекова не ограничилась педагогической, его назначили директором школы. А вскоре он возглавлял районный отдел образования.

Организаторские способности бывшего военного командира, его политическая зрелость и целеустремленность были отмечены на уровне областного руководства. Очередное назначение Салиха Габидовича, это Председатель укрупненного Хабезского сельского Совета. В него входили такие аулы, как Хабез, Али Бердуковский и Жако.

На этом поприще Джамбеков проявил свой недюжинный талант, как ответственный и дальновидный хозяйственник. Именно эти качества были необходимы для руководителя такого ранга, чтобы успешно и в короткие сроки восстановить порушенные колхозы и совхозы, привести к нормальной деятельности школьные и дошкольные учреждения. «На фронте было гораздо труднее, — вдохновлял он своих земляков. — Если мы сумели победить фашизм, то мирную жизнь наладить тем более сумеем!»

Ратные подвиги, конечно же, несравнимы с трудовыми. Но в них есть что-то общее. Это когда нельзя отступить назад, ежедневно стремиться к намеченной цели и покорять новые рубежи. Сменив военный китель на гражданскую форму, Салих Габидович все равно оставался солдатом. Он по-прежнему требовал от подчиненных четкого исполнения своих деловых распоряжений, был внимателен и заботлив к людям. Благодаря его стараниям жизнь земляков намного изменилась к лучшему.

Трудовая доблесть Джамбекова С.Г. была отмечена медалью «За трудовое отличие», Почетной грамотой Верховного Совета РСФСР и званием «Почетный труженик Хабезского района». Все эти дорогие документы и награды сегодня хранятся в семье Джам-

бековых, как самая ценная реликвия и память, о незабвенном Салихе Габидовиче, которого уже нет среди нас.

А еще хранится фотография группы бойцов, его однополчан. Этот снимок сделан весной 1945 года. На обратной стороне надпись: «Лучший мотоциклетный взвод батальона гвардии младшего лейтенанта Джамбекова». «На долгую и добрую память лучшему боевому другу Салиху Габидовичу Джамбекову от лейтенанта Тарасова В». «В память о жарких боях за Берлин. На долгую и добрую память другу Саше Джамбекову от друга Степана Кувшинова».

Так повелось издавна в народе, и тут ничего не поделаешь, число «13» у многих вызывает чувство настороженности, мол, лучше без него, на душе спокойнее будет...

А если спросить жителя аула Хумара, рабочего Карачаевского инструментального завода Курмана-Алия Якубовича Дзамихова, то он ответит: «Моя любимая цифра!»

И все потому, что его боевая молодость прошла под прославленными знаменами воинской части, порядковый номер которой «13» – 13-я гвардейская стрелковая. Да, да, та самая знаменитая, что под командованием А.И. Родимцева, дважды Героя Советского Союза, генерала армии, в тяжелый момент обороны Сталинграда форсировала Волгу и сходу атаковала наступающих гитлеровцев на своем участке, заставила их остановиться, а потом и отступить.

Туда наш земляк был направлен в начале 1943 года в качестве командира расчета 120-миллиметрового миномета. Прибыл в дивизию не новичком. Свое боевое крещение получил в жарких боях под Москвой. Будучи помощником командира стрелкового взвода, он не раз поднимал бойцов в атаку, ходил в разведку за вражеским «языком». Только в одной из схваток он со своими бойцами уничтожил до двух десятков фашистов. Как отличившегося в боях, его направили в Уфимское военное училище на минометное отделение, однако окончить его не удалось. И после двух месяцев учебы, в связи с усложнившейся военной обстановкой на фронте, курсанты пополнили формировавшуюся 293-ю стрелковую дивизию, выступившую на защиту Сталинграда.

И вот очередной бой. В жестокой схватке с врагом помощник командира взвода К-А. Я. Дзамихов был тяжело ранен и три месяца находился в госпитале. А после – 13-я гвардейская стрелковая дивизия.

Так уж сложилась фронтовая судьба К-А. Я. Дзамихова, что он стал непосредственным участником самых тяжелейших сражений, явившихся переломными моментами в Великой Отечественной войне. Это – битва под Москвой, героическая оборона Сталинграда, разгром немецких войск на Курской дуге. Эти события для него незабываемы. Они в его сердце до тех пор, пока оно бьет-

ся, так же, как память о тех фронтовых друзьях, которые шли рядом с ним в бой. Многие полегли, заслонив собой сегодняшний светлый день. Но Курман-Али знает, как сказал поэт, друг не умирает, «он просто рядом быть перестает».

Особо памятли Курман-Алию Якубовичу события на Курской дуге, бои за освобождение Белгорода. С ними связаны важные моменты его личной биографии.

...11 июля 1943 года противник активизировал свои действия на Прохоровском направлении. В 12 часов 30 минут в бой с крупной танковой группировкой противника вступили танковые и стрелковые соединения 5-й гвардейской танковой и 5-й гвардейской армий. В 8 часов 12 июля после двенадцатиминутной артиллерийской и авиационной подготовки 13-я гвардейская стрелковая дивизия перешла в наступление.

... С наступлением темноты бой затих. Полки 13-й гвардейской в течение этого дня отразили 8 контратак противника, подбив при этом 20 танков и уничтожив до 1600 солдат и офицеров. На левом фланге 42-го гвардейского стрелкового полка разгорелся бой с 20 танками. Потеряв 10 танков и оставив на поле боя до 500 трупов, гитлеровцы опять откатились назад. 13-я гвардейская стрелковая дивизия не только отстояла важный в тактическом отношении узел дорог на Курско-Белгородском шоссе, но и нанесла противнику тяжелый урон.

Непосредственный участник этих боев К-А.Я. Дзамихов вспоминает:

- Ломая сопротивление врага, мы приближались к Белгороду. Гитлеровцы сопротивлялись с упорством обреченных. Но всей своей мощью наши солдаты навалились на противника, и не было в мире той силы, которая могла бы сломить наш наступательный порыв. Вы спросите: «Почему?» Ответу: «Мы свою родную землю, свой родной многонациональный народ освобождали, мы знали, что несем освобождение народам мира от фашистской чумы». Мы, минометчики, сделали все, чтобы сдержать натиск врага, ослабить его силы и затем погнать его с нашей земли. В день до 15 контратак противника приходилось отражать, а огневую позицию меняли до десяти раз. Стволы минометов настолько накалялись от непрерывной стрельбы, что к ним невозможно было дотронуться. Чтобы перенести на новую позицию, обматывали шинелями».

Курман-Али Якубович рассказывает и о той оголтелой пропаганде, которую вели немцы на Курской дуге.

- На наши позиции, — вспоминает он, — постоянно сыпались листовки, примерно такого содержания: «Русские, сдавайтесь, зря не губите себя. У нас сейчас такая новая боевая техника, что вам не устоять. Кто сдастся без боя и перейдет на нашу сторону, после боя получит дом, два гектара земли, две коровы. Пропуском для прохода к нам может служить эта листовка». Наши солдаты брезговали ее даже в руки брать, не то, чтобы читать. А если кто и читал, то делал к тексту по-солдатски емкие добавления.

5 августа 1943 года войска Степного фронта при активном содействии 5-й гвардейской армии, в составе которой находилась и 13-я гвардейская дивизия, освободили Белгород. В тот же день был освобожден и город Орел. В честь подвига советских войск, изгнавших противника из этих городов, в столице нашей Родины впервые в Великой Отечественной войне прозвучал победный салют. Этот самый салют адресован был и нашему земляку-гвардейцу Курман-Алию Якубовичу Дзамихову и его боевым братьям.

В период тяжелейших кровопролитных боев по ликвидации Белгородской группировки противника Курман-Али Дзамихов навсегда связал свою судьбу с коммунистической партией — вступил кандидатом в ее ряды. В ту пору ему шел 21 год. Белгород для нашего земляка дорог и тем, что свою первую фронтовую награду он получил здесь. Вот строки из его боевой характеристики: «...в боях на Курско-Белгородской дуге, являясь командиром минометного расчета, тов. Дзамихов отразил более 15 контратак противника, где уничтожил своим расчетом до двух рот немецких солдат и офицеров, за что был награжден правительственной наградой — медалью «За отвагу». На огненной дуге были сделаны в его личном счете первые записи благодарностей Верховного Главнокомандующего, общий счет которых — 19.

В ходе последующих после Курской дуги многочисленных боев, в которых участвовал наш земляк, за проявленное мужество он был награжден еще двумя орденами Красной Звезды и многими медалями.

Бережно хранит Курман-Али Якубович фотографию своего командира полка, Героя Советского Союза Ивана Кузьмича По-

ловца, которую он подарил ему 9 мая 1978 года со следующей надписью: «Боевому другу-однополчанину Дзамихову Курман-Алию Якубовичу! Дарю в знак уважения, как боевому, отважному защитнику нашей Родины в Великой Отечественной войне в составе 42-го Висленского Гвардейского Краснознаменного стрелкового полка. Пусть будет память сыновьям и внукам о нашей фронтовой дружбе».

Свято дорожит К-А. Дзамихов фронтовой дружбой, фронтовым братством. Более чем с двадцатью однополчанами поддерживает переписку. Всегда бывает на встречах ветеранов дивизии и полка. У него в гостях в Хумаре побывали Герой Советского Союза, бывший командир минометной роты Григорий Иванович Брик из Черкасской области, бывший офицер штаба полка В.А. Календа из Днепропетровска. В каждый приезд ветераны встречаются с педагогами и учащимися местной школы, с рабочими совхоза, рассказывают им о крепости фронтового братства представителей всех народов нашей страны, мужественно отстоявших свою Родину от ненавистного врага.

Ушел из жизни герой нашего очерка, но память о нем жива. Его имя занесено в Книгу Славы города Черкесска, где он проживал в последние годы.

«По путям-дорогам фронтовым...»

Эти слова из песни времен Великой Отечественной войны выведены в заглавие моего очерка не случайно. Я хочу поведать о судьбе фронтовика-шофера, который преодолел свой боевой путь от Черкесска до Германии за штурвалом автомашины.

Михаил Александрович Марцинович – тракторист Кардоникской машинно-тракторной станции Зеленчукского района был призван в Красную Армию в январе 1942 года. И попал он в 12-й автомобильный полк, базировавшийся рядом с г. Черкесском, где в послевоенные годы долгое время находился пионерский лагерь «Дружба».

Далее Миша Марцинович в составе 393 отдельного истребительного противотанкового дивизиона 320-й стрелковой дивизии гнал фашистов от Моздока через Пятигорск, Минеральные Воды, Армавир, Кропоткин, Таганрог и Донбасс.

В начале лета 1943 года в судьбе боевого водителя произошло совершенно необыкновенное событие. М.А. Марциновича с его 24-м автобатальоном направили на Ставрополье с боевым заданием: оказать содействие колхозникам в доставке зерна с полей на элеваторы. Это была первая послеоккупационная страда.

Водители-фронтовики бывало сутками не выпускали из рук баранки своих автомашин. Они исколесили дороги Петровского, Изобильненского, Ипатовского и других районов Ставрополя и с поставленной задачей справились успешно. Благодарные крестьяне со слезами на глазах провожали солдат и каждому вручали «на дорожку» мешочек с продуктами.

Вновь на фронте М.А. Марцинович оказался, когда шла подготовка к Крымской наступательной операции. Он принял в ней участие в составе 665-го истребительно-противотанкового артиллерийского полка и за героизм, проявленный при форсировании Сиваша, был награжден орденом Красной Звезды, а также своей первой Благодарностью Верховного Главнокомандующего. Всего за период войны Михаил Александрович был отмечен девятью такими благодарностями. Помимо первой, они были получены за взятие Симферополя, за ликвидацию группировки немцев на мысе Херсонес, за взятие ряда польских и немецких городов.

Готовясь к данному очерку, я не раз встречался с Михаилом Александровичем и подолгу слушал его рассказы. Вот один из них, записанный мной с его слов.

- Это произошло в Польше, когда немцы, отступая по направлению Восточной Пруссии, закрепились у реки Нарев. Перед командованием нашего 665-го артполка была поставлена задача: расширить плацдарм на берегу реки и выбить оттуда противника, перекрыть магистраль его дальнейшего отступления.

Помню, как сегодня, – вспоминал ветеран Марцинович, – это было 5 октября 44-го года. В полдень, после 2-х часовой артподготовки наши войска пошли в наступление. Командир полка дал приказ 4-й батарее направить одну боевую машину с орудием в район села Напюрки, где немцы задумали танковый прорыв, чтобы войти в наш тыл.

Выполнение этого задания выпало на наш расчет, который возглавил молодой лейтенант, лет двадцати с небольшим, эстонец по фамилии Паак.

Мы выдвинулись в ельник, и я предложил замаскировать орудие и автомашину еловыми ветками, и таким образом незаметно пробраться к намеченной позиции. Лейтенант согласился, и мы добрались до указанного села. Подоженное фашистами, оно было охвачено пламенем пожара.

Свое орудие мы установили за высоким забором выгоревшего подворья, а я, отогнав машину в укрытие, занял место подносчика снарядов. Вскоре появились первые танки, их было два.

- Ребята, бить прямой наводкой по гусеницам, – приказал лейтенант. Первый танк после нашего выстрела завалился набок, а вот второй, тоже удачно подбитый нами, стал, как вкопанный, и открыл по нам огонь. После первого залпа немцев погиб лейтенант Паак, второй снаряд разнес нашу пушку, накрыв весь боевой расчет. А вскоре загорелась и моя машина. Эти человеческие жертвы и потеря техники оказались ценой выполнения боевого задания. Танковый прорыв врага был остановлен.

Мне, единственному, оставшемуся в живых, вручили орден Отечественной войны 2-ой степени. Но я понимал, что эту награду заслужил весь наш артиллерийский расчет...»

За годы войны многое пережил Михаил Александрович Марцинович и многое помнил. Но не очерствело сердце солдата, он всегда чужую боль воспринимал как собственную.

В августе 1946 года, когда настал срок демобилизации, к нему подошел 14-летний Витя Дмитриев – сын полка. Этот мальчик, чуваш по национальности, во время войны лишился родителей и, оказавшись круглой сиротой, прибил к артиллеристам. К нему у Михаила Марциновича было особое, отеческое отношение. И поэтому расстаться им было непросто.

– Ну вот, и вы, дядя Миша, домой уезжаете, – заговорил Витя, едва сдерживая слезы. Михаил Александрович не нашелся, что ответить мальчику. Он только обнял его.

А на утро Марцинович постучался в кабинет командира полка и вошел.

– Разрешите обратиться, товарищ полковник.

– Разрешаю, солдат, – произнес командир, но, взглянув на вошедшего, улыбнулся, – то есть уже бывший солдат Марцинович. Неужели решил остаться в армии?

– Нет, товарищ полковник. Решил ехать домой и забрать с собой Виктора.

– Но ведь ты и не женат. Не слишком ли велика будет нагрузка на мать? Ухаживать за двумя мужиками – дело не простое.

– Да мы сами ей помогать будем. В станице нашей есть школа фабрично-заводского образования. Я туда Виктора устрою, чтобы специальность получил.

Так, в сентябре 1946 года Михаил Александрович приехал в Зеленчукскую вместе с Виктором, где и определил парня на учебу в школу фабрично-заводского обучения (ФЗО). Обретя специальность, тот решил уехать в родные края в Чувашию, но и после этого связь между ними не прерывалась.

Сам Михаил Александрович остался верен своей военной специальности водителя. С 1946 по 1955 годы Марцинович работал водителем в геологоразведке. Затем он перешел на Зеленчукскую мебельную фабрику, а в 1981 году, оформив документы на пенсию, М.А. Марцинович еще долгое время работал на этом предприятии в качестве водителя пожарной машины. За свои трудовые успехи он был награжден орденом Трудового Красного Знамени, медалями «За доблестный труд» и «Ветеран труда», а

также несколькими знаками «Победитель социалистического соревнования».

Сегодня многие бывшие ученики школ Зеленчукского района вспоминают интересные встречи с ветераном войны и труда Михаилом Александровичем Марциновичем. В их памяти надолго останутся его рассказы о своей жизни, об однополчаных. Один из многих мне хочется привести в этом очерке.

Как-то в перерыве между боями Михаил, пристроившись к срезу дерева, писал письмо матери. И уже подписывая солдатский треугольник, он услышал за спиной голос, повторявший каждое написанное им слово: «Зеленчукский район», «станция Зеленчукская», «улица Зеленчукская, дом № 6». И далее голос добавляет: «Получить Зеленчукской».

Боец обернулся и, увидев комбата Костюка Макара Макаровича, улыбнулся. – Нет, товарищ старший лейтенант, получить Покровской Любови Порфирьевне. Это моя мама. – Костюк хлопнул по плечу Михаила и сказал, что адрес он запомнил и после войны наведается в гости.

Это письмо мама Михаила сохранила. Вот выдержка из него: «20.X.44 г. Польша. Здравствуй, дорогая мама! Живу я в лесу со своими боевыми товарищами. Проклятый немец чувствует свой конец, так что перед смертью думает настреляться, все время лается из дальнбойной артиллерии, а близко подойти боится».

И вышло так, что комбат не обманул, но только память его все же немного подвела. Через 36 лет Макар Макарович оказался на излечении в Пятигорске и решил связаться со своим солдатом с Кавказа. Он написал письмо... в Геленжикский район, в станицу Геленжикскую, и, естественно, ответа из этого не существующего адреса не получил. На счастье Костюка его соседом по комнате оказался сотрудник милиции – ставропольчанин. Он раздобыл карту Ставропольского края и они вместе обнаружили искомый район в Карачаево-Черкесии.

Вскоре однополчане встретились. Какие чувства испытали бывшие командир и солдат описать невозможно. Это была встреча горячих объятий, скупых мужских слез и долгих воспоминаний. А главное, это было продолжение фронтовой дружбы двух воинов Великой Отечественной войны, суровые дороги которой они преодолели вместе.

В то время, когда я готовил к изданию этот сборник очерков, мир праздновал 60-й юбилей Великой Победы. И мне кажется, вполне уместным завершить рассказ о ветеране войны Михаиле Александровиче Марциновиче его же словами из письма, посланного им матери: «Май, 1945 год. Здравствуй, мама! Поздравляю тебя с Днем Победы! Наконец-то мы добыли в жестоких боях победу, а Вы ее дождались... Твой сын Михаил».

Так солдат выполнил свой священный долг – он подарил мирную жизнь. А нам остается помнить и чтить имена своих славных земляков.

Судьба братьев Шараховых

В один из дней весеннего цветения встретил я в городском сквере моего давнего знакомого Туркби Маховича Шарахова. Разговорились. И я вдруг вспомнил, что, просматривая недавно подшивку газеты «Красная Черкесия» за март 1945 года, увидел в одном из ее номеров корреспонденцию, подписанную А. Шараховым.

- Не ваш ли это родственник? – поинтересовался я у Туркби Маховича.

- Это мой младший брат Али, – дрогнувшим голосом ответил ветеран. – Его молодую жизнь унесла война...

Али и Гузер.

Прошло время, и я получил выписку из личного дела Али Шарахова, которую привезла из Центрального архива Советской Армии руководитель регионального сводного поискового отряда «Подвиг» Зоя Давлетовна Псху. В документе было указано, что уроженец аула Абазакт командир взвода связи лейтенант Али Шарахов воевал с 1 сентября 1941 года по 7 мая 1945 года. Не раз был ранен, а последнее ранение, случившееся за два дня до Победы, оказалось смертельным. Умер офицер 9 мая в 23-летнем возрасте и похоронен с воинскими почестями в Литве...

Туркби Махович рассказал, что на фронтах Великой Отечественной сражались все четверо братьев Шараховых. Брат Гузер погиб в 1941 году под Киевом, но, к сожалению, никаких подробностей о его короткой судьбе выяснить не удалось... О Гузере и Али упомянуто в республиканской Книге Памяти... Уцелели в боях и дожили до Победы старший брат Ильяс и Туркби.

Ильяс.

Ильяс Махович всю войну прошел в составе саперных частей – минировал и разминировал, готовил переправы, ходил в разведку, участвовал в бесконечных боях с врагом. Он защищал Воронеж, оборонял Курск, был ранен, вернулся в строй и в Венгрии встретил Победу. После этого часть Ильяса отправили на Дальний Восток, где воин сражался против милитаристской Японии. Кавалер орденов Отечественной войны и Красной Звезды, медалей «За отвагу», «За освобождение Варшавы», «За победу над Германией», «За победу над Японией». Ильяс Махович вернулся домой в 1946

году и сразу включился в работу по восстановлению разрушенного колхоза. В скором времени его молочнотоварная ферма стала лучшей в Хабезском районе, а имя доярки С. Башоковой, удостоенной ордена Ленина и других правительственных наград, знала вся область... К сожалению, Ильяс прожил всего шестьдесят лет – сказались фронтовые раны...

Туркби.

Туркби Шарахов военную службу начал в 1940 году в батальоне аэродромного обслуживания 31-й дивизии 2-й Краснознаменной Дальневосточной армии. В июле 1942 года дивизию перебросили на запад, и Туркби направили в школу младших командиров-связистов, по окончании которой наш земляк в составе отдельного батальона связи 42-го стрелкового корпуса 48-й армии вступил в битву с фашистами. Он достойно проявил себя на фронте, делая все возможное и порой невозможное, чтобы обеспечить бесперебойную связь командования с подразделениями. Например, в Белоруссии приходилось стоять, увязая едва ли не по горло в болотной жиже, но крепко держа в руках телефонный провод, причем под обстрелом противника. Туркби Махович часто вспоминает, как во время проведения операции «Багратион» по освобождению Белоруссии ему дважды посчастливилось увидеть на пункте связи 48-й армии легендарного маршала Г. Жукова, который по телефону докладывал в Ставку о положении дел на фронте. Не стерлись в памяти ветерана и жестокие сражения в Восточной Пруссии, когда его рота в условиях окружения девять суток отражала яростные атаки фашистов и выскользнула-таки из вражеского кольца... День Победы он встретил примерно в тех же местах, где погиб его младший брат Али...

Послевоенную жизнь Туркби Махович посвятил партийной работе. В должности зав. отделом административных, торговых, финансовых органов обкома партии он трудился два десятилетия, затем несколько лет возглавлял отдел социального обеспечения облсовета народных депутатов, откуда и ушел на заслуженный отдых.

Три года назад кавалеру орденов Красной Звезды и «Знак Почета», медалей «За боевые заслуги», «За доблестный труд», других высоких наград Туркби Шарахову исполнилось 80 лет, но по скромности своей солдат не сделал ничего, чтобы торжественно

отметить юбилей. Таковы все братья Шараховы, главное жизненное правило которых – быть патриотом, гражданином, защитником, человеком.

Прилагаю текст письма Али Шарахова, о котором упоминал выше. Оно было опубликовано в газете «Красная Черкесия» 17 марта 1945 года.

Подвиг комсомольца Соболевского.

В этот день немцы проявляли особую активность. На наши позиции они обрушивали сильный артиллерийский и минометный огонь. Часто рвалась телефонная связь с командиром роты. И тогда связист комсомолец Соболевский спешил на линию. Он быстро проверял провод и устранял повреждение. Связь продолжала действовать безотказно.

Вскоре немцы, произведя короткий огневой налет, контратаковали наших пехотинцев. Новым разрывом вражеского снаряда линия связи снова была повреждена в нескольких местах. Туда устремился отважный связист Соболевский. Когда оставалось устранить последнее повреждение, вблизи Соболевского разорвался вражеский снаряд. Отважный связист упал тяжело раненый осколком. Кровь обагрила холодную землю. Силы покидали молодого бойца. Однако он продолжал устранять повреждение. Связь снова ожила.

Соболевский с операции не возвратился. Он погиб, до конца выполнив свой воинский долг.

В кармане молодого связиста мы нашли комсомольский билет, насквозь пробитый осколком и залитый кровью. В блокноте лежала написанная карандашом записка. В ней была выражена посмертная воля бойца:

«Сам я из Черкесской области. Немецкие изверги расстреляли двух моих братьев. Уходя в армию, я сказал отцу: «За смерть моих братьев я отомщу злодеям!» И если я погибну, то прошу моих товарищей бить фашистских гадов так, как бьют их комсомольцы – герои Отечественной войны».

Прочитав посмертную волю комсомольца тов. Соболевского, связист тов. Гордеев сказал:

- Воины! Это к нам обращается комсомолец Соболевский. Не щадя своей жизни, он свято выполнил свой долг перед Роди-

ной. Не пощадим же и мы своих жизней для того, чтобы выполнить волю нашего друга.

Наше подразделение с новой силой бьет фашистских мерзавцев на их территории. Мы мстим и отомстим за нашего славного связиста тов. Соболевского.

Лейтенант А. Шарахов

Полевая почта 39485 «Ж»

К большому сожалению, и автор письма погиб, не дожив до Дня Победы считанные дни, и похоронен в этот знаменательный день, когда весь Советский народ и его славная армия ликовали в честь долгожданного события — окончания разгрома армии фашистской Германии.

Ценою жизни

В областной газете «Ленинское знамя» за 24 мая 1979 года был опубликован очерк А. Зинченко «Побратимы». Автор этого очерка гвардии капитан запаса, сотрудник Чугуевского историко-краеведческого музея Харьковской области рассказывал о подвигах наших земляков, сражавшихся с немецко-фашистскими захватчиками в составе 61-го стрелкового полка 45-й стрелковой дивизии.

В очерке упоминалось имя полкового разведчика Магомета Чачева. Он участвовал во многих дерзких операциях, не раз доставляя в штаб «языков» документы особой важности. «Из архивов я установил, что Магомет Якубович Чачев — из Хабезского района, — заканчивал свой очерк А. Зинченко. — Может быть, жив отважный воин? Или, может быть, откликнется кто-либо из его родственников?»

Фамилия героя очерка мне показалась знакомой. Я вспомнил, что в моем родном ауле Инжиц-Чукун проживает Фаризат Нартовна Чачева. Заглянул к ней. Оказалось, что она является вдовой бойца.

Я встретился с ней, и она много рассказала мне о своем муже. Упомянула, что извещение о его гибели получила в 1943 году — сразу же после освобождения Карачаево-Черкесии от немецко-фашистских оккупантов. К сожалению, ни сама «похоронка», ни другие документы тех лет не сохранились.

Я обратился к одному из старожиллов аула, председателю Эльбурганского сельского Совета Г. Чукову. Тот посоветовал начать поиски в Хабезском райсобесе. Там удалось обнаружить «похоронку», адресованную Ф.Н. Чачевой. «Ваш муж, Чачев Магомет Якубович, — сообщалось в ней, — в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, погиб 5 ноября 1942 года. Похоронен на южной окраине города Воронежа».

В тот же вечер было отправлено письмо в Воронежский облвоенкомат с просьбой точно сообщить место захоронения нашего земляка. Но все оказалось не так-то просто. Ответ был неутешительным: «По имеющимся в облвоенкомате данным, Чачев Маго-

мет Якубович в списках захороненных по Воронежской области не значится».

И все же письмо из Воронежа сослужило добрую службу. К нему прилагалась карточка установленного образца, которую нужно было заполнить в местном военкомате и послать в Воронеж. И вскоре я получил еще одно письмо, теперь уже за подписью военкома Ленинского района города Воронежа полковника Лобачева. Он сообщил о том, что Магомет Чкубович Чачев погиб 5 ноября 1942 года на южной окраине г. Воронежа на Чижовском плацдарме и захоронен в братской могиле. «Эта могила, — писал военком, — расположена на улице 20-летия Октября. К 30-летию Победы здесь установлен памятник-мемориал погибшим воинам. Недалеко от мемориала на каменной стене установлены специальные доски с наименованием частей и соединений, принимавших участие в боях за г. Воронеж». И в заключение тов. Лобачев сообщил о том, что имя Чачева занесено в Книгу вечной памяти.

Удалось узнать и о том, как погиб наш земляк. Об этом рассказал в своей книге «В боях за Воронеж» житель этого города, историк по специальности, А. Гринько: «В центр ударной группировки 40-й армии, созданной для наступления на Чижовку, командарм поставил одно из самых боеспособных соединений — 100-ю стрелковую дивизию... Чижовский плацдарм медленно, но неуклонно раздвигал свои границы. Однако это достигалось в ожесточенных схватках с фашистами, которые яростно обороняли каждый дом. Рукопашные схватки, стрельба в упор велась во дворах, в траншеях, опоясывающих здания, на чердаках и крышах, на каждом этаже, в подвалах, погребах и блиндажах...»

В состав этой стрелковой дивизии входил 460-й полк, в котором и воевал наш земляк М.Я. Чачев, более года сражавшийся на самых горячих участках фронта и отмеченный за боевой подвиг медалью «За отвагу». Во главе штурмовой группы 5 ноября 1942 года он совершил дерзкую ночную вылазку в тыл врага, чтобы уничтожить сильный узел сопротивления противника. Задача, поставленная перед бойцами, была успешно выполнена. Но в этой схватке Чачев погиб...

...Жители Воронежа свято чтут память воинов, отдавших жизнь за освобождение их родного города. У монументов и обели-

сков в любое время года лежат живые цветы. Лежат они и у братской могилы, где похоронен наш земляк Магомет Якубович Чачев.

Имя отважного солдата занесено в Книгах Памяти КЧР и Хабезского района, оно начертано и на памятнике в честь погибших земляков в школьном дворе родного аула Инжич-Чукун, материалы о его подвигах хранятся в музее боевой славы и с ними знакомятся поколения юных инжиччукуновцев.

Победители

В руках у меня письмо болгарской журналистки из города Софии Белы Пенчевой. Датировано оно 3 августа 1988 года.

«Уважаемый Рамазан Масхудович! — писала она. — Ваш адрес мне сообщил Иван Иванович Тюренков из Москвы в связи с подготовкой мною текста о 96-й танковой бригаде, как части будущей книги. Он мне послал тоже немало вырезок из газет и журналов, в них я встречала вашу фамилию, авторы говорили с восхищением о вас и вашем поведении на фронте».

«Пожалуйста, напишите больше о Щеглове, — просила она в следующем письме, — вижу, что вы его особенно любили и уважали. Где с ним встретились?.. Может, интересно будет рассказать о бое у Пузачи?..»

Все эти письма адресованы одному человеку — Р.М. Копсеренову — механику-водителю танка в роте, командиром которой был Андрей Щеглов, впоследствии ставший комбатом.

... После завершения окружения противника в районе Касторное в ходе известной в истории минувшей войны Воронежско — Касторненской операции, войска правого крыла Воронежского фронта в течение трех дней, с 29 января по 1 февраля 1943 года вели боевые действия по уничтожению главных сил группировки противника, оказавшихся юго-восточнее Касторного.

Фронт окружения, однако, не был сплошным.

Ликвидация окруженных дивизий проходила в сложной обстановке. Попавшие в «котлы» части противника искали выход, пытаясь нащупать слабое место в кольце окружения. Особенно яростные бои завязались на дорогах, по которым вражеские части отходили на запад. 9 февраля командир 96-й танковой бригады имени Челябинского комсомола генерал-майор В.Г. Лебедев получил от своей разведки донесение, что в сторону Мантурово движется большая группа противника численностью до 13 тысяч человек. Он приказал атаковать ее. Танки с автоматчиками на броне неожиданно врзались в колонну, состоящую из 150 машин и 30 самоходных орудий, уничтожили 1500 солдат и офицеров, захватили до 2500 пленных. Затем часть танкистов оседлала развилку дороги у деревни Пузачи, отрезав путь отхода на Мантурово.

Ночью противник подошел к окраине деревни. Силы его во много раз превосходили силы танкистов. Всю ночь и весь следующий день гитлеровцы упорно старались прорваться, но все их попытки терпели неудачу. Танкисты дрались героически.

Эту предисторию привожу несколько пространно, чтобы по заслугам оценить героический подвиг тех, кому посвящен очерк.

С группой автоматчиков действовал танк старшего лейтенанта А.Ф. Щеглова. Подобно кочующему орудию танк появлялся там, где грозила опасность прорыва.

К вечеру от защитников деревни Пузачи уцелела небольшая группа — 32 человека. Они заняли круговую оборону и решили сражаться до последнего патрона, но путь отхода гитлеровцам не открывать. Тридцать контратак пришлось выдержать за двое суток боев у пузачинской развилки. Поняв, что им противостоит лишь горстка людей, гитлеровцы еще с большим ожесточением шли в наступление. Их расстреливали в упор пулеметчики, автоматчики, пушкари, единственный уцелевший танк Щеглова давил фашистов гусеницами.

Вот что рассказывает о героическом десанте в очерке «На броне — десант» И. Тюренков: «Пока не подбило ленивец и не сорвало гусеницу, щегловский танк с десантниками на броне появлялся на самых напряженных участках, и враги откатывались. Когда двигаться стало невозможно, Рамазан открыл нижний люк, и за ним вылез весь экипаж. Под огнем принялись восстанавливать ходовую часть. А в это время, танкодесантники отстреливались. Экипаж выбросил разбитый трак, с трудом натянув гусеницу на покореженный ленивец. Едва успели — густые цепи врагов с пальбой и криками уже бежали на оборонявшихся. Все-таки приблизились на расстояние броска гранаты. И тут оказалось, что двигаться по прямой танк не может. Тогда находчивый Рамазан включил полный газ и «тридцатьчетверка» пошла по кругу, стреляя из обоих пулеметов... Немцы, пытавшиеся захватить храбрецов живыми, снова отхлынули».

Утром третьего дня боев к машине Щеглова, в которой уже не было ни одного снаряда, подошли на выручку пехотинцы из стрелковой дивизии.

За бои у деревни Пузачи капитан Щеглов отмечен орденом Ленина, а старшина Рамазан Копсереонов получил второй орден

Красной Звезды. Первым он был награжден в январе 1942 года на Волховском фронте за совершенный рейд в составе 4-х танков в тыл противника и разгром крупного узла сопротивления противника.

96-я танковая участвовала в битве на Курской дуге. В боях под Белгородом Иван Федорович Щеглов был ранен вторично и отправлен в госпиталь. Спустя некоторое время под Харьковом ранение получил и сам Рамазан. Оба оказались в одном госпитале в Пензе, не зная друг о друге ничего. Это станет им известно спустя 22 года – при праздновании 20-летия Победы.

Рамазан выписался раньше и сумел вернуться в свою родную танковую бригаду. Освобождал Украину, Молдавию, принял участие в освободительном походе за рубежом нашей страны. За изгнание немцев из болгарского города Шумен 96-й танковой бригаде было присвоено почетное наименование «Шуменская». Поэтому и заинтересовала болгарскую журналистку эта воинская часть.

После госпиталя военные дороги А.Ф. Щеглова легли в другом направлении, он освобождал Польшу, участвовал в штурме Берлина.

Множество писем, фотографий фронтовых друзей бережно хранит Рамазан Масхудович. Читая их, поражаешься тому, как любили его однополчане.

Пишет бывший заряжающий Иван Аверкиев: «Я все эти годы часто вспоминаю тебя у себя в семье, в беседах, когда меня приглашают на встречи.

Рассказы о бесстрашном механике-водителе, то есть о тебе, благодаря которому экипаж выжил и неплохо воевал, о твоей неунывающей натуре, слушают с особым интересом и волнением. А помнишь ли, как после очередного боя ты выскакивал из люка танка и со словами «Асса» выплясывал лезгинку? Твоя веселость и бодрость передавалась всем нам!»

Со своим письмом, адресованным А.Ф. Щеглову в Тулу, я опоздал. К этому времени его уже не стало. Письмо пришло от жены легендарного комбата Валентины Петровны.

«Лучшим другом и братом моего мужа, – писала она, – был Консергенов Рамазан. Он вынес его с поля боя тяжело раненного.

Из рассказов Андрея, их танк был неуязвим благодаря умелым, решительным действиям Рамазана».

Так молодой парень из аула Кубина, в 1940 году призванный на службу в армию, с 23 июня 1941 года в звании старшины и со специальностью механика-водителя оказался на фронте.

Имя кавалера ордена Отечественной войны 1 степени и двух орденов Красной Звезды Консергенова Рамазана Масхудовича занесено в Книгу Славы города Черкесска, где он жил в последние годы, а в родном ауле Кубина есть улица его имени.

Минер – профессия героическая

Когда Сахатби Малхозов в первый же день войны ушел добровольцем на фронт, за его плечами, кроме десятилетки в родном ауле Псыж, уже было Черкесское педагогическое училище. Наверное, его природное стремление к новым знаниям и в боевой обстановке привели Сахатби на спецкурсы. В течение трех месяцев Малхозов обучался минерному делу, а приобретя военную специальность сапера-минера, был назначен вначале младшим командиром, а затем помощником командира саперного взвода. Воевать Малхозову пришлось в 3-й воздушно-десантной бригаде Северо-Кавказского военного округа.

Многотрудные дороги войны Сахатби Азамат-Гериевич прошел с достоинством и честью.

В начале августа 1943 года 82-й гвардейский стрелковый полк готовился к наступлению. Командиру отделения саперного взвода гвардии сержанту Малхозову была поставлена боевая задача – обезвредить путь наступления.

О результатах выполненного задания можно судить по воинскому приказу 32-й гвардейской Краснознаменной стрелковой дивизии от 11 августа 1943 года.

«Гвардии сержант, командир отделения саперного взвода 82-го гвардейского стрелкового полка тов. Малхозов С.А. в Отечественной войне проявил себя смелым, решительным, отважным сапером.

4-5 августа 1943 года и 8 августа 1943 года перед наступлением наших войск тов. Малхозов с боевым заданием был послан для обезвреживания местности. Тов. Малхозов обезвредил до 50-ти противотанковых мин противника, до 35 сюрпризов натяжного действия и проделал 2 прохода по 20-30 метров шириной, вместе с этим снял до 50 противопехотных мин, чем обеспечил проход пехоты...»

За этот подвиг С.А. Малхозов был награжден орденом Красной Звезды. Приказ подписан командиром дивизии Героем Советского Союза полковником Василенко.

Очередную награду орден Славы 3-й степени Малхозов заслужил в боях на Керченском полуострове и за освобождение Крыма в мае 1944 года. Тогда командир отделения саперов лично

обезвредил 20 противотанковых мин и подготовил 3 прохода в проволочных заграждениях.

Благодаря исключительному мужеству своего командира, саперное подразделение Малхозова достойно преодолело все военные тяготы и дошло до границ Германии.

Приведу еще одну выписку из его наградного листа:

«...Тов. Малхозов, как старый и опытный сапер, в свободное время занимается обучением молодых бойцов практике обнаружения и обезвреживания противотанковых и противопехотных мин противника, и тем самым дает возможность большему числу личного состава беспрепятственно продвигаться в наступательных боях...»

Кроме того, 11 февраля 1945 года в районе высоты 161,8 тов. Малхозов, находясь в батальоне, сделал 4 прохода в проволочных заграждениях и одновременно обезвредил 19 противотанковых мин противника. Тем самым способствовал продвижению вперед стрелковых рот...

Достоин награждения орденом Отечественной войны 2-й степени.

Командир 82 гвардейского полка, гвардии подполковник Носаченко. 11.02.45 г.»

Это представление о награде, направленное по инстанции, достигло штаба командира корпуса. Генерал-майор Арушунян в своей резолюции отметил, что Малхозов достоин ордена Славы 2-й степени. Очевидно, командующий надеялся, что отважный сапер, геройски проявивший себя с первых дней войны, завершит ее, став полным кавалером орденов Славы всех трех степеней. Но война подходила к концу, и третий орден Славы Сахатби Азамат-Гериевич получить не успел.

С марта 1945 года Малхозов уже служил помощником командира саперного взвода 9-го отдельного стрелкового полка 3-го Белорусского фронта. А в апреле его, как заслуженного воина, кавалера трех боевых орденов, направляют на учебу в Буйское тяжелотанковое училище.

Среди новобранцев-курсантов Малхозов являл собой образец для подражания. Его военный опыт, обретенный в горниле жесточайших боев, помог Малхозову стать лучшим выпускником этого училища.

В апреле 1946 года лейтенант Малхозов был направлен в 76 танковый полк Дальневосточного фронта на должность командира тяжелого танка. Здесь он прослужил до конца 1946 года и был демобилизован.

По возвращении на родину фронтовик и коммунист обратил на себя внимание партийных органов и был привлечен на работу в качестве инструктора отдела Обкома КПСС. Вскоре С.А.-Г. Малхозов оканчивает Ставропольскую краевую партийную школу, а чуть позже заочно и Высшую партийную школу при ЦК КПСС.

В общей сложности Сахатби Азамат-Гериевич прослужил в партийных и советских органах более десяти лет. Продолжением его трудовой деятельности стала хозяйственная и профсоюзная работа.

Где бы не трудился Малхозов, он всегда проявлял себя, как добросовестный и принципиальный коммунист. В каждом коллективе, где ему приходилось работать, он оставил о себе самые добрые воспоминания.

В мирные дни своей жизни Сахатби Азамат-Гериевич не расставался со своим военным прошлым. Забыть те нелегкие, огненные годы ему не давало чувство долга перед погибшими однополчанами.

Вскоре после войны Малхозов получил письмо из Совета ветеранов дивизии, в которой служил. В нем было обращение ко всем живым с просьбой присылать свои воспоминания о погибших товарищах и боевых событиях. И он откликнулся. Вслед за этим стал получать письма от детей и родственников однополчан, павших в боях за нашу Отчизну.

Приведу отдельные выписки из этих писем. «Уважаемый Сахатби Азамат-Гериевич... Вашим сослуживцем по 82-му гвардейскому стрелковому полку в саперном взводе был Леденев Дмитрий Иванович... Леденев пропал без вести в октябре 1942 года под Туапсе. Мы, родственники очень хотели бы знать обстоятельства его «пропажи»... Малхозов ответил на это письмо и на другие такие, как это:

«Уважаемый Сахатби Азамат-Гериевич! По чистой случайности узнала от Вашего однополчанина Базоева Василия, что Вы бок о бок воевали с нашим земляком Хуадоновым Иссой Басиятовичем. Я буду очень признательна, если Вы пришлете мне о нем

свои воспоминания: сведения об окружении под станцией Куренской, о ранении Хуадонова, о его гибели...»

В своем ответе старшему сотруднику литературного отдела НИИ Осетии Тменовой Дзерассе Георгиевне Малхозов описал все подробности, связанные с майором И.Б. Хуадоновым.

В сентябре 1942 года он был назначен начальником штаба 82 гвардейского полка. В какой-то период боев в районе станицы Куренской полк попал в окружение. В этот момент, по воспоминаниям С.А.-Г. Малхозова, в расположении полка не оказалось ни командира полка, ни его заместителя. Решение прорваться с боем из окружения взял на себя Хуадонов.

По команде начальника штаба гвардии майора Хуадонова в 3 часа ночи начался штурм немецких позиций. По направлению станицы Куренской завязался бой. На некоторых участках происходили рукопашные схватки. Вдруг по цепи бойцов прошла весть о том, что майор Хуадонов убит. Но после выхода из окружения, его тело не было обнаружено среди погибших.

Гораздо позже Малхозов узнал, что Хуадонов скончался от полученных ран в том самом бою под Куренской. По воспоминаниям нашего земляка, Исса Хуадонов был человеком скромным и очень отзывчивым на все нужды своих подчиненных. Он всегда отличался принципиальным отношением к своим обязанностям. До боевых событий на Кавказе, Хуадонов в составе воздушно-десантного корпуса участвовал в боях под Киевом. Он был награжден орденом Красного Знамени, медалью За Отвагу и имел два тяжелых ранения.

Свое письмо во Владикавказ Сахатби Азамат-Гериевич завершил следующими словами: «Я считаю, что гвардии майор И.Б. Хуадонов заслуживает большого уважения и славы. Он с честью защищал свою Родину и отдал жизнь за нее. Память о нем в наших сердцах — однополчан сохранится навечно».

Подобных писем С.А.-Г. Малхозов отправил немало. Сам, прошедший многотрудными дорогами войны, он хорошо понимал чувства родных людей, желающих узнать о судьбах своих близких. И он, не считаясь со временем, до конца своих дней проявлял участие к своим адресатам, делясь воспоминаниями.

Много добрых дел осталось за плечами воина-патриота Сахатби Азамат-Гериевича Малхозова. Потому и чтят беззаветную

память о нем все те, кому довелось встречаться и трудиться с ним. Во многих трудовых коллективах до сих пор хранятся его фотографии на стендах, посвященных ветеранам войны и передовикам производства.

На мемориальном комплексе в его родном ауле Псыж, на стеле, где значатся имена земляков, вернувшихся с войны, есть и имя С.А.-Г. Малхозова. В музее боевой славы средней школы № 1 аула имеются о нем документальные материалы.

При жизни Малхозов часто встречался с молодежью, рассказывая им о своей боевой молодости, учил их великому чувству патриотизма. Путеводной звездой этого достойного человека была беспредельная любовь к Отечеству и бескорыстное служение народу.

Контрразведчик

Из истории Великой Отечественной войны известно, что задолго до вероломного нападения на Советский Союз фашистская Германия вела длительную и планомерную подготовку. Она, прежде всего, заключалась в широкомасштабной разведывательной, а затем и диверсионной деятельности. Противодействовать этому был призван особый отдел Наркомата внутренних дел СССР.

Уже в первые годы войны на советско-германском фронте действовали более 130 гитлеровских разведывательных, диверсионных и контрразведывательных подразделений, и свыше 60 спецшкол по подготовке агентуры. Подрывная работа этих спецслужб наносила определенный урон Советской Армии, способствуя лавинному наступлению оккупационных войск. И здесь нельзя сбрасывать со счетов тот фактор, что немалое содействие врагу оказывали их пособники из числа предателей, занимавшиеся шпионажем.

В этой закулисной войне на борьбу с врагами были призваны лучшие кадры вооруженных сил страны и спецорганов.

Одним из таких бойцов являлся наш земляк Варган Данилович Аванесов. Срочную службу в Армии он завершил в 1939 году, а через год молодой коммунист был зачислен в школу НКВД.

С сентября 1941 года оперуполномоченный особого отдела Комитета внутренних дел Аванесов уже был на фронте. Он участвовал в боях за Москву в составе Западного фронта, и за проявленное мужество был представлен к ордену Красной Звезды.

Вот выписка из наградного листа старшего лейтенанта Аванесова: «... работая оперуполномоченным, особого отдела 283-й стрелковой дивизии до начала наступательных операций... он проделал большую работу по подбору связистов. Разоблачил крупную немецкую разведчицу. Во время наступления ходил в полки, обеспечивая непосредственную связь». Интересно, что среди стоящих под этим документом подписей и заключений вышестоящих начальников нет резолюции представителя особого отдела НКВД. Зато есть подпись начальника отдела контрразведки Народного комиссариата обороны «Смерш» 31 армии. Пока наградной лист проходил по инстанциям, в войсках особые отделы НКВД были упразднены, и вместо них при Наркомате обороны

были созданы органы «Смерш», то есть «Смерть шпионам». Эти изменения произошли к 1944 году.

Долгие годы эта аббревиатура из пяти букв у несведущих граждан вызывала негативные чувства, так как деятельность этого отдела всегда оставалась тайной за семью печатями. И эта тайна впервые была открыта для широкой общественности в книге В. Богомолова «Момент истины». Автор показал нам суровую правду жизни смелых и отчаянных бойцов невидимого фронта.

О своей службе в контрразведке Вартан Данилович мог рассказать не менее интересно, чем написано в этой книге. Но слишком скромно наш земляк и скуп на слова: «Участвовал в обороне Москвы, освобождении Белоруссии, — рассказывает он, — Прибалтики, при взятии цитадели фашизма города Кенингсберга, в последствии переименованного в город Калининград. Награжден орденами Красной Звезды, Отечественной войны 2-й степени, медалями и удостоен Благодарностей Верховного Главнокомандующего.

В сентябре 1945 года 334-я Краснознаменная ордена Суворова стрелковая дивизия, в которой в это время служил старший оперуполномоченный контрразведки капитан В.Д. Аванесов, была передислоцирована на Северный Кавказ. Так Вартан Данилович в составе 112-го стрелкового полка оказался в городе Черкесске. Здесь он и нашел свою судьбу в лице красавицы фронтовички, бывшей разведчицы ПВО города Москвы Екатерины Ивановны Быстровой.

После увольнения в запас Аванесов работал в горторге на заводе холодильного машиностроения, а затем бессменно тридцать лет руководил службой снабжения на Черкесском химическом производственном объединении. За плодотворную и добросовестную работу Заслуженный ветеран труда Вартан Данилович Аванесов также был награжден медалью «За доблестный труд», знаками «Отличник химической промышленности СССР», «Ударник XI пятилетки», «Победитель соцсоревнования».

Уже будучи на заслуженном отдыхе, неутомимый ветеран труда и Великой Отечественной войны еще 6 лет проработал в отделе снабжения фирмы «Меркурий». А в годовщину юбилея Великой Победы 23 февраля 2005 года В.Д. Аванесов отметил свой 89 день рождения.

Этих двух уже пожилых людей свело вместе военное лихолетье, оно же и разлучило их на долгие сорок лет. А недавно в Ставрополе, где живет бывший начальник штаба 32-й гвардейской отдельной танковой бригады С.Г. Пузыревский, состоялась их встреча. В гости к нему из Карачаево-Черкесии приехал однопольчанин И.Г. Кумуков. О многом вспомнили тогда фронтовые побратимы. Ведь за их плечами Сталинградская битва от самого ее начала и до победного завершения, нелегкий солдатский путь.

— Тяжело приходилось на фронте офицерам связи, — рассказывает Пузыревский. — Наша танковая бригада во время Сталинградской битвы находилась в подчинении штаба фронта. И вот на своей бронемашине в снег и в стужу, в пургу и дождь, днем и ночью офицер связи всегда был в пути, постоянно подвергаясь опасности. От его оперативности, своевременности доставки приказов зависели во многом наши успехи в планировании и осуществлении боевых операций. Здесь наш «черкес», так именовали мы в шутку Кумукова, был на высоте!»

Эта характеристика бывшего начальника заслужена Исмаилом Гучилсовичем. Он прошел суровую школу фронтовой жизни. Выпускник Краснодарского пехотного училища, едва приняв стрелковый взвод, он уже 22 июня 1941 года повел солдат в бой. Шел ему в ту пору двадцатый год. В боевых операциях трижды был ранен, но каждый раз после госпиталя возвращался на фронт. А с июня 1942 года его судьба связана с 32-й отдельной танковой бригадой, где он сражался в качестве командира танково-десантной роты, а затем офицера связи штаба танковой бригады. И в каких бы трудных, казалось, безвыходных ситуациях он ни оказывался, никогда не терял присутствия духа, самообладания, веры в победу.

В боях за Донбасс С.Г. Пузыревский получил орден Отечественной войны 1-й степени, И.Г. Кумуков — орден Отечественной войны 2-й степени.

Однажды возвращались в расположение танковой бригады на легковой автомашине командир танковой бригады Ф.А. Гринкевич, начальник штаба С.Г. Пузыревский, офицер связи И.Г. Кумуков и с ними корреспондент одной из газет. По пути попали под

артиллерийский обстрел. Осколками разорвавшегося вблизи снаряда оказались ранеными все, кроме Сергея Григорьевича.

- Пока выбирался из машины, - вспоминает он сегодня, - комбриг как-то неуклюже наклонился набок. Бросился к нему, а он истекает кровью. Вытащил его из машины и понес на себе в сторону рва, находившегося вблизи. Думал, остальные идут следом за мной, оглянулся - никого нет.

- Я, - включается в разговор Исмаил Гучипсович, - слышу голос Сергея Григорьевича: «Кумуков, ты идешь?» - «Иду», отвечаю. Поднимаюсь, делаю попытку шагнуть, и ту же валюсь. Не пойму, что со мной».

Да, потом пришлось и Кумукова, и корреспондента, и водителя поочередно определить в укрытие и затем бежать в распоряжение своих. Повезло, что они были близко. Пригнали санитарную машину, и всех отправили в госпиталь.

- Меня же от гибели спас партийный билет, - продолжал Сергей Григорьевич. - Когда уже всех отправил в госпиталь и немного пришел в себя, на левом кармане гимнастерки заметил следы крови. Когда снял ее с себя, на пол упал окровавленный осколок. А на коже у самого сердца оказалась кровоточащая ранка. Извлек партийный билет - он весь в крови и пробит осколком.

Сергей Григорьевич первый бой также принял 22 июня 1941 года. Был он в ту пору заместителем начальника штаба полка по разведке в механизированном корпусе, дислоцировавшемся в Молдавии. На реке Прут корпус крепко держал оборону, пока не получил приказ об отступлении. Позже из расформированного мехкорпуса создали танковые бригады. Сергей Григорьевич стал начальником штаба танкового батальона. У села Голубовка в сентябре 1941 года батальон принял первый бой.

Пузыревский и Кумуков гордятся тем, что из 340 боевых машин, ставших памятниками, увековечившими подвиги танкистов в годы войны, два установлены в честь гвардейцев их бригады - на месте первого боя у села Голубовка и в центре города Донецка, где захоронен комбриг Ф.А. Гринкевич. Его же именем назван и проспект.

А как сложилась дальнейшая судьба однополчан? Как уже известно, в самом начале октября 1943 года И.Г. Кумуков в связи с тяжелым ранением (это было уже четвертое по счету) попал в гос-

питаль. С.Г. Пузыревский в этом же месяце уехал на учебу в бронетанковую академию. Потом он продолжал воевать в должности начальника штаба 19-й гвардейской механизированной бригады. Гвардии полковник С.Г. Пузыревский свой ратный путь победно завершил в Берлине. Отмечен многими боевыми орденами и медалями. После войны продолжал служить в танковых частях, уйдя в запас, переехал в город Ставрополь. Здесь многие годы работал в краевом комитете ДОСААФ, последнее время трудился в системе краевого управления бытового обслуживания населения.

И.Г. Кумуков после госпиталя вернулся в родной аул Эльбурган Хабезского района. Пошел учительствовать в местную школу. Пригодилась профессия, полученная в Черкесском педучилище в предвоенные годы. Многие годы был директором этой же школы. Награжден почетной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР. Затем жил в городе Черкесске, трудился на заводе резиновых технических изделий. Такие они ветераны-фронтовики. Побратимы, к сожалению, ушли из жизни, оставив о себе добрую память.

Паша-Гери Унежев родился в ауле Бесленей в 1918 году. После окончания средней школы он продолжил свое образование в Черкесском педагогическом училище, которое окончил в 1940 году. Работал заведующим начальной школой в ауле Баралки Икон-Халкского района. На фронт Унежев ушел добровольцем и был направлен в полковую школу города Ставрополя. В действующую армию его приехали проводить сестры и мама, которая купила фаянсовую тарелку и сказала сыну: «Она дождется тебя, сынок, и после войны я буду из нее угощать тебя либжкой...»

Но до этого еще были годы. В боевых действиях Паша-Гери начал участвовать в качестве помощника командира взвода 126 кавалерийского полка 28 кавалерийской дивизии. Это был 1942 год, когда дивизия приняла участие в жесточайших боях в период контрнаступления Юго-Западного фронта на город Харьков.

При нашей встрече Паша-Гери Умарович рассказывал мне об этих событиях с присущей ему скромной сдержанностью. Эти воспоминания вызывали во мне чувства восхищения героизмом советских бойцов.

Особенно памятным для Унежева стал день 27 марта 1942 года. Несколько дней подряд фашисты вели атаки на наши позиции, пытаясь выбить со своих рубежей бойцов Кавалерийского полка. Противник усмотрел наиболее выгодный подход к деревне, занятой кавалеристами. Это была лощина. Ее-то и удерживал взвод Унежева. В тот самый день фашисты бросили на этот участок свою пехоту, поддерживая ее тремя танками.

Красноармейцы подпустили немцев на расстояние броска гранаты и стали забрасывать ими наступающего врага. В ход также пошли и бутылки с зажигательной смесью. Пулеметчик прицельным огнем начал отсекал от танков автоматчиков и уничтожать их.

В самый критический момент вдруг замолк пулемет. Унежев тут же сменил убитого солдата, и пулемет вновь заработал. Два танка уже были подбиты гранатами. Паша-Гери продолжал руководить боем, даже получив ранение в руку. Последней связкой гранат был подбит третий танк. И тогда фашисты, отступив, прекратили атаку.

К исходу этого боя помкомвзвода Унежев получил еще серию осколочных ранений и был отправлен на лечение в госпиталь в

город Кировобад. Лечение было долгим и нелегким. Но молодой организм справился со всеми недугами, и Пашу-Гери определили в запасной полк 12-й стрелковой дивизии. Он был назначен командиром взвода, а вскоре уже исполнял обязанности командира роты по политчасти. Но такая служба вне фронта его не устраивала. Унежев рвался на передовую и в конце концов был направлен на учебу в г. Казань в танковую школу.

В дальнейшем младший лейтенант Унежев продолжил свой боевой путь в составе 42 танковой бригады 38-й Армии в качестве командира тяжелого танка. Он участвовал в боях за освобождение Польши и Чехословакии.

На подступах к крупнейшему промышленному городу Моравска Острава бригада получила приказ взять штурмом этот сильно укрепленный вражеский опорный пункт. И танкисты с честью справились с поставленной задачей.

Освобожденные от гитлеровской нечисти, улицы чешского города заполнили местные жители. Они выходили из уцелевших домов и подвалов. Благодарностям в адрес освободителей не было границ. Танки забрасывали букетами цветов.

Армия направлялась на освобождение Праги, где были сосредоточены крупные силы противника.

Главным в колонне шел танк Унежева, и первый орудийный залп он принял на себя. Фаустпатрон поджег броню и повредил башню, где находился механик Ваня Гигальчия. Машина замерла, как вкопанная, а Унежев стал спасать тяжелораненого товарища. В пылу боя он не заметил, что и сам был ранен, а вскоре потерял сознание.

Позже Паша-Гери вспоминал, что в горячечном бреде ему привиделась мама. Она стояла подле него и говорила: «Вот ты и вернулся, сынок. Мы дождались тебя, и я угощу тебя из той самой фаянсовой тарелки...»

Унежев очнулся, когда чей-то голос обратился к нему: «Ну, как себя чувствуешь? Сейчас к тебе придут сестры». Еще не в силах раскрыть глаза, Паша-Гери подумал, как могли его сестры с далекой родины приехать сюда. Но тот же голос привел его в чувство.

- Где я? — было его первым вопросом.

- В полевом госпитале в Моравска Остраве, — ответила военврач и подвела к постели раненого двух красивых девушек-чешек, -

а это твои новые сестрички, которые поделились с тобой своей кровью. Иначе бы не выжил...

- Спасибо, родные, — только и мог выговорить младший лейтенант. От волнения запершило в горле. Через минуту успокоился, но тут услышал за окном выстрелы, и в глазах его вновь застыл вопрос.

- Это Победа! — воскликнули девушки. — Красная Армия победила фашистов!

Да, Паша-Гери Умарович очнулся только через четыре дня после тяжелого ранения, именно 9 мая под автоматные очереди, возвестившие миру о великой Победе.

В той же палате он вместе с девушками пригубил бокал рома за долгожданный день и за свое воскрешение. И на всю жизнь сохранил в своем сердце образы новоявленных сестричек.

Они со слезами на глазах прощались с Павликом, как они его называли, когда Унежева отправляли в стационарный госпиталь города Кракова.

В сентябре 1945 года Унежев вернулся в свою часть и вскоре получил задание командира посетить мать погибшего механика Ивана Гигальчия в городе Конотопе. При этой горестной встрече Паша-Гери вручил родственникам друга его посмертную награду «Орден Отечественной войны 1 степени», подарки от друзей-фронтовиков. А от себя он передал последние слова умирающего Вани: «...Мама, я за тебя и за...» Недосказанные слова танкиста были понятны: «...за Родину воевал».

В родной аул Унежев П.-Г.У. вернулся в октябре 1946 года. На груди лейтенанта сверкали награды: ордена Красной Звезды, Отечественной войны 2 степени и медали. И встреча с родными и друзьями была веселой, и как пророчила мама, его угощали либжой из той самой памятной тарелки.

А после была работа долгая и разная, и всегда исполняемая добросовестно.

Паша-Гери Умарович работал в партийных органах, в народном хозяйстве и на ниве просвещения. Ветеран трудился с полной самоотдачей, также как и воевал, с честью и совестью до последнего вздоха, и оставил о себе незабвенную память.

Молочные братья

Однажды в Черкесской городской поликлинике № 1 познакомился с земляком по Хабезскому району Рауфом Кушховым. Обменялись приветствиями, поговорили о том, о сем...

- Будь гостем, — предложил я.

- Спасибо, очень спешу. Сейчас наведаюсь к доктору Бутову и поеду домой.

- Коль так, составлю тебе компанию — предложил я, — знаюсь с ним давненько, но последнее время редко стали встречаться. Хоть руку пожму человеку доброй души.

Попросив разрешения у сидевших на прием к нему, мы вошли в кабинет. Увидев меня, Стефан Павлович встал из-за стола и подался навстречу. Обменялись крепким рукопожатием. Тут же, увидев стоявшего позади меня Кушхова, воскликнул: «О, братишка, дорогой Рауф, рад видеть тебя! — бросился к нему и стал тискать его в своих объятиях. Посыпались вопросы от Рауфа: «Как Татьяна Ивановна? Как дела у Наташи и Вовы? Как чувствуют себя внуки?...»

- Все хорошо, все живы и здоровы.

- А как мои братья и сестра Кушховы?

- Тоже живы и здоровы, передают вам свои приветы и приглашения в гости. Сетуют, что давно не были у нас.

- Спасибо большое за приветы и приглашения. Никак не выберу времени. Как вы видели, много людей приходит на прием, немало и вызовов на дом. Скоро постараюсь навеститься, — был прощальный ответ.

Уже во дворе я с некоторым недоумением от столь восторженной встречи посмотрел на Рауфа. Он без вопросов понял меня и пояснил: Бутовы и Кушховы давнишние кунаки, а Стефан к тому же еще и молочный брат наш.

Я загорелся желанием узнать подробнее о зарождении молочного братства между казачьей семьей Бутовых из станицы Кардоникской и черкесской семьей Кушховых из аула Али Бердуковского. С куначеством понятно. О молочном братстве слыхивал, но, как правило, оно бытовало между единоверными семьями. А здесь...

Стефан Павлович затруднился сказать, с какого времени стали кунаками его отец Павел Кондратьевич и Камбот Махмудович. Но как помнит он из рассказов старших, дружба между ними и их семьями зародилась задолго до 1917 года. Общались порознь и семьями, помогали друг другу в хозяйстве. В трудные моменты жизни каждый чувствовал крепкое плечо друга.

В 1924 году у Павла Кондратьевича и Феклы Михайловны родился сын, нареченный Стефаном. Почти одновременно у четы Кушковых (Камбота и Кули) тоже появился мальчик, которому дали имя Мухаб.

По стечению приятных обстоятельств, Кушковы оказались в гостях у Бутовых. Сидя за вечерним чаем, Павел Кондратьевич, обращаясь к женам, молвил: «А ну-ка, бабоньки, побратайте наших хлопчиков. Хай их братство буде краше, чем наше с Камботом...»

Женщины поддержали предложение главы семейства, обменялись своими младенцами и кормили их своим грудным молоком, пока Кушковы гостили. Так у Стефана, кроме своего кровного брата Григория, появился и молочный брат Мухаб.

Молочное братство еще больше укрепляло куначеские связи двух семей.

Шли года. Росли братья. Встречи всегда были радостными, забываемыми.

Настал 1933 год — год массовой коллективизации и массового голода. Миллионы более или менее зажиточных крестьянских хозяйств разорили и имущество, и живность отобрали. В один из дней этого черного года у Кушковых появилась Фекла Михайловна в слезах, поведала: «Ой, дорогие мои, Камбот и Куля, беда стряслась с нами. Павла нашего забрали, из хаты выселили, все имущество отобрали, всю скотину угнали в колхоз. Остались мы на улице. Даже никто из станичников на постой (квартиру) не берет. Боятся наказаний за связь с нами — раскулаченными».

Камбот и Куля посочувствовали горю ее, поутешали, как могли. А вечером Камбот своему младшему брату Хусину наказал: «Запряжешь подводу и поедешь с Феклой в Кардоникскую. Погрузите все оставшееся имущество и вместе с Феклой и детьми возвращайтесь в аул до рассвета. И у нас соглядатаев немало.

Управились, как было сказано, и таким образом Бутовы оказались в семье Кушковых. Вместе пережили трудный голодный год.

Когда смерч проклятого года пронесся, Бутовы вернулись в свою станицу и поселились у родственников Феклы Михайловны. Сама она стала работать в колхозе. В летнюю пору ей помогали сыновья Григорий и Стефан.

Павел Кондратьевич, отбыв срок ссылки, в 1937 году вернулся домой, но пришлось работать за пределами не только станицы, но и района. В Кардоникской ему были закрыты пути к любой деятельности. Так он мытарствовал до ухода на фронт. Но все шло своим чередом, выросли молочные братья. В сорок первом оба ушли на фронт защищать Родину.

В составе казачьих кавалерийских частей гвардеец Стефан Павлович прошел фронтовыми дорогами до самой реки Эльбы. Вернулся в 1946 году с двумя орденами Красной Звезды и многими медалями.

Мухаб тоже в составе стрелковых воинских частей дошел до Польши, дважды был ранен, отмечен солдатской медалью «За отвагу». Но ему не суждено было вернуться в отчий дом, обняться с родными. «Ваш сын Кушхов Михаил Камботович, — сообщалось в извещении, — в боях с немецко-фашистскими захватчиками погиб смертью храбрых. Убит при штурме города Бреслау 22 февраля 1945 года».

Так ушел из жизни воин-черкес с русским именем Михаил, созвучным с его настоящим Мухаб. Видимо боевые друзья любовно так его окрестили.

Тяжело перенес гибель сына Камбот, которому было около 60 лет. Мужественно, как и подобает горцу, выдержал этот удар, организовал все традиционные ритуалы по умершему сыну.

Первые скупые мужские слезы потекли по его морщинистым щекам, лишь когда Стефан с матерью пришли из Кардоникской выразить ему соболезнование по случаю гибели Мухаба. Вся семья Кушковых и Бутовых вновь горько оплакали не только Мухаба, но и Павла Кондратьевича, погибшего в 1943 году в боях за станицу Крымскую, что на Кубани. Замечу, что «кулаки» Павел Кондратьевич и его сыновья Григорий и Стефан, оставаясь верными традициям своих предков, мужественных защитников России, в

отместку власти, доставившей столько неприятностей, не переметнулись в стан захватчиков, а исполнили свой долг воинов-казаков перед Отечеством, защитили свободу и независимость от врага.

Прощаясь со своими гостями, Камбот, обращаясь к Стефану, сказал: «Рад, сынок. Хоть ты вышел живым из этой проклятой войны. Живи долго, маму береги. Береги и дорожи памятью моего дорогого кунака Павла. Не забывай, навещай нас. Меня с Кулей не станет, будут живы младшие, продолжай родство и дружбу с ними. В жизни верная дружба цены не имеет».

В трудные дни и годы для семьи Бутовых наведывался к ним Камбот, интересовался их жизнью и бытом. На своей подводе подвозил им сено, дрова. В колхозе заполучить транспорт не так просто было, тем более «запятнанной» семье. Позднее Камбот, следуя доброй традиции горцев, решил оставить родительский очаг Хусину, как младшему брату. Получив участок, с помощью брата построил домик. Когда уже встал вопрос о переселении, Хусин заявил Камботу и его супруге Куле: «Я вас одних не отпущу. С вами уйдет один из моих сыновей или дочерей. Выбирайте сами. Если мальчика захотите, то его переименуем в сельсовете на Мухаба, а отчество дадим Камбота».

Такая постановка вопроса озадачила супругов и в то же время тронула до глубины души. В некоторой растерянности Камбот, показывая ладонь с растопыренными пальцами, обратился к брату: «Отрежь любой из этих пальцев, одинаково будет больно. Не думаю, что тебе будет безразличен уход от тебя любого ребенка».

- Дорогой брат, мы этот вопрос уже обдумали, отступать с супругой мы не будем, — решительно повторил Хусин.

- Тогда, может быть, Назира, что ли... — произнес Камбот, глядя на Кулю. Та в свою очередь кивком головы дала знать о своем согласии в выборе. Так у Камбота и Кули появился младший сын, с которым они прожили до последних своих дней в мире и согласии. Познали они и радость от общения с внуками. Камбот не возразил, что Назиру дали его отчество. А вот имени не стал менять. «Не будем трепать имя покойного сына. Назир — тоже звучит, — было резюме Камбота».

Сколько было радости у Стефана Павловича, когда он прочитал сообщение в «Дне республики» о том, что эскиз флага на-

шей республики, предложенный Назиром Кушковым, признан лучшим.

В свое время Стефан Павлович настойчиво советовал Назиру развивать свои способности в живописи и содействовал в направлении его в художественный вуз.

Стефан Павлович Бутов дорожил своим родством с Кушковыми, всячески поддерживал с ними связи. Он в их семьях был за аксакала, к которому всегда обращались за советом, за помощью. И Кушковы чтут его соответственно. Любой вид братства: кровное, молочное, названное у горцев считается святым делом и законы братства незыблемы.

Если эти виды братства роднят и объединяют людей разных национальностей, то это верный путь к дружбе и миру.

Письмо партизана

Во многих государственных архивах хранятся сотни тысяч писем знаменитых людей, переписки великих писателей, художников. И все эти документы по праву представляют собой бесценные раритеты.

Но не менее ценны и те документы, которые берегутся в скромных семейных архивах. Это фотографии и письма давних времен, связывающие нынешние поколения с дорогими именами их предков. К таким особым ценностям, без сомнения, относятся и письма военных лет.

Передо мной пожелтевший от времени листок бумаги. Это письмо сына, написанное 12 июля 1944 года и отправленное из белорусских лесов в абазинский аул Эльбурган. Привожу его дословно.

«Здравствуйте, дорогие родители! Шлю я вам пламенный партизанский привет. Сообщаю, что я жив и здоров. 5-го июля мы, партизаны, воссоединились с частями Красной Армии. Мне интересно знать о вашей жизни. Возможно, скоро встретимся. Я вам уже писал о том, что уже два года нахожусь в тылу врага, но не знаю, получили вы или нет мое письмо. О своей жизни много писать не буду, она и так понятна, ибо бороться в тылу врага весьма трудно. Все тяжести жизни за эти два года пришлось испытать на своих собственных плечах. Но все же борьбу против кровожадного гитлеризма мы вели беспощадную. Мы немцев били везде и всюду, где только попадались на наши партизанские глаза. Их немало легло от наших мстительных рук. Недавно, 18 июня 1944 года ночью, во время выполнения правительственного задания по подрыву вражеских железнодорожных рельсов в бою я был ранен в правую руку. Сейчас нахожусь на излечении. Больше писать, пожалуй, нечего. Если придется встретиться, то расскажу обо всем подробно.

Остаюсь жив и здоров. Ваш сын Коля (Карабит) Хамуков. Передайте всем моим родным и знакомым привет».

Это письмо получил отец партизана. Эдик Исмелевич Хамуков с первых дней войны участвовал в боевых операциях, защищал Сталинград. В конце 1943 года после тяжелого ранения вернулся домой инвалидом.

Судьба сына обернулась иначе. Призванный на действительную службу в Красную Армию в 1939 году, Карабит Хамуков был направлен на учебу. В июне 1941 года он окончил Первое Могилевское стрелково-пулеметное училище. В звании лейтенанта он был откомандирован для несения воинской службы в 213-й полк в местечко Сапоцкино под городом Гродно. Но на следующий день началась война.

Весь личный состав полка был брошен в помощь пограничным частям, которые первыми приняли неравный бой с вероломным противником. Храбро бились наши воины, но устоять не смогли. Слишком неравны были силы. Оставшиеся в живых вынуждены были отступить.

В сентябре 1941 года лейтенант Хамуков организовал небольшую партизанскую группу. Вот что пишут об этом бывший командир партизанкой бригады имени В.П. Чкалова М.И. Грибанов, бывший комиссар этой же бригады.

И.П. Казак и командир партизанского отряда имени Кузнецова В.А. Гаврилов: «Группа занималась уничтожением отдельных вражеских солдат и офицеров, а также всех тех, кто оказывал содействие фашистским захватчикам. В конце 1942 года группа товарища Хамукова К.Э. была принята в партизанский отряд имени Кузнецова Барановичского соединения партизан. Вначале тов. Хамуков был назначен командиром отделения, потом командиром взвода, а с августа 1943 года по 1944 год занимал должность командира партизанской стрелковой роты. Тов. Хамуков показал себя смелым, решительным и волевым командиром. Одновременно тов. Хамуков являлся секретарем комсомольской организации отряда. Тов. Хамуков предан партии Ленина, делу нашего советского народа».

Карабит Эдинович в том самом письме к родным в июле 1944 года пишет о своем ранении, как о пустяковой царапине. Но на самом деле, это третье по счету боевое ранение было настолько серьезным, что после долгого лечения его все-таки комиссовали, признав негодным к строевой службе. И как не пытался партизан убедить врачей, что ему просто необходимо дойти до Берлина и с Победой вернуться домой, все было тщетно.

В марте 1945 года Хамуков К.Э. был уже в родном Эльбургане и возглавил среднюю школу. А вскоре его назначили заве-

дующим районо. Затем Карабит Эдикович учился в Высшей партийной школе и был избран Председателем Хабезского райисполкома.

В 1953 году лучшие партийные и советские кадры были призваны на укрепление сельскохозяйственного производства. И тогда Хамукову К.Э. было поручено возглавить колхоз.

Послужной список Хамукова Карабита Эдиковича как солдата, партийного и советского работника – это образец биографии истинного советского человека, коммуниста и патриота.

Он прожил жизнь достойно и красиво, оставив о себе добрую память в народе, а своим потомкам – заслуженные им награды: ордена Отечественной войны, Красной Звезды, медаль «Партизану Великой Отечественной войны 1 степени» и другие, а также орден Трудового Красного Знамени.

В лучах прожекторов

За свою многолетнюю служебную и в какой-то мере журналистскую деятельность мне довелось встречаться с интересными людьми с необычными судьбами. Были среди них и настоящие герои, совершавшие подвиги в жесточайших условиях Великой Отечественной войны, и те, чья жизнь казалась бы необычной, но в то же время достойной журналистского пера.

Интерес к этому человеку возник у меня, когда узнал, что Александр Захарович Колосов является одним из первых воинов-интернационалистов. И этот факт, согласитесь, неординарен, если учесть, что нашему земляку идет девятый десяток лет.

«Вунь Чен» – под этим именем Александр Колосов числился как специалист гражданской авиации в Китайской Народной Республике в 1949 – 1950 годах. На самом деле к мирной профессии авиатора он не имел никакого отношения.

Как известно из истории, в Китае при поддержке Советского Союза в октябре сорок девятого года произошла революция. В то время контрреволюционные силы во главе с небезызвестным генералиссимусом Чан Кайши с помощью империалистических держав, организовавшись на острове Тайвань, представляли ощутимую угрозу молодой народной республике. Тогда руководство Китая обратилось с просьбой к нашей стране о военной поддержке. И одной из таких немаловажных услуг оказалась переброска к страждущему соседу частей зенитно-прожекторных полков для защиты с воздуха от авиации противника. В их числе оказался 1-й гвардейский зенитно-прожекторный полк, в котором служил лейтенант А. Колосов.

Чтобы не вызвать международного скандала, эта операция по переброске войск проводилась в условиях чрезвычайной секретности. Достаточно сказать, что вся военная техника была замаскирована под хозяйственные грузы. А личный состав полка был одет в гражданские костюмы.

По прибытию в Китай советских прожектористов переодели в китайскую военную форму, рассредоточили по всем стратегически важным объектам. Радиопрожекторную станцию Колосова определили на главном стадионе города Шанхая. В ночное время наши бойцы отбивали атаки бомбардировщиков и истребителей.

Да и сам факт наличия боеспособных противовоздушных сил значительно упреждал попытки противника проявлять особую активность. В дневное время советские воины обучали китайцев своему мастерству, а командный состав преподавал теорию и практику военного дела в местном военно-воздушном училище. По выполнении поставленной задачи китайское правительство отметило по достоинству своих союзников. Александр Колосов был награжден орденом молодой республики.

А до этого воевал на Московском фронте в составе войск ПВО. Первый массированный налет противник совершил 21 июля 1941 года в 22 часа, и длился он 3 часа.

Налеты авиации противника на Москву продолжались весь период ее обороны. Было совершено 12600 вражеских налетов, и войсками ПВО было уничтожено 1305 самолетов, многие немецкие самолеты вынуждены были возвращаться обратно, не осуществив своих задач. Так, благодаря войскам ПВО, разрушения нашей столицы были сведены к минимуму, а план гитлеровцев, захватить Москву уже осенью 1941 года, был сорван.

За подвиги по защите Москвы наш земляк удостоен боевых наград: орденов Отечественной войны и Красной Звезды, медалей «За оборону Москвы», «За победу над Германией» и других, а также знака «Отличник ПВО» и множества благодарностей.

В январе 1945 года А.З. Колосова, как боевого и опытного воина, направляют в город Омск в военно-прожекторное училище. После его окончания лейтенант Колосов возвращается в Москву, где подразделения полка вновь были рассредоточены в столице и ее окрестностях.

Александр Захарович усердно продолжал службу, получил звание капитана и его назначили командиром зенитно-прожекторной роты, которая размещалась в городе Руза.

Один из памятных случаев, о котором поведал мне Александр Захарович, произошел с ним в 1953 году. Этот мартовский скорбный день стал памятным для всей советской страны. В Доме Союзов города Москвы состоялась гражданская панихида по поводу кончины выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства Иосифа Виссарионовича Сталина.

Коммунист капитан Колосов А.З. был вызван в штаб накануне вечером и получил приказ. Ему необходимо было вместе со

своим расчетом прожектористов обеспечить в ночное время суток освещение Дома Союзов. А главное, это освещать в траурном обрамлении портрет И.В. Сталина, установленный на фасаде здания.

Этот эпизод своей жизни Александр Захарович запомнил навсегда. Ведь ему была оказана высокая честь, принять непосредственное участие в траурном мероприятии: проводы в последний путь легендарного человека, Верховного Главнокомандующего, под чьим руководством была одержана величайшая военная Победа в Великой Отечественной войне.

Через два года после тех памятных мартовских дней капитан Колосов А.З. оказался в запасе. Это произошло в связи с тем, что при новом руководстве страны было произведено сокращение Вооруженных Сил.

Такое решение вызвало справедливое недовольство в среде военных. Сотни тысяч офицеров, прошедших войну, которым оставалось дослужить небольшие сроки до пенсии, были вынуждены трудоустраиваться в самых различных отраслях народного хозяйства, не имея гражданских специальностей. Эта же участь постигла и А.З. Колосова.

В штабе, куда он был вызван на собеседование, на вопрос о его желании продолжить службу и как он будет выполнять устав, Александр Захарович вспыхнул и ответил так: «Я принял присягу на верность Отчизне еще в 1939 году. И вся моя военная служба была подчинена безукоризненному ее выполнению. Я предпочту увольнение из Вооруженных Сил, чем нарушить однажды принятую мною присягу, которой поклялся верой и правдой служить своей Родине СССР».

Руководство штаба посчитало ответ Колосова грубым выпадом и приняло соответствующее решение.

Так А. Колосов в 1955 году оказался в городе Черкесске – на родине жены Валентины Зайцевой. Привыкший к активной военной службе, он не мог долго отдыхать. С 1956 года начал работать мастером производственного обучения в профессионально-техническом училище № 3. После окончания Московского индустриально-педагогического техникума системы профтехобразования в 1967 году стал военным преподавателем училища.

Александр Захарович Колосов – офицер-фронтовик – прилагал немало усилий в воспитании достойных патриотов. Благодаря

ему, учащиеся ПТУ-3 наряду с получением строительных и других профессий проходили курс начальной военной подготовки, что позволяло им, вливаясь в ряды Вооруженных Сил страны, быть ее верным защитником.

Изучив историю участия народов нашей области (республики) в Великой Отечественной войне, Александр Захарович использовал в качестве примеров героические подвиги карачаевца Османа Касаева, абазина Карабита Хамукова, черкеса Биляла Сидакова и других, храбро сражавшихся в партизанских отрядах его родной Белоруссии.

За свою производственную военно-педагогическую деятельность на «гражданке» А. Колосов удостоен многих почетных грамот разных достоинств. Он бережно хранит благодарность Советского комитета ветеранов войны «За активное участие в работе по героико-патристическому воспитанию молодежи».

Бывший военный комиссар Карачаево-Черкесии З. Сибирцев так отзывается о нем: «Александр Захарович Колосов был военным и остался им и в мирной жизни. Это тот человек, который остался верным до конца своим убеждениям, сформировавшимся в пору его боевой молодости. Он истинный патриот своей родины. В работе ему не было равных. Во всех военно-спортивных мероприятиях команды ПТУ-3 под руководством Колосова, как правило, всегда занимали первые места не только в нашей республике, но и за ее пределами. Я всегда ставил в пример иным военникам военный профессионализм, четкую исполнительность и порядочность Александра Захаровича Колосова».

С героем этого очерка Фицей Шагбановичем Нартоковым меня свела совместная работа в профсоюзах Карачаево-Черкесии: я – в качестве заведующего отделом облсовпрофа, а он, будучи персональным пенсионером, возглавлял Черкесский горком профсоюза работников культуры. Он отличался высокой работоспособностью, избытком энергии, неумной веселостью.

Всегда с шумом распахнет дверь кабинета, в приветствии сильно пожмет мою руку так, что почувствую шершавые в мозолях ладони. Расспросит о жите-быте, о делах, вспомнит интересный случай из своей жизни или расскажет о каком-нибудь замечательном человеке, которых немало он встречал на фронтовых дорогах, в годы послевоенные...

В этот раз, пока я занимался срочной работой, Фица Шагбанович просматривал журналы. Взял с моего стола свежие газеты.

– Так это же Маргарита Георгиевна! Да-да, она, – восклицание гостя оторвало меня от дела, я посмотрел на название газетного материала, – «Маршал и его дочь» из «Ставропольской правды».

– Кто такая Маргарита Георгиевна? – спросил я в недоумении.

– Как кто? – теперь моей недогадливости удивился Фица Шагбанович. – Дочь маршала Советского Союза Георгия Константиновича Жукова.

Я смотрел на своего собеседника: обрадовался, увидев в газете фотографию М.Г. Жуковой, говорил о ней так, будто долгие годы знаком. А Фица Шагбанович, порывшись в своем бумажнике, достал визитную карточку и протянул ее мне. Читаю: «Жукова Маргарита Георгиевна, доцент политекономии, член военно-исторического общества при Центральном музее Вооруженных Сил СССР, лектор Всесоюзного общества «Знание»...

И Фица Шагбанович, уступив моей просьбе, поведал о том, как познакомился с маршальской дочерью.

– В декабре 1981 года М. Жукова приехала в служебную командировку в Майкоп. Выполнила все свои дела и собралась возвращаться в Москву. Но товарищи из Адыгеи удержали Маргариту Георгиевну, уговорили встретить новый 1982 год в Домбае. А

сопровождать ее поручили Борису Мерзакулову, брату моей жены. Он работает в Майкопском пединституте.

И вот 30 декабря без всякого предупреждения он приехал с незнакомой женщиной. Представил как сотрудницу института. Видимо Маргарита Георгиевна не хотела, чтобы на нее навалились с расспросами.

Жена подала на стол блюда национальной кухни. Пригласила гостей к столу. Разговор не клеился. Но когда женщина узнала, что я причастен к минувшей войне, стала сама спрашивать, интересоваться. Тут и мы узнали, какую необычную гостью принимаем. За разговором засиделись допоздна. Утром проводили их в Домбай.

На обратном пути Борис и Маргарита Георгиевна вновь заехали к нам. Погостили еще день. Уезжала она со слезами на глазах, и мы прощались с ней, как с родным человеком. Сблизили нас эти незабываемые дни. Вот так состоялось знакомство с этим простым человеком — маршальской дочкой, — закончил свой рассказ Фица Шагбанович, вновь стал всматриваться в снимок.

— А мне, — оторвавшись от газеты, продолжал он, — Маргарита Георгиевна подарила фотографию со своей дарственной надписью. На фотографии два прославленных полководца — ее отец, Г.К. Жуков, и К.К. Рокоссовский. С ее слов — сфотографировались они специально для болгарских товарищей. И по их просьбе маршал Жуков постарался быть не очень суровым...

Вскоре мне довелось увидеть этот снимок. Я подумал, глядя на него, что Жуков выполнил «заказ» болгар на сто процентов — улыбался во весь рот.

Эта фотография стоит на столе в кабинете у Фицы Шагбановича. Часто берет он ее в руки, читает надпись на ней. «Уважаемому Фице Шагбановичу Нартокову, ветерану войны, с пожеланием доброго здоровья и счастья Вам и Вашей семье. М. Жукова. 31.12.81 г.» И уносят его воспоминания в далекие военные годы под Ленинград, к Пулковским высотам, где занимал боевые позиции полк, в котором воевал разведчик Нартоков.

Тяжело было. Враг давил беспощадно, держались из последних сил. Тут прошел слух, что командование принял Жуков. И солдаты, которым довелось воевать с ним на Халгин-Голе, облег-

ченно вздохнули: «Коль Жуков — победим». А вместе с ними поверили в победу и все защитники Ленинграда.

А однажды Нартоков с широкой улыбкой на лице прямо-таки ворвался ко мне в кабинет.

— Что, Фица Шагбанович? Ваш лотерейный билет по крупному выиграл? — спросил я, шутя.

— Случай гораздо серьезнее и приятнее для меня, — ответил он и протянул пакет. На нем вместо данных отправителя чернел штамп партийного архива Ставропольского крайкома КПСС.

Бегло просматриваю начало первого листка — «Партийная характеристика на члена ВКП(б) с мая 1942 года, партбилет № 4554368 Нартокова Фицы Шагбановича». Документ датирован 13-м ноября 1945 года, подписан парторгом 3-го дивизиона старшим лейтенантом Кудряшовым и начальником политотдела 19-й гвардейской армейской пушечной артиллерийской бригады Гавриловым.

Вот содержание документа: «Нартоков Фица Шагбанович за время службы в 19-й гвардейской армейской пушечной артиллерийской бригаде показал себя дисциплинированным, смелым и решительным воином. В мае 1942 года вступил в члены ВКП(б). Будучи членом партии, в тяжелых условиях фронтовой жизни систематически занимался повышением своего идейного уровня. В июне 1943 года тов. Нартоков Ф.Ш. избирался членом партийного бюро дивизиона. Работая членом партийного бюро, он с честью выполнял порученную ему партийную работу, умело разъяснял молодым коммунистам решения партии и правительства и личным примером доказывал преданность нашей Родине.

Тов. Нартоков — командир-коммунист — умело выполнял сам поставленные задачи командования и за собой увлекал своих товарищей, в результате чего все коммунисты его отделения награждены правительственными наградами. Сам тов. Нартоков награжден орденом Красной Звезды, медалью «За оборону Ленинграда». Тов. Нартоков исполнитель, вежлив, культурен, пользуется большим авторитетом среди личного состава, систематически занимается повышением своего идейного уровня, умело передает свои знания товарищам».

— Как оказался этот документ в краевом партийном архиве? — спрашиваю несколько удивленно.

- После войны, в начале 50-х годов, я работал несколько лет инструктором Ставропольского крайкома КПСС. Очевидно, он был в моем личном деле.

На этом наш разговор закончился. Несколько позже я снова встретился с Фицей Шагбановичем. И вот что узнал.

Отслужив действительную воинскую службу в 73-м корпусном артиллерийском полку в Литве, Ф.Ш. Нартоков собирался вернуться домой к середине лета 1941 года. Родственники писали ему душевные письма, интересовались планами на будущее. Однако все его мечты перечеркнула начавшаяся война.

12 сентября 1941 года 73-й корпусной артиллерийский полк, в котором воевал Нартоков, встал на защиту города Ленинграда в районе Пулковских высот. Командный пункт 3-го дивизиона разместился в подвале знаменитой Пулковской обсерватории, а наблюдательный – в ее разрушенном куполе.

Не сумев захватить город штурмом, немецко-фашистское командование попыталось путем обстрела из артиллерии всех калибров и непрерывной бомбежки с воздуха сравнять город с землей. Несмотря на тяжелейшие условия, воины Ленинградского фронта и трудящиеся города, слившись воедино, с невиданным упорством и мужеством вели героическую борьбу с ненавистным врагом. И повсюду пример беспредельной преданности Родине показывали коммунисты.

Именно в тяжелые дни блокады многие воины связали свои судьбы с родной Коммунистической партией. В их числе был и Фица Шагбанович Нартоков. После прохождения трехмесячного кандидатского стажа его в мае 1942 года прямо на огневой позиции принимают в ряды ВКП(б).

Нартоков вспоминает, что в полку было немало чисто коммунистических подразделений. В числе их – орудийный расчет Расула Гаджиева, который уничтожил немецкую передвижную бронеплощадку с 400-миллиметровым орудием, за что командир был удостоен ордена Красного Знамени. Этот замечательный орудийный расчет вместе с командиром погиб от прямого попадания снаряда в блиндаж.

- Боевых друзей осталось совсем мало, – сказал Фица Шагбанович при одной из наших встреч. – Но всех их – погибших,

пропавших без вести, умерших от тяжелых ран и просто от болезни, память хранит бессрочно.

На его глаза навернулись слезы, в голосе слышались взволнованные нотки, когда он рассказывал о трагической гибели своего лучшего разведчика, члена партии Вани Мищенко. Не вернулся с боевого задания и молодые коммунисты-разведчики Павел Пономарчук и Николай Николаев.

Победоносно завершилась Великая Отечественная война для советского народа. Прошли многие годы, прежде чем разыскивали друг друга ветераны 73-го артиллерийского полка. Первая их встреча состоялась в Ленинграде в 1977 году. Побывали фронтовики в тех местах, где когда-то стояли насмерть.

В 1979 году группа ветеранов побывала в гостях у учащихся Ленинградской 373-й средней школы. Предоставили слово и Ф.Ш. Нартокову. С большим вниманием слушали учащиеся и педагоги рассказ о том, что не только он, посланец черкесского народа, защищал город Ленина в тяжелые годы минувшей войны, но и его земляки в ту пору были прямо причастны к судьбе Ленинграда и его жителей. Они взяли в свои семьи и пригостили десятки голодных и изможденных детей, вывезенных из блокадного Ленинграда. Многих из этих мальчиков и девочек после войны разыскивали родители и увезли на родину. Для остальных родиной стала Карачаево-Черкесия.

Рассказал Фица Шагбанович и о том, что сейчас в ауле Бесленей немало уроженцев Ленинграда, ставших взрослыми, носят черкесские фамилии и имена, в совершенстве владеют черкесским языком. Есть среди них инженеры, педагоги, рабочие.

Местный драматург, бывший офицер, участник Великой Отечественной войны Х.А. Карданов написал пьесу «Ленинградский эшелон», посвященную теме спасения ленинградских детей. Областной драмтеатр поставил по ней спектакль. Коллектив театра вместе с автором были приглашены в Ленинград, где с постановкой познакомились и ленинградцы.

Не проходит дня, чтобы Фица Шагбанович не получал писем от своих боевых друзей. В них – рассказы о сегодняшней мирной жизни, о встречах с друзьями, воспоминания о суровых днях Великой Отечественной...

Фица Шагбанович очень дорожит этой дружбой, считая ее особенной, возвышенной, ибо рождена она и проверена на крепость в горниле самой страшной войны.

Биографическая справка:

Нартоков Фица Шагбанович родился в 1919 году в ауле Вако-Жиле. Название этого населенного пункта в переводе с черкесского языка означает село пахарей, то есть земледельцев. И это не случайно, ибо обширные поля окрест аула возделывались руками тружеников-аульчан.

Окончив 7 классов в местной школе, Фица какое-то время занимался крестьянским трудом, а затем поступил в Черкесское медицинское училище. Но окончить его не довелось. Нартокова призвали на действительную военную службу, которую должен был завершить к лету 1941 года. Однако судьба его распорядилась иначе, сделав с первых же дней участником Великой Отечественной войны у западных границ СССР.

После демобилизации Нартоков возвращается в свой родной аул, территориально входивший в Кувинский район.

Молодого коммуниста, боевого офицера, пригласили в райком партии на должность заведующего отделом, а вскоре его назначили инструктором орготдела Ставропольского крайкома КПСС. Заочно окончил высшую партийную школу при ЦК КПСС.

В 1953 году после сентябрьского пленума ЦК КПСС, призвавшего коммунистов идти поднимать сельское хозяйство, Фица Шагбанович вновь в родном Кувинском райкоме партии уже в качестве секретаря, ведающего селом. Затем его направляют в Хабезский райком на должность председателя укрупненного колхоза. После разукрупнения колхозов Нартоков вновь в аппарате обкома КПСС на ответственной должности. Затем административная и журналистская работа.

После ухода на заслуженный отдых, как упоминалось выше, он на профсоюзной работе.

Затем он был избран председателем Черкесского городского совета ветеранов войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов. Возглавлял его успешно свыше десяти лет, за что неоднократно поощрялся вышестоящими органами. Казалось, нет износа этому крепышу, здоровью которого по-доброму завидовали многие. Но тяжелый недуг свалил-таки его и он сейчас

частично парализованный находится дома под присмотром медиков, заботливой супруги, двух его сыновей, дочери и внуков.

Не забывают о нем сослуживцы, родственники и друзья, которые часто его навещают.

Будучи председателем городского совета ветеранов (а в этой должности проработал 13 лет), Фица Шагбанович начал готовить Книгу Славы города Черкесска (о фронтовиках, с победой вернувшихся в родной город), но завершили ее издание его коллеги. В ней помещен краткий очерк о нем и фотография вместе с другом и земляком Магомедом Азаматовичем Калмыковым – также защитником Ленинграда.

К большому сожалению 2 апреля 2007 года перестало биться сердце героя войны и труда Фицы Шагбановича. С большими почестями проводили его в последний путь и похоронили в родном ауле. Добрая память о нем сохранится у всех, кто его знал.

Память

Каждый раз, когда по служебным делам бываю в ауле Хабез, стараюсь заглянуть в среднюю школу, где я учился. И прежде чем войти в нее, останавливаюсь у прикрепленной к стене мемориальной доски. Вот и нынче, вскоре после всенародного праздника «Дня знаний», я наведалься сюда. У мемориальной доски – живые цветы. Много цветов. Их возложили дети.

«Вечная память учителям школы, павшим в боях Великой Отечественной войны 1941 – 1945 годов» – вновь читаю:

Абреков М. М.-М.

Арашуков П.М.

Мисроков М.Б.

Тутов А.У.

Хапсироков А.М.

Хамуков И.Х.

Стою и думаю: «Вас, представителей самой мирной и гуманной профессии, коварный враг вынудил взяться за оружие. Вместе с сыновьями всех народов нашей страны вы заслонили собой от фашистской чумы сегодняшний наш счастливый день. И в том, что в вашем родном ауле построена эта занимающая почти целый квартал красавица-школа, рассчитанная более чем на тысячу учащихся, со светлыми, оборудованными по-современному учебными кабинетами, спортзалом, столовой и другими необходимыми помещениями, и в том, что каждый день их заполняет звонкоголосая детвора, есть и ваша несомненная заслуга».

Невдалеке вижу старенькое двухэтажное здание, в котором в прошлом размещалась школа. В сравнении с этим великолепным комплексом она кажется совсем махонькой.

Из бывших учителей школы, чьи имена значатся на мемориальной доске, мне особо памятен Аюб Муратович Хапсироков. Во всех подробностях помнятся собрания школьников, проводившиеся в первые годы войны. На них обычно шел разговор о распродаже лотерейных билетов, выручка от продажи которых шла в фонд обороны. И, конечно же, об учебе и дисциплине. Как обычно, их открывали и вели директор школы Дмитрий Иванович Дзахоропуло и Аюб Муратович. Врезались в память их призывные слова:

- Ребята, каждая копейка, внесенная вами в фонд обороны страны – это пуля по фашисту!

И мы несли в магазин кто два, кто три куриных яйца, а на вырученные деньги приобретали лотерейные билеты. Возвращались домой к полупустому, а порой и вовсе пустому обеденному столу, но с чувством исполненного долга.

О фронтовой судьбе Аюба Муратовича Хапсирокова я узнал не так давно.

В составе 37-го гвардейского орденов Красного Знамени и Богдана Хмельницкого 2 степени Дебреценского казачьего кавалерийского полка он храбро сражался на различных участках фронта с немецко-фашистскими захватчиками. После изгнания их за пределы нашей страны участвовал в освободительном походе по вызволению из-под ига фашизма народов стран Западной Европы и с боями дошел до Будапешта. Был награжден медалью «За отвагу».

А что случилось потом, пусть поведаст хранящееся почти сорок лет в его семье письмо – печальная память о минувшей войне.

«Здравствуйте, Нина Магометовна!

Получил я Ваше письмо, за что от души благодарю. Вы пишете, что в своем письме лейтенант Кобус сообщил о гибели Вашего мужа Аюба Муратовича, но Вы сомневаетесь в этом и просите меня написать о нем подробно.

Напишу я правду, что я знаю об этом. Дело было в январе, под Будапештом, когда мы вели тяжелые бои. По приказу командования наш эскадрон вышел на боевое задание. Из пулеметного взвода эскадрона был выделен пулеметный расчет, в который входил и Аюб Муратович. Им приказано было на одном из участков прикрыть перегруппировку подразделений нашей части. Во время отражения контратаки противника он погиб. Об этом мне рассказывал казак – первый номер их расчета, с которым лично встретился. Он же и похоронил его. Мне не хотелось верить в случившееся. Повстречался и с командиром пулеметного взвода лейтенантом Кобусом: «Погиб твой друг и земляк», – таков был его ответ. Я, конечно, не сдержал слез, почтил его память. Мне не забыть его никогда. Он был мне и как отец, и как друг, он учил меня в школе и воспитывал. Но проклятый немец вырвал его из нашей фронтовой семьи! Нет фрицу за это пощады! Мы отомстили за него, и будем мстить! Я не писал Вам потому, – заключает автор письма,

— что не хотел огорчать, пока воинская часть сама не напишет о случившемся. А теперь, когда Вы уже знаете о постигшем Вас несчастье, по Вашей просьбе я пишу обо всем, чтобы Вы не сомневались и не мучились. Пока все. Привет Вашим детям. Михаил Докумов. 29.04.45 г.»

Автор этого письма, бывший гвардии казак Михаил Докумов, ныне проживающий в своем родном ауле Инжич-Чукун Хабезского района, верный данной клятве, мужественно громил врага до победного завершения войны. Его ратные подвиги отмечены орденом Славы 3 степени, медалью «За боевые заслуги» и другими наградами.

Со своим фронтовым письмом, пожелтевшим от времени солдатским треугольником, Михаил Туркбиевич вновь встретился спустя почти 37 лет на одном из вечеров, устроенном коллективом учителей и учащихся Хабезской средней школы. В этой школе накануне войны он совсем молодым начинал свою педагогическую деятельность. Письмо из семейного архива принес сын Аюба Муратовича Хапсирокова — Рашид Аюбович, учитель истории этой же школы.

На вечере с большим волнением Михаил Туркбиевич прочитал письмо, рассказал о боевом пути и гибели А.М. Хапсирокова. До слез трогательно было все воспринято детьми и взрослыми...

Чтят память погибших на фронтах Великой Отечественной войны земляков-педагогов в коллективе учителей и учащихся Хабезской средней школы. Им посвящают специальные уроки мужества, ребята поддерживают связи с их семьями. В праздничные дни у мемориальной доски — живые цветы. К дню празднования 40-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне в школе решено открыть музей боевой славы. Большую помощь в сборе материалов для музея и подготовке его к открытию оказывает Р.А. Хапсироков.

Думается, что на мемориальной доске и в экспозициях музея будут запечатлены имена, подвиги и тех педагогов, которые, не являясь коренными жителями аула Хабез, трудились в этой школе, отсюда ушли на фронт и погибли за свободу и независимость нашей Родины. Материалы о них помогут учителям в патриотическом и интернациональном воспитании подрастающего поколения.

Память о погибших за Родину священна.

Их подружила война

Давлету Хамидовичу Саитову, жителю города Черкесска, педагогу, есть что вспомнить о Великой Отечественной войне.

Среди десятка реликвий, оставшихся после Великой Отечественной войны, хранит ветеран потертый карманный блокнотик, в котором делал дневниковые записи в годы минувшей войны.

Недавно мне довелось беседовать с Д.Х.Саитовым и познакомиться с его реликвией.

На одной из страниц блокнота я прочитал строки: «Старшего лейтенанта Агирбова Джумаладина Ибрагимовича видел раненым 15 января 1945 года».

Прочитываю вновь, уже вслух, и удивленно смотрю на Давлета Хамидовича.

— Знакомы с ним? — спросил он.

— Конечно, ведь он родом из нашего аула Инжич-Чукун, многие годы работал в газете...

— Да, — промолвил Давлет Хамидович, — чего только не случается в жизни. Вот и эта встреча...

291-й гвардейский полк вел бой на территории Восточной Пруссии. Саитов возглавлял отделение связи полковой минометной батареи. 15 января 1945 года противник, желая помешать успешному наступлению наших частей, начал непрерывный артиллерийский огонь из орудий всех калибров.

При очередном повреждении связи Саитов решил отправиться на задание сам. Где короткими перебежками, где ползком продвигался он вдоль линии. Наконец, разрыв был обнаружен, и связь восстановлена. Нужно было возвращаться назад — к своим. А фашисты, будто взбесились — артиллерийская канонада не умолкала.

«Надо бы где-то переждать, — подумал Давлет. Впереди он заметил блиндаж, над которым поднималась слегка заметная струйка дыма. Добежал до него и увидел, что он заполнен ранеными бойцами. Давлет присел в уголке, стал ждать.

Вскоре артиллерийский огонь несколько поутих. Кое-кто вышел наружу. В блиндаже стало просторнее. Саитов приподнялся и направился к выходу. И тут услышал такой разговор:

— Из каких краев, старший лейтенант? — спросил кто-то.

- Со Ставрополя, — послышалось в ответ.

Сайтов обернулся. Офицер, лежащий на плащпалатке, продолжал:

- Из Карачаево-Черкесии я...

- А из какого района? — не выдержал Сайтов.

- Из Хабезского... Аул Инжич-Чукун...

Недолго проговорили в тот раз земляки — черкес Сайтов и абазинец Агирбов. Сайтову нужно было как можно скорее вернуться в полк.

- Думаю, после победы встретимся дома. Вот тогда и поговорим, — сказал на прощание Давлет.

- Непременно встретимся, — ответил Агирбов.

- Надеюсь, ваши надежды исполнились? — спросил я.

- Представь себе, — промолвил он, — это случилось не сразу.

Встретились мы с Агирбовым лишь два года назад.

- А почему не раньше?

- Трудно сейчас объяснить, почему. Видимо, потому, что мы, солдаты войны, оставшиеся в живых, возвратившись к мирной жизни, как говорится, окунулись с головой в дела. А их так много было в ту тяжелую послевоенную пору! Очевидно, еще и потому, что все годы, вплоть до ухода на пенсию, я трудился на ниве просвещения в своем родном ауле, а Джумаладин Ибрагимович работал ответственным секретарем областной абазинской газеты «Коммунизм алашара» и жил в Черкесске. Теперь мы встречаемся частенько, как бы наверстывая упущенное.

За мужество и героизм, проявленные на полях сражений, Д.И. Агирбов отмечен орденом Отечественной войны 2 степени, медалью «За отвагу» и другими наградами.

А Давлет Хамидович Сайтов ровно через месяц после встречи с Д.И. Агирбовым, 15 февраля 1945 года, тоже был ранен. Орден Славы 3 степени, которым он был отмечен за последний бой, разыскал его лишь в 1956 году в родном ауле. К нему добавились орден Отечественной войны, медали.

К сожалению, Джумаладин Ибрагимович ушел из жизни в конце прошлого века.

Воин из аула Хабез

Успешные операции наших войск на Правобережной Украине и в Белоруссии создали весьма благоприятные условия для нанесения решительных ударов по вражеской группе армий «Северная Украина», освобождения западных областей Украинской ССР.

Противник, стремясь удержать оставшуюся к лету 1944 года в его руках территорию Украины, создал глубоко эшелонированную оборону, чему способствовали пересеченный рельеф местности, лесные массивы, заболоченные пространства. Каждый населенный пункт был превращен в сильный узел сопротивления. Во всей этой системе обороны особое внимание уделялось городу Львову и важному промышленному и нефтяному району — Дрогобыч-Борислав.

Взломать массированную систему обороны и изгнать оккупантов из этих мест предстояло войскам 1-го Украинского фронта. В осуществлении задачи участвовала 38-я армия. В составе 520-го стрелкового полка 16-й стрелковой дивизии этой армии в разгроме противника участвовал и наш земляк Хамурза Ахмедович Асланов. Вот, что писала о нем фронтовая газета:

«Здесь, на господствующей высоте, прикрывающей подступы к населенному пункту, немцы упорно оборонялись. Сильный огонь, который вели они с высоты, не давал возможности подойти к ней.

Подразделению Героя Советского Союза капитану Степуку было приказано: при содействии самоходных пушек прорваться в тыл немцев, посеять панику в их стане. Нанести удар с тыла по их правому флангу.

Группа автоматчиков под командованием лейтенанта Селина, преодолевая скаты, овраги и кустарники, тихо и скрытно подошла к обороне противника. Заметив советских солдат, немцы открыли огонь.

Коммунист Асланов с возгласом: «Вперед, друзья, бей немецких гадов!» — устремился на врага. За ним поднялись все бойцы. Они ворвались в расположение вражеских траншей и автоматным огнем в упор начали расстреливать немецко-венгерских захватчиков. В стане врага поднялась паника. Гитлеровцы начали

отходить. Сержант Асланов, бойцы Матвиевский, Хабанец, комсомолец Костенко, рядовой Коваленко смелым броском вперед преградили пути отхода группе немцев.

Особенно отличился при разгроме врага командир взвода лейтенант Селин, героически сражался коммунист Асланов. В этом бою противник потерял 50 своих солдат и офицеров, было захвачено 5 пулеметов, гранатомет, много винтовок и автоматов, взяты пленные».

Как сообщалось далее в публикации, бойцы подразделения капитана Степука на другой день нанесли врагу второй удар. Ворвавшись в село, они уничтожили немцев, захватили штаб батальона в полном составе во главе с командиром и начальником штаба. Были взяты пленные, радиостанция и другое военное имущество.

Так проявил себя в этих боях сержант, командир отделения автоматчиков Хамурза Асланов из роты автоматчиков Героя Советского Союза капитана Степука.

Как вспоминает Хамурза Ахмедович, описываемые события происходили в боях за город Дрогобыч. За освобождение города его полк получил наименование «Дрогобычский», все автоматчики взвода Селина были награждены медалями «За боевые заслуги», а сам Селин – орденом Красной Звезды.

Это один эпизод подвига нашего земляка. А сколько их было на счету за долгие годы военного лихолетья...

Кадровый красноармеец, 1939 года призыва, завершил свою службу в городе Каунасе, что в Литве. Здесь он встретил войну. Отсюда пришлось отступать с боями до самой Москвы. Защищая ее в составе 885-го гаубичного полка 16-й армии в должности командира расчета, был ранен. После излечения в госпитале в Тамбове оказался на Сталинградском фронте, в составе Первой гвардейской армии. Уже в качестве автоматчика – командира отделения и оборонял волжскую твердыню. А потом были бои на Курской дуге, форсировал Днепр, участвовал в освобождении столицы братской Украины Киева и всей ее территории, в том числе и городов Львова и Дрогобыч.

Когда вся страна, да и весь мир ликовал 9 мая 1945 года по случаю завершения войны, он до 12 мая еще сражался с остатками фашистских войск в столице Чехословакии – Праге.

Если речь ведут о фронтовиках, обычно перечисляют и их награды. Есть они и у Хамурзы Ахмедовича, и немало: и ордена, и медали. Но, как он сам выразился, самыми ценными он считает медали «За оборону Москвы» и «За оборону Сталинграда».

- Я горжусь тем, что в тяжелую годину внес свой посильный вклад в защиту славной столицы нашей Родины Москвы и Сталинграда. Именно разгром немецко-фашистских захватчиков у стен этих городов в значительной мере предопределил ход и исход Великой Отечественной войны.

Дружба, закаленная в боях

В беседах с жителями поселка Орджоникидзевского я не раз слышал ставший почти легендой рассказ о двух друзьях – русском и черкесе, которые родились в одном ауле, вместе росли, учились в школе, а когда началась Великая Отечественная война, ушли на фронт, плечом к плечу сражались в одной части, и свой победный ратный путь завершили в Берлине.

Недавно в Усть-Джегуте мне довелось познакомиться с женой одного из друзей – Надеждой Ивановной Пустовит. Узнав о цели моего визита, она показала мне семейный альбом, в котором хранились, как реликвии, документы, фронтовые письма, награды, фотоснимки военных лет...

И вот, что я узнал от Надежды Ивановны. Родился Николай Григорьевич в ауле Хумара. Его отец Григорий Иванович, работая еще до революции на Кулаевских шахтах, стал одним из первых наставников горцев, помогал им осваивать новые горняцкие профессии. Николай тоже рано приобщился к шахтерскому труду.

Когда грянула война, он вместе со своими аульскими сверстниками ушел на фронт. О его боевых заслугах можно судить по наградам – ордену Красной Звезды, медалям «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина» и другим.

Вскоре состоялась вторая моя встреча с Надеждой Ивановной. На это раз я имел возможность познакомиться с интересными документами, которые по ее просьбе прислала мать Николая Григорьевича. Среди них оказалось его письмо.

«Пущено 19 декабря 1944 года. Привет с фронта! – писал Пустовит. – Здравствуйте дорогие родные – мама, Наташа, Леня и Петя! С этим письмом я посылаю вам три благодарности Верховного Главнокомандующего.

1. За освобождение города Ковель.
2. За прорыв обороны немцев западнее Ковеля с выходом к реке Западный Буг.
3. За овладение крепостью Прага (предместье Варшавы).

Эти благодарности оставьте братьям на память, а также, если я погибну за Советскую Родину, то знайте, где я воевал...

На потершемся и слегка порванном сгибе листа было написано: «В следующем письме ждите фотокарточку на пару с Ибрагимом».

– Ибрагим, – рассказывала Надежда Ивановна, – друг мужа. Семья Николая жила в Хумаре по соседству с семьей Канамата Бесленеева – отца Ибрагима. Николай и Ибрагим вместе росли, вместе пошли в школу. Когда началась война, оба подростка начали работать в шахте. Пришел черед – оба ушли на фронт.

Теперь, когда мне стал известен и второй из друзей, появилась возможность дополнить рассказ моей собеседницы, побывав в самой Хумаре. В семье Ибрагима Канаматовича Бесленеева свято чтут память не только о нем, но и о его друге – побратиме Николае Григорьевиче Пустовите. (Хумаринцы почему-то эту фамилию произносят с традиционным окончанием «Пустовитов»).

Характерно, что и у И.К. Бесленеева оказались такие же награды, как у Пустовита, – орден Красной Звезды, медали «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», и такие же благодарности Верховного Главнокомандующего.

Помните обещание Н.Г. Пустовита выслать в следующем письме фотографию «на пару с Ибрагимом»? У Надежды Ивановны такой фотографии не было, да и в семье Бесленеевых – тоже. Очевидно, солдатам не удалось тогда сфотографироваться. Да и до фотографий ли было! Шли последние дни войны. Советские войска все ближе подходили к самому логову зверя – Берлину. Вместе со всеми в последней битве с врагом принимали участие Н.Г. Пустовит и И.К. Бесленеев.

И лишь 19 июня 1945 года у друзей появилась возможность сфотографироваться «на пару». Сделано это было в городе Виттенберге, где разместились их воинская часть. (Фотография эта оказалась единственной, ее отыскал у своих родственников сын И.К. Бесленеева – Яхья).

Николай Григорьевич и Ибрагим Канаматович почти одновременно демобилизовались и вернулись в Хумару. Долго не раздумывали: пошли опять на шахту добывать уголь для родной страны. Обзавелись семьями. В трудные минуты шли друг к другу за советом, за поддержкой. Как и в годы войны, каждый чувствовал крепкое плечо друга.

В начале пятидесятых годов, когда хумаринские шахты работали, семья Пустовитов переехала в поселок Орджоникидзевский.

- Ой, как нам тяжело было расставаться с Хумарой, с хумаринцами, — вспоминает Надежда Ивановна. Однако переезд несколько не ослабил дружбу наших семей.

И как бы в подтверждение сказанного, стала показывать фотографии, сделанные при встречах. На них вместе со взрослыми запечатлены и дети.

Время неумолимо идет вперед, все дальше отдаляя от нас военные годы. Уходят из жизни ветераны войны. Когда умер Николай Григорьевич, хумаринцы проводили его в последний путь как самого близкого человека. Скончался Ибрагим Канаматович — скорбила вся семья Пустовитов и их родственники.

Они ушли из жизни, но ушли не бесследно, а оставив о себе добрую память. Эту память хранят все, кто когда-либо встречался с этими людьми.

Ордена Давлета Абидокова

Осенью 1946 года его пригласили в Хабез, в районный военкомат и вручили орден Красной Звезды. Военком Доценко, поздравляя Давлета с высокой боевой наградой, которая через два года все же нашла героя, сказал: «А помнишь?.. «Помню...»

Весной 1942 года Абидоков в очередной раз стоял перед райвоенкомом и в очередной раз требовал: «Отправьте меня на фронт!»

В очередной раз Доценко ворошил документы и говорил о том, что, согласно приказу, Абидоков хоть и военнообязанный, не может быть призван в действующую армию по состоянию здоровья. У Давлета была проблема со слухом.

Абидоков настаивал...

Мы сидим с ветераном войны и педагогического труда Давлетом Асхадовичем Абидоковым и он перебирает годы, как бы переворачивая страницы интересной книги, самые волнующие из которых помечены огнем минувшей войны.

...В 1941 году он остался единственным из мужчин-преподавателей в школе аула Зеюко. Бурливший прежде добрыми делами и весельем родной аул словно осиротел. Идешь по улицам, и редко встретишь человека в папаше. Пошли письма с черными вестями о гибели аульчан.

Смотрел на своих ребятишек учитель и щемило сердце от посуровевших их лиц. Наблюдал, как становились они обостреннее чуткими к тем, кто уже прочитал казенную весточку о гибели отца. Окружали стайкой, предлагали кто карандаш, кто перо для ручки, кусочек чурека. В школьном дворе поутихли детские звонкие голоса. И так становилось тяжело, так больно, что с трудом сдерживал крик: да пошлите же вы, пострелята!..

«Ты грамотный, Давлет, — сказала при встрече старуха под темным платком. — Возьми письмо, почитай хорошенько. Не ошибка ли, может, жив?..

Он читал те строки с суровым смыслом и отводил глаза от взгляда женщины.

И снова наполненные горем письма в семьях Шаовых, Шнаховых, Кардановых, Хапанцевых, Шурдумовых...

Он рвался на фронт. И то ли военком уступил натиску Дав-

Именем героя

лета, то ли изменился приказ: взяли Абидокова в маршевую роту. И после двадцатидневной подготовки он — на Воронежском фронте. Здесь и получил боевое крещение. А первый орден Красной Звезды заслужил на Курской дуге, где сошлись в железной схватке бронированные соединения захватчиков и защитников. Давлет воевал тогда в конном взводе разведки. Он был одним из многих солдат, которые накануне сражения вели в глубоком и ближайших тылах фашистов активную разведку, осуществляли меры по дезориентации противника. В те дни Абидоков с друзьями захватил немецкого офицера и доставил его в расположение своего полка. «Языка» забрали в штаб дивизии, а вскоре разведчики оценили важность своей работы по тому, как были награждены участники того рейда в тыл врага.

Многому научился Абидоков в разведке. И уже стал асом, поведя счет «языкам». Но был «разоблачен» и отправлен в отдельный батальон связи — с плохим слухом в разведке служить было нельзя.

Однако и в связи Абидоков отличился. Заслужил второй орден Красной Звезды. А получил его только осенью 1945 года из рук того же райвоенкома Доценко. И они тогда вспомнили весну 1942 года.

Нет, не зря рвался на фронт молодой учитель. Он достойно прошел боевой путь от Кавказа до Будапешта.

Много лет потом коммунист Давлет Асхадович Абидоков учил детей в родном ауле Зеюко. А выйдя на отдых, он не остался в стороне от общественных дел. Абидоков — и агитатор, и бессменный заведующий агитпунктом, первый помощник правления колхоза «Путь Ильича» в период уборки урожая, во всех важных делах.

...Ехал недавно по одной из улиц Зеюко. Вижу, идет бодрой походкой Давлет Асхадович, несет столярный инструмент.

«Здравствуй, здравствуй дорогой. Иду ладить колыбельку для внучки. Племянница — единственная дочь моего погибшего старшего брата — бабушкой стала. Девочка родилась. Готовлю подарок...»

Спасибо Вам, Давлет Асхадович, за щедрость души. За подарок, который готовите правнучке, и за большой подарок, который вы вместе с миллионами советских солдат принесли миру в далеком 45-м году.

Фронтовые треугольники... Их мало сохранилось в наших семьях, ведь после войны прошло более полувека. В этой семье их берегли как зеницу ока. Потому что это были последние весточки от сына, брата, племянника...

Шахим Биждов мечтал учить детей. Но началась война, и он вместе с другими своими земляками ушел на фронт защищать Родину.

Из письма дяде Муталибу:

«Боевой гвардейский привет с передовой. Сообщаю, что вышел живым из боя за город Люблин, крупный опорный пункт немцев на пути к Варшаве. Принят кандидатом в члены ВКП(б)».

А вот еще одно письмо:

«Привет с 1-го Белорусского фронта. Вы пишете, что повседневно помогаете нашей славной Красной Армии громить врага. Спасибо вам и всем землякам за это. На фронте встретился с Тотой Марчануковым из аула Псаучье-Дахе Хабезского района. Он уже лейтенант...»

«Если хотите узнать, как я живу, то вы можете судить: нахожусь на передовой, воюю, освобождаю польский народ от немецко-фашистских захватчиков».

И еще выдержка из письма:

«Люблин от Варшавы — 12- километров. Сейчас ведем уличные бои...»

А это письмо датировано 18 ноября 1944 года: «Наша задача — разбить фашистского зверя в его логове и водрузить знамя Победы над Берлином. В выполнении этой задачи я — боевая единица».

Среди треугольников есть письма на специальном бланке, отпечатанном типографским способом. На одной из сторон — на фоне наступающих войск слова «27 лет Великой Октябрьской социалистической революции». На другой — призыв: «Смерть немецким захватчикам!» Письмо адресовано дяде: «Мы четыре года празднуем годовщину Октября в дни ожесточенных боев. Но 27-ю годовщину Великой Октябрьской социалистической революции празднуем, когда наша славная Красная Армия, одерживая великие победы, громит фашистов в их логове — на территории Германии».

В своих письмах Шахим просит писать побольше о родных, о делах, спрашивает о своих сверстниках — фронтовиках Х-Г. Ду-

дарукове, Д. Хужева, З. Евгамукове, М. Чикатуеве, живы ли они, пишут ли письма. Спрашивает и о тех, кто работает в школе, в райкомах комсомола, партии, облоно.

Близился конец войны. И, естественно, каждый солдат мечтал в душе о скором возвращении домой. «Жалейте маму, не обижайте, ласкайте, как ребенка... Это моя просьба. Пришли фото мамы, твое и других близких. Ведь три года я вас не видел», — это из письма сестре Тамаре.

«...Дорогие родители. Я уже старик, мне 23 года. Как уже сообщал, скоро получу звание офицера. Если спросите, почему не получал раньше, — не было времени, надо было гнать фашистов с территории нашей страны».

А это уже из последних писем Шахима: «За меня меньше думайте. У меня одна дорога — гнать фашистов и закончить войну полным их разгромом».

Эту задачу Шахим Биждов выполнил. Но себя не уберег. «Комсорг батальона, гвардии лейтенант Биждов Шахим Аскерович, — сообщалось из воинской части, — уроженец аула Псыж Черкесского района Черкесской автономной области в бою за социалистическую Родину верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, погиб 30 апреля 1945 года. Похоронен с отдачей воинских почестей в Берлине, Фридрих-штрассе, 43».

Из воспоминаний Т.А. Марчанукова: «В 1943 году в боях на реке Северский Донец (Украина) мы встретились с Шахимом первый раз. А в последний — как раз утром 30 апреля 1945 года. В указанный день часть пехоты, штурмом преодолев железнодорожную насыпь, которая проходила поперек Фридрих-штрассе, продолжала занимать жилые здания и корпуса строений. Случилось так, что на штурм батальон повел отважный офицер, молодой коммунист Ш. Биждов».

Гвардии лейтенант Ш. Биждов погиб в этом бою, не дожив всего несколько дней до падения Берлина и полной победы над фашистской Германией.

Наш арtpолк поддерживал наступающих пехотинцев артиллерийским огнем. С помощью товарищей похоронил Шахима на том же месте, где он погиб, у железнодорожного полотна».

Благодарные земляки в память о достойном сыне своего народа назвали именем Шахима Биждова одну из улиц в ауле Псыж.

Это очерк о человеке, чья жизнь может служить примером. Факты, о которых пойдет речь, он поведал мне во время неоднократных встреч и доверительных бесед. При его жизни я не успел сделать их достоянием людей, хотя и имел на это его согласие. Делаю это сейчас. И пусть очерк этот станет доброй памятью о нем.

Летчик военно-воздушных сил Тихоокеанского флота старший лейтенант Мухамед Рамазанович Койчев, получив весной 1946 года свой первый отпуск за долгие годы Великой Отечественной войны, отправился на побывку в родной аул Эльбурган, что в Хабезском районе. Ехал поездом. Было предостаточно времени для воспоминаний. И поразмыслить было о чем, ведь позади — Великая Отечественная...

... У Рамазана Калимурзовича Койчева было пятеро сыновей: Закерия, Мусса, Индрис, Мурат и самый младший Мухамед. Все старшие братья в разное время отслужили действительную. Мухамед тоже по окончании Черкесского педагогического училища в 1939 году поступил в Ейское летное училище — была у него давняя мечта стать летчиком. Годы учебы пролетели, как один день. Настал июнь 1941 года — напряженные дни сдачи госэкзаменов. И эти дни остались позади. Начались приятные хлопоты по подготовке к выпускному вечеру. А тут... грянула война.

Страшной болью отозвалась она в сердце каждого. Вчерашние курсанты, сегодняшние лейтенанты в эти суровые для Родины дни враз повзрослели. Разъехались без задержки по разным фронтам с намерением сделать все возможное, чтобы крепко бить оголенного врага.

В моменты напряженной боевой жизни не один раз вспоминал Мухамед тот день, когда его провожали в училище, напутствия отца, в ту пору разменявшего седьмой десяток. Испытав на себе всю тяжесть подневольного труда, отец с радостью принял Советскую власть, в числе первых вступил в колхоз и всеми силами содействовал его укреплению. Поэтому наставлял своих сыновей верно служить своей стране. И как сегодня Мухамед помнил слова, сказанные отцом:

— Ты, Мухамед, самый младший из братьев. Они вот сидят рядом с тобой. Пусть они еще раз послушают то, о чем я говорил

каждому в свое время и хочу сказать тебе сейчас. Настал и твой черед идти на службу в Красную Армию, учиться на летчика-командира, к чему ты еще с детства стремился. Для мужчины-горца всегда было великой честью защищать свою родину от врагов. В благодарной памяти народной навсегда оставались имена тех, кто на поле брани проявлял храбрость, а о тех, кто при необходимости отдавал за нее свою жизнь, слагались песни, и они передавались из поколения в поколение. И всенародного презрения заслуживал тот, кто проявлял трусость. В нашем роду не было такого мужчины, которому когда-либо было сказано: «Смени свою папаху на женский платок». Так помни, сын мой, об этом и будь настоящим джигитом, всегда дорожи фамильной честью, приумножай ее своими ратными делами! А еще помни: где бы ты не находился, каждый город, каждое село нашей большой страны – это твой родной Эльбурган, где родился и вырос. Каждая ее гора – это родной Бабук, у подножия которого раскинулся наш аул, каждая ее большая или малая река – это твой родной Инжич, чьими водами ты вспоен.

Этот наказ глубоко врезался в памяти Мухамеда Рамазановича. Он помнил его всегда и свято следовал ему. И вот сейчас в пути, в железнодорожном вагоне, вновь и вновь анализируя свой боевой путь и сверяя его с наказом отца, думал про себя: «Наказ отца, а стало быть, наказ Родины, я выполнил...»

И тут же, как бы спрашивал себя: «А как же его выполнили мои старшие братья, которые почти одновременно в 1941 году ушли на фронт?» И холод потери, и боль входили в сердце. Самый старший, Закерия, свято выполняя свой солдатский долг, погиб в 1943 году на орловской земле. Известно и место его захоронения. На двух других братьев, Муссу и Индриса, пришли извещения: «В боях за Советскую Родину пропали без вести...» «А где же Мурат? Кого из близких не просил, никто о нем ничего не упоминает в письмах. Будто в воду канул!» Этот вопрос особенно волновал его.

... Двойное чувство овладело М.Р. Койчевым уже с первых дней пребывания в Эльбургане. С одной стороны, радовали встречи с матерью (отец умер в 1942 году), сестрами, друзьями, товарищами, оставшимися в живых. Ласкали глаз родные места, которые он так давно не видел.

Все дни пребывания в ауле у Мухамеда Рамазановича не выходила из головы мысль о Мурате. Его попытки начать с кем-либо из земляков разговор о нем не находили поддержки. И вот в один из последних дней своего пребывания в ауле, выбрав удобный момент, он начал разговор с матерью:

– Чует мое сердце, мама, что с Муратом что-то неладное, и вы все скрываете это от меня. Я должен все узнать о нем до своего отъезда. Расспрашивать о нем никого больше не буду. Лучше ты сама все Расскажи.

Долго сидела мать в глубоком раздумье, прежде чем начала разговор:

– Что скрывать от тебя, сынок, – тяжело вздохнув, медленно начала она. – Мне не хотелось омрачать твой отпуск, потому и молчала. Приезжал он во время фашистской оккупации в форме немецкого солдата. Рассказывал, что попал в плен, а потом его завербовали в какую-то воинскую часть. Нес при ней охранную службу. Побыл не долго, уехал. Вот и все, что я знаю. Против наших не воевал».

Мухамеда Рамазановича будто к месту пригвоздила невидимая сила. Казалось, сердце вот-вот остановится.

Последние дни Мухамед Рамазанович Койчев ходил мрачным, осунулся и казался постаревшим.

Нелегким был обратный путь М.Р. Койчева. От дум, казалось, распухнет голова. Именно здесь, в железнодорожном вагоне, в котором он возвращался на Дальний Восток к месту службы, и созрело у него твердое решение.

В политотделе долго беседовали с коммунистом М.Р. Койчевым по поводу его рапорта об увольнении из армии. Но он твердо стоял на своем – поступок брата лишает его права носить военную форму.

Конечно, жаль было товарищам расставаться с мужественным, хорошо знающим свое дело боевым офицером. Они помнили, как отлично выполнял он ответственные задания в тылу врага, как в составе первой авиаэскадрильи 44-го Краснознаменного авиаполка третьей минно-торпедной авиадивизии имени Острякова храбро сражался с врагом, за что был отмечен орденом Красной Звезды, благодарностями Верховного Главнокомандующего.

- Мне нелегко расставаться с вами, — говорил товарищам Койчев. — Но поймите меня правильно: находясь в рядах Советской Армии, я не хочу, чтобы кто-либо когда-либо упрекнул меня за брата. Мне стыдно и перед своими боевыми товарищами за него, хотя в чем-то виноватым себя не считаю.

М.Р. Койчев получил согласие на увольнение из армии.

Вернулся он со своей супругой Верой Дмитриевной в аул Эльбурган. Какое-то время учительствовал в местной школе, работал председателем сельского Совета. Вскоре был выдвинут на должность заведующего районным отделом культуры, избирался секретарем партийной организации Хабезской МТС, а позже колхоза «Путь Ильича». Долгие годы возглавлял плановую комиссию исполкома районного Совета. Последние десять лет был бессменным председателем профсоюзного комитета совхоза «Хабезский» и одновременно заместителем секретаря парткома. Избирался в состав райкома КПСС, неоднократно — депутатом районного и сельских Советов. Везде и всегда свои служебные и общественные обязанности исполнял самым добросовестным образом. И не случайно, к его боевым наградам добавились трудовые: орден «Знак Почета», медали, почетные грамоты.

Слово о земляке

Он родился в 1923 году в абазинском ауле Инжич-Чукун, в многодетной семье Агирбовых. Рашид был первенцем. Окончив среднюю школу, он непродолжительное время проработал на угольной шахте в а. Хумара и был призван в Армию, а вскоре попал на фронт. Рашид был искренне убежден, что ему повезло. Дело в том, что его отец в предвоенные годы репрессий был арестован органами НКВД. А дети, так называемых в ту пору «врагов», за редким исключением, не могли участвовать в боевых действиях во время Великой Отечественной войны. Им не доверялось.

О том, что комсомолец Рашид Агирбов был отважным солдатом, сомнений быть не может. И это хотя бы потому, что уже в 1944 году он был удостоен звания младшего сержанта в должности командира отделения. Вот как упоминается о нем в книге «51 армия», вышедшей в 1983 году в издательстве «Воениздат»: «Вражеские танки вклинились в боевые порядки 943 стрелкового полка, но его боевые подразделения не отступили, отражая атаки фашистской пехоты. В районе железнодорожного полотна отделение младшего сержанта Р.А. Агирбова подбило два танка, пулеметным огнем истребило две роты вражеской пехоты...»

И далее цитируем со страницы 222: «...Р.А. Агирбов со своим отделением оказался отрезанным от роты, но не растерялся. Через развалины вышел в тыл минометной батареи и, забросав ее гранатами, заставил противника сложить оружие».

Это произошло в 1944 году в боях за город Севастополь. Тогда многие освободители Крыма получили заслуженные награды, кроме старшего сержанта Агирбова. И это не смотря на то, что его имя фигурировало в списках награжденных. Как стало позже известно Рашиду Аминовичу, причина такой несправедливости крылась в аресте его отца Амина Шугаиловича. Сын тогда не знал, что отец был расстрелян еще в 1940 году.

Во время боев за город морской Славы России — Севастополь, Р.А. Агирбов был тяжело ранен и оказался в одном из госпиталей города Ставрополя.

В тот период войны Советская Армия вела наступление уже по всем фронтам западного направления. Но, несмотря на это, воинское командование продолжало подготовку кадров. С этой це-

лю в госпиталь часто наезжали представители военных училищ для отбора будущих курсантов.

Здоровье Рашида Агирбова шло на поправку, и он уже мечтал поскорее попасть на фронт. Но судьба распорядилась по-своему, и молодой сержант вскоре стал курсантом Шадринского кавалерийского училища.

С первых же дней Агирбов проявил себя отличником боевой и политической подготовки. Государственные выпускные экзамены он сдал блестяще. Здесь в училище он встретил День Победы.

В день вручения офицерских погон на плацу был выстроен весь курсантский и преподавательский состав. Звучали марши духового оркестра, и из строя, чеканя шаг, выходили счастливые выпускники. Каждый из них получал новенькие погоны лейтенантов. Рашид Агирбов с трепетным волнением ждал, когда назовут его фамилию. А ведь по алфавиту его фамилия должна была прозвучать в числе первых. Вот уже почти все новоиспеченные лейтенанты стоят в отдельном строю. И вновь судьба сыграла с ним злую шутку. Все выпускники получили офицерские звания, кроме Агирбова и молодого парня с Дона, сына репрессированного казака. Им, двоим, вручили старшинские погоны и отправили по воинским частям.

А у Рашида Агирбова, ко всему, еще была депортирована в 1943 году вся семья в Среднюю Азию. Дело оказалось в том, что мать у Агирбовых была карачаевкой. И не смотря на то, что отец — абазин, Агирбовы попали под общую гребенку, испытав все тяготы изгнания, выпавшие на долю карачаевского народа.

До середины 50-х годов Р.А. Агирбов служил в кавалерийском полку в г. Пятигорске. Здесь он пользовался заслуженным авторитетом, как грамотный исполнительный воин и непревзойденный кавалерист-спортсмен.

На всех конно-спортивных праздниках Агирбов показывал лучшие результаты. А еще он был отчаянным мастером джигитовки, демонстрируя виртуозные трюки, когда на своем жеребце Абреке на полном скаку перемахивал через стоявшую поперек беговой дорожки бортовую автомашину ГАЗ-51.

Когда полк был расформирован, Рашид Аминович демобилизовался. Трудовую деятельность после службы в Армии он начал в кооперации города Горячеводска, что под Пятигорском.

Вскоре Агирбов был утвержден председателем рабочего кооператива одного из крупнейших на Кавминводах совхозов № 25. Здесь и проявились лучшие качества Рашида Аминовича как талантливого руководителя и специалиста системы кооперации, за что его коллектив неоднократно отмечался различными наградами в виде Благодарственных грамот и переходящих знамен за отличные показатели. Без отрыва от работы Агирбов заочно окончил торговый институт.

В начале 60-х годов о своем знаменитом земляке, прославившемся на весь Ставропольский край, вспомнили и в Карачаево-Черкесии. Его пригласили на работу Председателем Облпотребсоюза, где он проработал около 20 лет.

Система централизованной кооперативной торговли была направлена, главным образом, на обслуживание сельского потребителя. И это не только организация пунктов общественного питания и кооперативных магазинов, но и закупка у населения продуктов, и обслуживание сельских тружеников на полевых станах и горных выпасах.

По общему стажу своей непрерывной работы в качестве руководителя Рашид Аминович во всей Российской кооперации был в числе первых. Таких ветеранов было немного.

Под председательством Агирбова практически во всех населенных пунктах области были открыты новые магазины, закусочные и рестораны. В городе Черкесске было построено великолепное административное здание Облпотребсоюза.

В эти же годы Агирбов Р.А. наконец получил свои заслуженные боевые награды. Это медаль «За Отвагу» и орден Отечественной войны 1-й степени.

На трудовом фронте Рашид Аминович добился не меньших успехов. Его организаторские способности, проявившиеся в родной Карачаево-Черкесии, способствовали тому, что показатели достижений кооператоров нашей области были подняты до Всесоюзного уровня. За свою многолетнюю добросовестную работу и активную общественную деятельность в качестве бессменного депутата Областного Совета народных депутатов Р.А. Агирбов был удостоен звания «Заслуженный работник торговли РФ» и награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Рашид Аминович Агирбов прошел славный жизненный путь вопреки всем преградам, встречавшимся на его пути, и в наших сердцах оставил о себе самую добрую память.

Сегодня на доме № 20 по улице Первомайской города Черкесска, где он прожил многие годы, установлена мемориальная доска в его честь. А в школьном музее «Боевой Славы» его родины — аула Инжич-Чукун, действует постоянная экспозиция, посвященная Р.А.Агирбову.

Вся яркая жизнь Рашида Аминовича служит достойным примером для подрастающего поколения, а имя его останется навсегда в памяти тех, кто имел счастье общаться с ним.

Из когорты патриотов

Не только в Карачаево-Черкесии, но и далеко за ее пределами известны подвиги жителей аула Бесленей Хабезского района. Это революционная и общественно-политическая деятельность Даута Напхovichа Гутякулова, стоятинадцатилетие со дня рождения которого отмечает общественность республики. Это спасение от голодной смерти и фашистских пуль десятков детей, эвакуированных из блокадного Ленинграда, усыновление многих из них аульчанами. Это доблестный ратный труд в годы Великой Отечественной войны.

С первых дней Великой Отечественной войны все взрослое мужское население встало на защиту Родины от фашистских захватчиков, и эти ряды до самой Победы пополняли все новые и новые поколения бесленсцев. Многие из них отважно сражались с врагом, будучи офицерами, командуя подразделениями различных родов войск. Это подполковник Джамбот Тазартуков, командир кавалерийского полка, дошедший со своими конногвардейцами-казаками до столицы Австрии Вены, награжденный за воинскую доблесть шестью орденами, среди которых орден Ленина, два ордена Красного Знамени и орден Александра Невского. Доблестно сражались на фронтах Великой Отечественной войны и его пять братьев.

Это и офицеры Мурзабек Агаржанов, Хасамби Карданов, Мусса, Мухамед и Анзор Охтовы, Нур Шагошев, Бемурза Патов, Пашагери Унежев, Хатажуко и Амин Наптуговы, другие их земляки, среди которых и Азамат Мамтов, о котором я хочу сегодня рассказать.

Родился Азамат Мамтов в 1918 году в крестьянской семье. Нужно ли говорить, что мальчишкам, выросшим в селе, с самых ранних лет приходилось помогать родителям. Рос Азамат трудолюбивым, целеустремленным и пытливым. К знаниям тянулся, как к роднику в знойный день. В своем ауле окончил начальную школу, потом поступил в школу крестьянской молодежи, затем поехал в Черкесск, чтобы учиться дальше. Поступил в педагогическое училище. Учился блестяще, и после окончания педучилища Мамбетова пригласили в качестве корреспондента в черкесскую газету. Однако юноше пришлось заниматься журналистикой недолго. В

сентябре 1938 года он был призван на службу в Красную Армию. Провожавшие его родные и друзья, да и он сам, тогда еще и предположить не могли, что армия станет его судьбой, и большая часть биографии Азамата Татлустановича будет связана с воинской службой.

Новобранец с Кавказа был направлен на Дальний Восток. Парень из аула, для которого и первая поездка в Черкесск была событием, проехал чуть ли не всю страну с запада на восток и оказался в местах с иной природой, климатом. Тем не менее, адаптации не потребовалось, к службе отнесся как к любой другой работе, которую парень из крестьянской семьи привык выполнять на совесть. Трудно или нетрудно привыкать к новым условиям, другому часовому поясу, а работать надо. Служил пулеметчиком, за старание, дисциплинированность и способности к ратному труду уважали его не только ровесники-бойцы, но и командиры. Да и сам он довольно быстро стал командиром отделения.

Но дослужить на Дальнем Востоке до «дембеля», как теперь говорят, не удалось, пришлось еще раз пересекать страну, теперь уже точно полностью — с востока на запад. Воинскую часть, где служил Азамат Мамтов, перевели в Белорусский особый военный округ. И воевать ему пришлось раньше, чем началась Великая Отечественная война. В составе 23-го стрелкового полка 8-й стрелковой дивизии он сражался с белофиннами, участвовал в освобождении Западной Украины и Западной Белоруссии.

Прослужив год и успев понюхать пороху, Мамтов приходит к выводу, что профессия запитника Родины ему ближе, чем педагогика и журналистика. В 1939 году он становится курсантом Минского пехотного училища имени М.И. Калинина. В то время шло техническое перевооружение Красной Армии, и наиболее востребованной фигурой в ней стал командир-танкист. Поэтому учебное заведение было преобразовано в Ульяновское (Минское) танковое училище имени М.И. Калинина. По завершению нормативного курса обучения молодого лейтенанта оставили в училище командовать взводом. А вскоре началась война...

В сентябре 1941 года помощник по оперативной обстановке начальника штаба 1189-го стрелкового полка 4-й ударной армии Северо-Западного фронта Азамат Мамтов уже участвует в боевых операциях.

13 января 1942 года при освобождении станции Бена Калининской области он был тяжело ранен. Множественное осколочное ранение правой голени и стопы надолго приковало к больничной койке. После лечения в госпитале города Вышний Волочок был направлен на службу в запасной полк. Вся его дальнейшая военная служба до окончания Великой Отечественной войны проходила в составе Закавказского фронта.

Как известно из истории, гитлеровцами на юго-востоке от границ готовился плацдарм для войны против СССР. Этот плацдарм дополнительно обеспечивался благоприятной для германского империализма политикой Турции, правящие круги которой превратили свою страну в фактического союзника фашистской Германии, всячески способствуя ее агрессии и рассчитывая принять участие в войне против СССР на ее стороне.

Это вынудило командование Красной Армии содержать в Закавказье достаточно вооруженных сил, чтобы противостоять указанным агрессивным устремлениям.

И на долю Азамата Мамтова выпало нести военную службу именно здесь. В должности автотехника 140-го истребительного противотанкового полка прилагал все усилия для поддержания высокой боевой готовности своего подразделения. Затем старший лейтенант Мамтов служил в должности старшего адъютанта танкового батальона 227-й отдельной танковой бригады Закавказского военного округа.

В 1948 году Мамтов был направлен в Ленинградскую высшую офицерскую бронетанковую школу. По завершении учебы он вернулся в 227-й армейский тяжелый танко-самоходный полк 7-й гвардейской армии Закавказского военного округа начальником штаба батальона.

С января 1953 года майор Мамтов — заместитель начальника штаба 94-го механизированного полка 26-й механизированной дивизии 7-й гвардейской армии Закавказского военного округа. С этой должности в феврале 1956 года он был уволен в запас по болезни.

За участие в Великой Отечественной войне и за военную службу майор А.Т. Мамтов удостоен орденов Отечественной войны 2 степени, Красной Звезды, медалей «За боевые заслуги», «За победу над Германией», «За оборону Кавказа» и др.

Но и на «гражданке» А. Мамтов не скучал без дела. Он шел на самые трудные участки работы и отдавал ей себя сполна. Возглавлял партийную организацию одного из крупнейших совхозов Ростовской области. После возвращения на родину он, коммунист с 1944 года, руководил партийной организацией укрупненного совхоза «Черкесский», объединявшей 7 населенных пунктов, в том числе и его родной аул Бесленей. Непродолжительное время трудился в системе сельской торговли в качестве председателя районного потребительского союза.

В коллективах, где работал Азамат Татлустанович, он всегда оставлял добрый след и память о себе как о высокопорядочном, честном, отзывчивом к нуждам людей человеке. После окончания заочного юридического факультета вуза всецело отдался оказанию людям квалифицированной правовой помощи. И сегодня можно немало встретить людей благодарных ему за помощь.

Азамата Татлустановича уже нет среди живых. Он похоронен в родном ауле, где его имя чтят среди имен многих славных бесленеевцев.

Медаль за бой, медаль за труд

Боец фронта и тыла – так можно назвать нашего земляка, жителя аула Инжич-Чукун Амерби Шамеловича Агирбова. Среди наград, украшающих грудь бывшего воина, две медали – «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.»

Из биографии:

Сентябрь 1940 года. Призван в ряды Красной Армии. Служба в авиационном полку в Симферополе. Школа младших авиаспециалистов в Херсоне.

1941 год. Как эхо прокатился по всей стране грохот первых боев. С напряженным вниманием слушали люди сводки Совинформбюро. Младший сержант Агирбов был направлен в 118-й полк морской авиации, который размещался у хутора Очаково Николаевской области.

Начались фронтовые будни. Трое суток бойцы отражали наступление врага, стремившегося во что бы то ни стало захватить Николаев. Трое суток не отходил от боевых самолетов техник Агирбов.

А потом был Севастополь. Ожесточенные бои, ежедневные атаки врага изматывали защитников черноморской твердыни.

Однажды в расположение авиаполка прибыл представитель командования обороны Севастополя. Речь, обращенная к солдатам-авиатехникам, была короткой:

- Многие из вас просились на передовую, – сказал он. – Мы не могли удовлетворить ваши требования: вы были нужны здесь. Сейчас, когда нависла угроза прорыва обороны города, я обращаюсь к вам – настало время исполнить свой долг.

Часть личного состава авиаполка, в котором служил наш земляк, влилась в ряды защитников Севастополя. По две-три атаки противника отражали ежедневно наши воины. Около полумесяца А.Ш. Агирбов участвовал в боевых операциях. Был ранен. В госпитале потирали врачей: побыстрее выписывайте, надо непременно догнать свой полк.

Вскоре он снова был на передовой. Снова фронтовые дороги, снова бои...

В районе Новороссийска технический персонал полка влился во вновь сформированную бригаду морской пехоты. Основной ее целью было приостановить продвижение противника. Заняли оборону у Сахарной Головки между Новороссийском и Геленджиком.

Из биографии:

В одном из боев под Новороссийском Амерби Шамелович был ранен и тяжело контужен.

В августе 1943 года он вернулся в родной аул. Но недолго отдыхал Агирбов. Время было трудное, каждый человек – на счету. Вызвал его секретарь райкома партии. Рассказал о положении в районе, о большой нехватке кадров. И вскоре Агирбова избрали секретарем районного комитета ВЛКСМ.

Большую помощь оказали жители района фронту. В октябре 1944 года они собрали 300 тысяч рублей и на один миллион рублей облигаций государственных займов. На эти средства было построено звено самолетов «Хабезский колхозник». И в этом – весомый вклад секретаря райкома комсомола А.Ш. Агирбова, который и к людям шел с горячим словом, и сам внес свои сбережения.

Из биографии:

В 1946 году Агирбову были вручены сразу две медали – «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.» и «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.». Позже к ним добавился орден Отечественной войны I степени.

Амерби Шамелович работал заведующим финансовым отделом Хабезского районного Совета народных депутатов. 37 лет – таков его стаж работы в этом учреждении. Министерство финансов СССР удостоило его звания «Отличник финансовой работы». Много раз избирался Агирбов членом Хабезского райкома КПСС. Он бессменный депутат и член исполкома районного Совета народных депутатов, председатель районного совета ветеранов войны и труда. И не даром, когда он выступает перед молодежью, юноши и девушки, затаив дыхание, слушают рассказы ветерана войны и труда.

К сожалению, жизнь достойного человека оставляет на сердце глубокие зарубки, а порой и незаживающие раны. Ушел из жизни ветеран войны и труда, замечательный человек и семянин Амерби Шамелович Агирбов. Случилось это в 2006 году.

Озер – сын Хасана

Было это несколько лет назад. Присутствуя на большом областном совещании работников государственной торговли и потребительской кооперации в городе Черкесске, я услышал в докладе и в выступлениях его участников много теплых слов, адресованных Хасану Харатокову, заведующему хозяйственным магазином аула Кара-Паго, активному участнику Великой Отечественной войны, передовику производства, мудрому наставнику молодежи.

Загорелся желанием подробнее узнать о нем. Встретились мы с Хасаном Харатоковым в его родном ауле. Он оказался очень обаятельным и милым человеком, душевным собеседником. Выяснилось, что у него 4 сына и 3 дочери. Он начал перечислять их по именам:

- Старший сын – Озер...

Я удивился, впервые услышав такое имя.

- О, это целая история, – улыбнулся Харатоков.

Веттехник колхоза имени Калинина аула Каро-Паго, что в нынешнем Прикубанском районе, Хасан Харатоков в самом начале 1939 года был призван на действительную военную службу в Красную Армию. И оказавшись на Дальнем Востоке, начал служить в дивизии, участвовавшей в разгроме японских захватчиков, вторгшихся у озера Хасан на территорию СССР. О своих делах он сообщал родным и друзьям в аул Каро-Паго и ответные письма ждал с нетерпением. Ведь дома он оставил свою молодую жену, готовившуюся стать матерью.

Вскоре с родины пришло письмо с реквизитами аульского Совета депутатов трудящихся. Казенный конверт его несколько озадачил, но отлегло на душе, когда стал читать его.

«Дорогой наш Хасан, – сообщалось в нем, – мы, твои друзья, (далее перечислялись имена), собравшись в твоём доме по случаю радостного события – рождения твоего сына-первенца, – а случилось это 25 июня 1939 года, решили поздравить тебя с этим знаменательным событием семейной жизни. И, как тебе ведомо, у горцев в традиции право наречения именем мальчика предоставляется друзьям его отца, вот мы и решили так: ты сам по имени Хасан и несешь военную службу в районе озера Хасан, где недавно наша доблестная Красная Армия наголову разгромила непро-

шенных гостей — японских захватчиков. Чтобы особым образом запечатлеть в памяти карапагцев этот исторический акт и акт рождения твоего наследника, мы и назвали его необычным именем — Озер.

Отныне в документах аулсовета зарегистрирован еще один гражданин СССР — Озер Хасанович Харатоков. Пусть он вырастет достойным сыном нашей великой Родины, как те красноармейцы и командиры, которые не жалея своей жизни, героически отстояли ее восточные рубежи. Пусть его имя всегда будет для наших земляков призывом к мужеству, героизму и верности своей Отчизне!»

Замечу, что текст письма восстановлен со слов тогдашнего председателя аульского Совета депутатов трудящихся Мумен-Герия Харлиевича Кишпахова, в последующем ветерана войны и труда. Он же и напомнил, что фамилии и подписи в письме всех участников имя наречения он заверил своей подписью и печатью.

Как мог этому возразить Хасан? Теперь все его мысли были о том, как вернется он после службы в аул, как будет воспитывать своего первенца.

Однако судьба военного человека не всегда зависит от него самого. Вскоре Хасана откомандировали в город Хабаровск в военно-ветеринарное училище. Теперь у курсанта Харатокова появилась новая забота — учеба. И опять мечта: успешно завершить учебу в училище и во время отпуска навестить своих родных перед началом кадровой службы уже в новом качестве. По его прикидкам, это должно было случиться не ранее осени 1941 года.

Радужные мечты его, как и многих его сверстников, были исковерканы вероломным вторжением немецко-фашистских захватчиков в нашу страну.

В числе семнадцати лучших курсантов он был направлен на фронт.

В составе 982-го артиллерийского полка (на конной тяге) 413-й стрелковой дивизии уже в августе 1941 года принял боевое крещение в боях под Смоленском, защищал Тулу, участвовал в уничтожении окруженного противника в Брянских лесах. С боями дошел до берегов Балтийского моря, брал города Данциг, Штеттин, освобождал Варшаву. В боях за столицу Польши сражался и его старший брат Заудин — командир отделения разведки 81-й отдельной разведроты. Потом он умер от ран в марте 1945 года в

Германии. Самый старший брат, Гузер, пропал без вести в апреле 1943 года.

Хасан Захекевич в звании старшего сержанта официально значился в должности ветеринарного инструктора дивизии. Однако наряду с исполнением обязанностей по специальности (лечение раненых лошадей) он всегда оказывал помощь раненым солдатам, отправлял их в санчасти. А в критические моменты становился артиллеристом и разил врагов вместе со всеми.

Его вклад в победные дела дивизиона полка отмечен орденом Красной Звезды, медалями «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Москвы», «За освобождение Варшавы» и другими.

Уже в мирные дни к его наградам добавились орден Трудового Красного Знамени, медаль «За трудовое отличие» и многие другие знаки трудовой доблести. Он был удостоен звания «Отличник советской торговли».

Ушел из жизни замечательный человек, воин-труженик. Добрым словом вспоминают его все, кто когда-либо с ним встречался или общался.

Читатель вправе спросить: а какова же судьба Озера?

Отвечу. С началом войны все друзья Хасана Харатокова вместе с другими аульчанами ушли на фронт. В ауле оставались лишь старики, женщины и дети. Вскоре черные дни оккупации нависли и над маленьким абазинским аулом Кара-Паго. Как и всюду, были уничтожены документы не только аулсовета, но и вышестоящих органов. И когда, после изгнания захватчиков, их восстанавливали, было допущено искажение имени мальчика. Какому-то малограмотному секретарю аулсовета, очевидно, трудно было осмыслить имя Озер, и он, то ли по чьему-то совету, то ли самостоятельно, переименовал его в Махо.

Как и его отец, Озер при достижении призывного возраста ушел на службу в армию. Служил он в артиллерии — в ракетных войсках. Овладел специальностями стрелка, механика-водителя артиллерийской тяги и ракетного орудия. За время прохождения военной службы сержант Харатоков был сфотографирован у знамени полка как отличник боевой и политической подготовки, получил 28 различных поощрений, в том числе и краткосрочный отпуск. Был назначен командиром расчета, удостоенного его стараниями звания «Отличный».

Озер работал водителем треста «Карачаево-Черкессксельстрой». За успехи в труде награжден почетной грамотой Министерства сельского строительства и ЦК профсоюза рабочих строительства и промстройматериалов Российской Федерации, удостоен премии. Пользовался большим уважением в трудовом коллективе.

Хотя по паспорту его имя теперь звучало как «Махо», среди родственников, друзей, сослуживцев он был и остался «Озер».

С этим необычным именем его проводили в последний путь. К сожалению, это случилось в 2005 году. Память об этом замечательном человеке – Озере Хасановиче – сохранится у всех, кто когда-либо знал его, также как и память о его славном отце – защитнике Родины Хасане Харатокове.

Акимовна

Эту женщину, которая жила в многоэтажном доме по улице Горького, 4 республиканского центра, знали многие. Подолгу стояла она у подъезда, смотрела вдаль и молчала... Это была Матрена Акимовна Руденко.

В августе 1941 года проводила Акимовна на фронт своего мужа Михаила Тимофеевича. Самая мирная профессия была у него – пекарь. Сменил он ее на военную – пулеметчика. В своих письмах сообщал, что храбро сражается с ненавистным врагом, что немало захватчиков нашли свою смерть от его «максима». Последнее письмо пришло в декабре 1941 года из-под Харькова. В нем он сообщал, что установил связь с сыном Виктором, который с первых дней войны участвовал в боевых операциях на Смоленском направлении. Обращаясь к жене, просил делать все, чтобы младшие сыновья Володя и Михаил учились хорошо, вели себя достойно.

Не знала, не гадала Акимовна, что война будет затяжной, что воевать придется и младшим ее сыновьям, что Володя осенью 42-го уйдет на фронт, будет освобождать Северный Кавказ, участвовать в боях за Новороссийск, в керченском десанте, освобождать Севастополь и с боями дойдет до Вены.

В мае 1943 года получила Акимовна извещение о том, что ее муж, Михаил Тимофеевич Руденко, пропал без вести. Затем пришло письмо от Виктора, который сообщал, что в августе 1942 года был тяжело ранен и что, возможно, скоро вернется домой.

Нелегко было Матрене Акимовне читать эти строки, но мужественно, стойко перенесла она свое горе, никому не жалуясь. С удвоенной энергией продолжала работать в хлебопекарном цехе артели имени Красных партизан, где заняла место мужа на второй день после его ухода на фронт.

Виктор вернулся с войны инвалидом. Работал в сберкассе, но раны давали о себе знать, и скоро пришлось Акимовне проводить сына в последний путь.

Как бесценную реликвию (других у нее не осталось) бережно хранила Матрена Акимовна статью из газеты «За Советскую Родину».

«... В апреле 1944 года, — говорится в этой статье, — шли ожесточенные бои за город Севастополь. Продвижению подразделения мешал вражеский пулемет, который был установлен в доте.

- Рядовым Руденко, Смирнову и Васильеву гранатами взорвать дот! — последовал приказ командира, и воины под пулеметным огнем противника быстро поползли вперед. Вражеский дот вместе с гарнизоном взлетел на воздух. Правительство наградило рядового Руденко орденом Славы третьей степени».

Эти строки были написаны уже после того, как Владимир Руденко стал офицером Советской Армии. Кроме ордена Славы, его подвиги отмечены двумя медалями «За отвагу». Около 25 лет находился он на военной службе, позже трудился на заводе холодильного машиностроения заправщиком аккумуляторов.

Рассказ о семье Руденко будет неполным, если не упомянуть о самом младшем — Михаиле. Четырнадцатилетним подростком в 1943 году он пошел работать на Черкесскую обувную фабрику, в 15 лет стал бригадиром комсомольско-молодежной бригады, комсоргом. С 1959 года живет и работает в Ставрополе, стал инженером-механиком.

... Мы простились с Владимиром Михайловичем, а Матрена Акимовна вышла проводить меня на улицу. И долго еще стояла, напряженно вглядываясь в вечерние сумерки. Как будто ждала кого-то...

Героическая Матрена Акимовна за свой материнский подвиг заслуживает похвалу и добрую память о себе.

Сердце матери

В ауле Псыж в 1994 году, накануне Дня Победы, был открыт мемориальный памятник жителям этого населенного пункта, погибшим в Великой Отечественной войне. И потом, сколько бы раз мне не приходилось бывать здесь, радовало состояние этого памятника: чистота вокруг, цветы, молодые деревца. По всему видно, чья-то заботливая душа отдаст этому месту все, что может. Такое отрадное впечатление оставило это место в очередной мой приезд. Вновь перечитываю, уже в который раз, фамилии на русском и абазинском языках тех, кто сложил свои головы на поле брани. А таких из Псыжа — 171 человек. И снова меня, как прежде, порадовало благоустройство здешнего места. Тут заметно поднялись к небу туи и серебряные ели — еловые часовые у обелиска. Благоухают цветы. И чистота...

- Кто же так заботится об этом месте? — не удержался я и спросил у стоявшего рядом местного жителя. И, честно скажу, ожидал, как обычно бывает, стандартного ответа, мол, весь аул участвует. И вдруг услышал совершенно неожиданное:

- Есть тут у нас одна женщина — Джалдуз Харуновна Малхозова.

После этого не встретиться с ней, конечно, не мог. Нашел ее дом. Меня встретила невысокая, с доброй улыбкой горянка, прожитые годы которые оставили густой иней на ее волосах и вздувшиеся вены на трудолюбивых руках. Да и то сказать — за плечами без малого восемьдесят лет.

С тринадцати лет пошла в колхоз. И с тех пор много лет не знала другой дороги, как из дома — в колхоз, а оттуда — домой. Не раз ей говорили доброе слово: за ее работу рядовой колхозницы, будь то в полеводстве или животноводстве. А сравнительно недавно, когда ей вручали медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.», председатель местного колхоза «Абазинский» Ш. Хужев отметил, что такими людьми, как Джалдуз Харуновна, гордятся земляки. Вот такая женщина и вкладывает всю душу в дело, которое цены не имеет, — в уход за памятником погибшим в боях за родную землю.

- Скажите, пожалуйста, а сколько среди других фамилий, представленных на памятнике, именно Малхозовых? – спрашиваю ее.

- Четырнадцать человек.

- А есть и ваши братья?

- Да, есть. Три брата: Мурат, Рашид, Мухамед. Но я считаю иначе. Все 171 человек – мои братья. И я почти всех знаю, ведь жили в одном ауле, рядом работали. В проводах многих из них на фронт я участвовала. Как сейчас вижу: уходят молодые, brave парни, причем многие не женатые. Ушли и не вернулись. Оттого я без слез не могу подходить к памятнику, перед глазами витают их образы, эти ребята вроде живые и сейчас. Оттого и не удержаться слез.

И тут я задал вопрос, за который до сих пор ругаю себя, и который, вероятно, обидел женщину. Но потом я попросил прощения за свою бестактность:

- А сколько вам платят за то, что вы ухаживаете за памятником?

Она так укоризненно посмотрела на меня, что я готов был взять вопрос обратно, но, как верно утверждает русская поговорка, «слово – не воробей, вылетит – не поймаешь».

- Мне как-то в колхозе предложили оплату, – тихо проговорила Джалдуз Харуновна, – но я сказала: «Разве все измеряется деньгами? Пока я жива, пока бьется сердце и глаза видят небо, я буду ходить к своим братьям постоянно и сделаю все, чтобы это место было прекрасным. Я в душе произнесла клятву, что буду служить до конца дней своих памяти земляков, спасителей Отечества и свободы. Дай только, Аллах, мне здоровья».

Потом, не торопясь, стала рассказывать о том, что думает делать в будущем по уходу за памятником. Посетовала, что скоро ударят морозы и цветы пропадут. И тут я вставил вопрос:

- Не вы уже, наверное, собрали семена этих цветов?

- Нет, – ответила она, – и собирать не стану. Не хочу, чтобы одни и те же цветы здесь были ежегодно. Поэтому каждую весну, как вот и в будущую, посажу еще лучшие, еще более красивые цветы, чем нынешние. Я уже разузнала, что в Черкесске есть специальное хозяйство, где такие семена выращивают. Есть там и

рассада. Пойду туда, уверена, что помогут мне приобрести это для моих братьев.

Забегая вперед, скажу, что в нашей республиканской Книге Памяти я нашел записи, имеющие прямое отношение к Джалдуз Харуновне. Вот, что там говорится о ее родных братьях Малхозовых: «Мурат – младший лейтенант, пропал без вести в 1941 году. Рашид – рядовой боец, умер от ран в 1944 году. Мухамед – лейтенант, погиб в 1942 году». Но она, повторяю, хранит память не только о них, а обо всех земляках, и всех считает братьями. Оттого всем сердцем и тянется к ним, оттого все, что может, делает для сохранения их памяти. Поклон низкий этой горской женщине за ее святое дело!

Кунак

Замихшери Казиевич Хачуков лечился в Железноводском филиале Горячеводского госпиталя для инвалидов Великой Отечественной войны. Там он познакомился с Иваном Лукичем Усенко тоже участником и инвалидом ВОВ. А произошло это вот как.

Один из лечащихся обратил внимание на прекрасное владение Замихшери Казиевичем русским языком. Но добавил:

- И все-таки абазинский акцент чувствуется. — И тут же произнес несколько фраз по-абазински.

- Я родом из Бекешевской, а живу в Кисловодске, — поведал Иван Лукич. — Основу в познании русского языка мне заложили в станице Воровсколеской. Проживая в семье кунаков моего отца — казаков Лобаревых, учился в местной школе, — рассказал Замихшери Казиевич.

- Я же абазинскому выучился в семье отцовского кунака Локмана Трамova из аула Красный Восток, где оказался в голодном тридцать третьем году, — тут же откликнулся новый знакомый.

Он посетовал, что за последние годы утратил связи с семьей Трамoвых и попросил Замихшери Казиевича помочь восстановить их. Тот с радостью согласился помочь в этом. И сдержал свое слово...

Не подвергая сомнению рассказанное мне об этом человеке, я все же решил послать письмо Усенко в Кисловодск, попросил подробнее сообщить о связях с Трамoвыми.

... Фамилия Трамoвых в прошлом веке была хорошо известна на Северном Кавказе. В восточной повести в стихах «Измаил-Бей» М.Ю. Лермонтова есть такая строка: «Питомец смелый трамских табунов». Этот питомец — лошадь прославленного конного завода в Пятигорье, из аула Трам, разрушенного в 1818 году.

О трагической судьбе аула Трам сообщается и в «Записках А.П. Ермолова 1798 — 1826 гг.». Автор пишет: «...за укрывательство разбойников Трамova аул, неподалеку от Константиногорска отстоявший, который по приказанию моему разрушен до основания. Взято до двух тысяч лошадей и весь скот, и жителям оного только позволено было вывести жен своих и детей».

Мне подумалось, что, возможно, не совсем еще далекие предки казака Усенко и абазина Трамova с разных сторон были участниками этих трагических событий. Если так, то между ними

должна была сохраниться закоренелая вражда. А тут пример иного плана...

Иван Лукич с ответом долго не задержался.

«В 1933 году, — написал он на мой запрос, — моих отца и мать вместе с сестрой Раисой и братом Василием в период раскулачивания выслали в Казахстан. До этого отец некоторое время работал на третьей ферме Кавказского молокозавода тогдашней Черкесской автономной области. После высылки родителей я остался сиротой.

Но судьба смилостивилась надо мной. Вскоре после этих событий по пути на прирезки к нам заехал отцовский знакомый, вернее, друг его Локман Трамoв. Никого не встретив в опустевшем дворе, направился к нашей бабушке. От нее узнал о трагедии своего кунака Луки. Наказал ей:

- Никуда от себя Ваню не отпускайте. В следующий приезд заберу его к себе.

Так Локман Трамoв стал моим вторым отцом. Я целый год жил в его семье, чувствовал себя полноправным ее членом. По-матерински относилась ко мне и жена Локмана — тетушка Муслимат. А их сыновья стали для меня родными братьями.

Тем временем Локман часто навещался в Бекешевскую, доставлял бабушке Ивана продукты. Всякий раз бабушка жаловалась, что соскучилась по внуку, просила привезти его к ней. Приводила и еще один резон: в доме, дескать, одни только женщины, а Ваня хоть и мал еще, но все-таки мужчина. Локман выполнил бабушкину просьбу. В городе Кисловодске одел меня во все новенькое с ног до головы и привез к бабушке.

Иван Лукич вспоминает:

- Трамoв часто повторял слова: «Ванка, гора на гора не придет, а человек до человека придет». И, действительно, случилось в моей жизни, как в той пословице: почти через шестьдесят лет встретился я со своими абазинскими друзьями. Находясь в Железноводске, приехал ко мне Хачим. И я уже несколько раз побывал у него дома в селе Первомайском. С Хапако, Рамазаном и Джамботом встретились в селе Прогресс, что в Кировском районе Ставропольского края. «О, наш шестой брат приехал!» — тискали они меня в своих объятиях. С Нурбием еще не виделся, зато его сын Миша побывал у меня в Кисловодске. Все братья живут хорошо,

имеют своих детей и внуков. Я только радуюсь их счастью.

У Джамбота в паспорте было записано: год рождения – 1938-й. А Иван Лукич хорошо помнил, что родился Джамбот в 1932 году. По его ходатайству и подтверждению суд восстановил истинную дату рождения. Тогда же Джамбот объявил: «Как уйду на пенсию, соберу всех братьев и их семьи и отмечу это событие».

И слово свое сдержал. Почти полсотни родичей собралось на торжество. В качестве тамады был Иван Лукич. Тогда же решили – в нынешнем году организовать встречу всех Травовых.

А они разбросаны по всему свету – в Карачаево-Черкесии, Адыгее, Кабардино-Балкарии, Ставрополье, в других местах. В списке приглашенных под номером один значится фамилия Ивана Лукича.

Восстанавливают казаки Усенко и абазинцы Травовы кунацкие связи, поддерживающиеся не одним поколением их предков, не смотря на то, что по ним прошелся безжалостный плут коллективизации, репрессий. Да и минувшая Отечественная война унесла немало жизней тех, кто свято хранил дружбу русских и горцев.

Замихшери Казиевич Хачуков вспоминает, что в ауле Псыж, если хотели отметить ущербность того или иного человека, говорили: «У него даже нет русского айгва (кунака)». Традиции куначества были сильно развиты – не забыты они и теперь – и среди других народов Карачаево-Черкесии. Простой народ, независимо от национальной принадлежности и социального происхождения, всегда ищет пути сближения с другими народами, чтобы совместными усилиями облегчать условия проживания, крепче держаться на крутых жизненных поворотах. Людей отчуждают, ввергают в кровавые конфликты политики, авантюристы, далекие от интересов трудового народа и преследующие свои эгоистические цели.

... Живут в разных регионах России Травовы. Поддерживают самые тесные братские отношения с русскими, кабардинцами, балкарцами, карачаевцами, черкесами, ногойцами. Живут, не боясь, что соблюдение веками выработанных их предками законов гостеприимства будет расценено превратно, что их жилища будут на почве национальной розни превращены в пепел, а имущество разграблено... И эти связи крепнут, несмотря ни на что, из года в год, из поколения в поколение.

Шхаевы

Со Шхаевыми – Петром Хаджимуратовичем и Верой Васильевной – я познакомился еще в начале пятидесятых годов, когда я был студентом Черкесского государственного учительского института. Тогда они были просто Петр Шхаев и Вера Лесовая, студенты того же института. Он смуглый, черноволосый, с солдатской выправкой. Мало кто знал, что он в свои неполные 18 лет уже побывал на фронте, имел орден Отечественной войны. Вера – стройная, как лозинка, высокая, светловолосая девушка, с правильными чертами лица и с добрыми, улыбающимися голубыми глазами.

Встречался я с ними, уже ставшими супругами, и потом, когда мы после института работали в Хабезском районе, правда, в разных населенных пунктах. Мы вместе продолжали учиться заочно в Ставропольском пединституте. До ухода на пенсию они проработали десятки лет в школе и большую часть – в родном ауле Петра – Эльбургане. Для Веры Васильевны он стал тоже родным, ибо свою сознательную жизнь прожила здесь, и ни одно поколение юных эльбурганцев прошли через ее заботливые педагогические руки. Уважаемый она здесь человек. В быту и стар, и млад зовут ее просто «Вера», подчеркивая свою признательность. И она не обижается. Знает, что у горцев при обращении не используется отчество.

Особо уважают ее за то, что она приняла, как свое родное, горский «намыс» (этикет). Никто ее не упрекает в том, что она допускает какие-то нарушения этого свода правил поведения. И в дни траура, и в дни торжеств у аульчан она исполняет свой долг сообразно ему. Общительна не только с родственниками и близкими супруга, но и со всеми соседями и жителями аула. Непревзойденная хозяйка дома, а хозяйство на ее плечах немалое: и корова, и птица всевозможная, и многое другое. Гостеприимна. Наряду с русскими она искусно готовит и национальные блюда.

Теперь о главе семейства. В 1957 году, когда директора Эльбурганской семилетней школы Исмаила Гучипсовича Кумукова избрали председателем сельского Совета, вместо него стал директорствовать Петр Хаджимуратович. До 1971 года он возглавлял школу. При нем и при его непосредственном участии была по-

строена новая средняя типовая школа. Велась активная работа по укреплению материальной базы, подбору высокоподготовленных кадров. Учебное заведение обрело свое лицо. Как историк Петр старался доносить знания до учащихся с использованием дополнительной литературы, наглядных пособий. Вместе с Верой Васильевной, тоже историком, развернули широкую краеведческую работу. Были созданы музеи истории аула, боевой славы. Много всевозможных общественных поручений приходилось Петру выполнять как пропагандисту и лектору, депутату сельского Совета.

Занятый многогранной деятельностью, он не обратил внимания на сгушавшиеся тучи клеветы вокруг его имени. Зачастили жалобы в различные инстанции на него. Обвиняли в допущении якобы служебных злоупотреблений при строительстве для своей семьи полуторазтажного дома, в приверженности к частнособственнической психологии (занимался любительским пчеловодством). А семья его в ту пору состояла из шести человек: помимо супругов, мать, сын и две дочери. На верхнем этаже дома был зал и две спальни, на нижнем — кухня, комната-кладовая и гараж для автомашины. Пчелами же он вместе с супругой и братьями занимался в летнее отпускное время, порой и с выездом за пределы тогдашней области.

Но недруги и завистники не унимались. И нашлись у них высокие покровители.

Не посчитавшись с тем, что он фронтовик, имеет определенные заслуги перед Родиной, его не только освободили от должности директора, но и исключили из рядов КПСС. Но, как оказалось впоследствии, все это было наносное. Петр Хаджимуратович мужественно перенес этот удар, продолжал работать учителем истории и заниматься своим хобби — пчеловодством. К праздному образу жизни он себя никогда не приучал. Поэтому свой отпуск он проводил на пасеке.

Петр Хаджимуратович как-то в шутку мне сказал: «В летнюю пору я стесняюсь показывать кому-либо свои руки. При встречах прячу их за спину».

На мой вопрос: «Почему?» Он так ответил: «Потому что руки мои всегда при деле: вечно в мозолях, ссадинах, царапинах, измазаны воском от возни с ульями и мазутом от возни с автомашиной...»

Но жизнь, несмотря на беду, текла и текла. Супруги Шхаевы вырастили хороших детей. Сын стал инженером-строителем, одна дочь — педагог, другая — инженер-технолог пищевой промышленности. Имеют свои семьи. Когда собираются в отчем доме все дети и внуки — радости нет предела.

Ему уже пошел восьмой десяток лет. Но он по-прежнему трудолюбив. Занят не только физическим трудом. Много читает художественной, исторической литературы. Пользуется услугами средств массовой информации, поэтому в курсе событий в стране и за рубежом, интересный собеседник.

Но меня, еще с тех давних, студенческих времен, интересовало — за какой подвиг в годы Великой Отечественной войны он получил орден. Недавно узнал.

— Дело было в Прибалтике, — начал свой рассказ Петр, — наши войска, преодолевая упорное сопротивление врага, продвигались вперед. В их числе был и наш 717 гвардейский истребительно-противотанковый полк. Я был командиром расчета противотанковой пушки. В нашем наступлении возникла какая-то задержка. Предложили занять оборону, окопаться. А тем временем разведка доложила, что противник готовит танковую атаку. Немцы не заставили себя долго ждать. К месту, где стояла наша пушка, двинулись два танка. Первый вышел на мост и стал ползти медленно, словно боясь упасть в реку. Второй остановился перед мостом. Решаю подпустить ближе. Первый танк «перешел» мост и остановился. Его экипаж, вероятно, решил что, коль не стреляют, можно и постоять. Из танка вылез офицер, осмотрелся вокруг, обошел свою машину, подал какие-то знаки экипажу второго танка. Тот тронулся с места.

Тем временем второй танк приблизился к первому. Офицер нырнул в люк, и передний танк «зашевелился». Тут мои артиллеристы и всадили в него первый снаряд. Он завертелся на мостике, задымил. Второй танк «достали» двумя снарядами.

После уничтожения двух танков, а они, пожалуй, были разведчиками, основная колонна вражеских машин пошла по направлению к реке. Но там массированным ударом наших артиллеристов их не пропустили. Многие были уничтожены, а оставшиеся подались вспять. Намерение противника было сорвано.

При нашей беседе с Петром Хаджимуратовичем присутствовала и Вера Васильевна. Она с шутиливой репликой: «Ну и хвастун же ты, Петр, — вклинилась в наш разговор.

- А теперь Вера Васильевна, твоя очередь похвастаться, — молвил я и попросил показать свои награды.

Оказалось, что она тоже причастна к огненным сороковым. Награждена медалями «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.», «50-летие Победы в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 гг.».

- За что же таких высоких наград удостоена? — обращаюсь к ней.

- Мы с семьей жили рядом с первой образцовой средней школой имени С.М. Кирова в городе Невинномысске, в этой школе и училась. С началом войны часть школы занял госпиталь. И мы, учащиеся, после занятий всегда были в палатах, помогали сестрам и санитаркам. Кроме того, раненым устраивали «концерты»: песни пели, плясали.

А еще мы помогали колхозам в уборке урожая.

- А какие награды учительские? Она придвинула ко мне шкатулку: значок «Отличник народного просвещения», медали «За доблестный труд», «Ветеран труда», грамоты Министерства образования России.

Как убедился, уважаемый читатель, супружеская чета Шхасвых не зря прожила свои лучшие годы. Добрый след оставили они в ауле Эльбурган, а ныне живут в городе Черкесске.

Мои русские аульчане

На несколько километров раскинулся по правому берегу Малого Зеленчука аул Инжич-Чукун. О том, что здесь живут доброжелательные и гостеприимные люди, знают многие. Но мало кому ведомо, что в этом ауле в тридцатые годы, когда по стране прокатилась волна политических репрессий, нашли приют многие преследуемые русские семьи: Ивашенко, Науменко, Рудченко, Толмачевых, Кучеровых, Соболевых, Кравцовых и другие — все из казачьих станиц Карачая, Черкесии, Ставропольского и Краснодарского краев.

Чем привлекал аул? Своей природой: пастбища, лес со своими дарами, река, изобилующая в то время рыбой. Но, пожалуй, не меньше ценились сердечная теплота и радушие аульчан, с которыми они принимали приезжих.

В ту пору среди местного населения было много неграмотных, и станичники, имеющие какое-то образование, могли здесь найти себе работу. К тому же в Хабезе уже действовала начальная школа, обучение в которой велось на русском языке. Так что определить детей на учебу не представляло трудностей. Так многие русские семьи обрели вторую малую родину среди абазин и черкесов. Началось возрождение куначества.

По-разному складывалась жизнь новых поселенцев. Семья Кучеровых, к примеру, вступила в колхоз. Ее глава Иван Ильич, раскулаченный баталпащинский казак, оказался большим знатоком овощеводства. Организовал женскую бригаду, и стали выращивать помидоры, капусту, огурцы, бахчевые.

Старший Кучеровых Иван окончил курсы трактористов при Хабезской МТС, позже возглавил тракторную бригаду. Другие сыновья — Николай и Владимир, старшая дочь Мария тоже работали в колхозе. Николай прославился как хороший табунщик.

Семья построила добротный дом, и жили в нем Кучеровы до 50-х годов. Позже, уже взрослыми, дети разъехались по стране. И до сих пор аульчане вспоминают эту семью, особенно Марию. Во время войны она добровольно ушла на фронт. Защищая Москву, получила тяжелое ранение, стала инвалидом. Жила под Сочи до своей трагической кончины. Старшему брату не довелось участвовать в войне по болезни, а младшие отслужили в армии в мирные дни.

К сожалению, Иван Ильич не избежал ареста. По навету земляка-станичника был осужден на длительный срок. Эту трагедию переживал весь аул.

Минувшим летом в Инжич-Чукун приезжал Николай, гостил у своих друзей-кунаков – Ауэса Чадикова, Валентина Хапиштова, Михаила Докумова. Но приезжал не только на побывку, но и решить вопрос о реабилитации отца и возвращении конфискованного имущества.

Николай, Мария и их младший брат свободно владели абазинским языком. Живя на Урале, Николай позабыл его, но трудностей в общении с бывшими земляками не испытывал – он прекрасно понимал все, что ему говорили.

В годы хрущевской оттепели многие семьи уехали из Инжич-Чукуна, но их до сих пор помнят в ауле. Георгий Рудченко, родом из станицы Беломечетской, работал в финорганах райцентра, а его старшая дочь заведовала сектором учета, избиралась секретарем райкома комсомола. Георгий погиб в первые же дни войны, а семья позже переехала под Адлер. Дочери переписываются с земляками и не раз приезжали в гости.

До конца 50-х жила в ауле и семья Василия Даниловича Толмачева. До войны он работал на строительстве мостов, затем в райпромкомбинате. Старшего сына не дождался с войны.

По-разному складывались судьбы у переселенцев. Потомственный казак из ст. Усть-Джегутинской Федор Васильевич Ягодкин избежал репрессий в 30-е годы только благодаря переезду в Инжич-Чукун. Было это еще в 20-е годы, когда посланцы из аула уговорили его переселиться с семьей и стать писарем сельсовета.

Двое сыновей – Федор и Илья да дочь Люба, как и многие аульчане, ушли воевать с фашистами. Илья вернулся с войны инвалидом. А танкист Федор Федорович Ягодкин после войны работал в Хабезском МТС, совхозе «Хабезский». Построил в ауле дом, жил и в Черкесске. Но часто приезжал в Хабез к дочери Надежде, в замужестве Туаршевой. Здесь и умер. А похоронили его на мусульманском кладбище.

Можно много рассказывать и о семье Герасима Лазаревича Иващенко, раскулаченного кардоникского казака. Его давно нет в живых, но старшая дочь Раиса, живя в Черкесске, не порывает связь с аульчанами Амербием Агирбовым, Михаилом Докумовым, Пакой

Озовым. Да и они хорошо помнят, как в годы фашистской оккупации Раиса помогала формировавшемуся партизанскому отряду «Красный кавказец», как Фаризат Чачева и другие женщины предупреждали ее мать, чтобы та прятала дочь, как только в ауле появлялись немецкие солдаты.

Удивительное дело: никто не думал тогда о своей национальной принадлежности. И русские, и абазины делили невзгоды черных дней, радовались каждому письму с фронта и оплакивали тех, на кого приходили похоронки.

Два года назад Хабезский район издал Книгу Славы. Среди участников войны в ней значатся и Григорий Федорович Науменко – потомственный кардоникский казак. Я был знаком с этой замечательной семьей, воспитавшей сына-офицера Николая. А его жена Л. Капланская безропотно делила с ним беспокойную армейскую жизнь, заведовала в ауле фельдшерским пунктом. Оба – Николай и Любовь – владеют абазинским языком, уважительно относятся к традициям горцев. И за это аульчане платят им тем же.

К сожалению, в Книгу Славы не вошли фамилии братьев Ягодкиных – Федора и Ильи, их сестры Любови, Марии Кучеровой, Герасима Иващенко. Но, полагаю, досадная оплошность будет исправлена при переиздании книги.

В ауле проживает немало интернациональных семей. В пятидесятые годы сюда приехала учительствовать Лидия Чепурнаева, а замуж вышла за Османа Консергенова. Женой Кральбия Тхаголегова стала тоже русская девушка Нина. 47 лет живет в ауле Мария Андреевна Старцева. Вместе с Харрисом Хатковым воспитали они троих сыновей и дочь. Башкирка Нина Кузнецова тоже нашла свою судьбу здесь, в ауле, выйдя замуж за Мухаммеда Джео. И это далеко не все люди Инжич-Чукуна, о ком можно было бы рассказывать. Всех их объединяет одно – они россияне по духу, по национальной принадлежности. Хорошо бы помнить об этом во все времена и бережно пронести память о тех, с чьих корней зарождалось в далекие годы братство народов разных национальностей.

Среднее и младшее поколение моих русских аульчан и сейчас поддерживают самые теплые отношения с кунаками из аула Инжич-Чукун.

Династия офицеров Баловых

Романтика молодости присуща каждому поколению, и в разные годы у подрастающего поколения свои приоритеты.

С юных лет Шугаиб Балов из аула Инжич-Чукун мечтал стать военным. Рожденному до революции, ему, конечно же, грезились кавалерийские атаки и ветер, развивающий бурку за спиной. Но Шугаиб, как младший сын в семье, должен был оставаться с родителями и посвятить свою жизнь отчому дому на родной земле.

Но не таков был характер этого парня. Окончив сельскую школу, он в один из летних дней исчез из аула, а вскоре дал о себе знать из города Краснодара. Так, в 1924 году Шугаиб Шамович Балов оказался курсантом военной кавалерийской школы. По окончании школы он уже командир взвода. С 1930 года Балов служит в пограничных войсках на Восточных рубежах страны в должности помощника начальника заставы. Через год он стал членом ВКП(б).

С 1936 года по 1938 Балов служит в должности Уполномоченного пограничной комендатуры, а с 1938 по 1940 годы он уже был помощником начальника 2-го отдела штаба пограничного отряда. В этот предвоенный год в судьбе Шугаиба Шамовича произошли резкие перемены. Его увольняют из рядов армии. В звании капитана Балов возвращается в родные места и занимает должность Председателя областного комитета ДОСААФ. Конечно же, для кадрового офицера, прошедшего профессиональную подготовку в рядах Вооруженных сил страны, это был весьма ощутимый психологический стресс. Но, несмотря на это, Балов достойно исполнял свои обязанности в подготовке молодых кадров для армии, авиации и флота. Он хорошо ориентировался во внутриполитической жизни того периода, происходящей в СССР, и понимал, что жернова предвоенных репрессий косвенно задела и его, так как ближайшие родственники Балова были арестованы в тридцатые годы. Уже будучи награжденным орденом Красного Знамени, Шугаиб Шамович все же оказался вне армии, без которой жизнь свою не представлял. Вот поэтому с первых же дней войны капитан Ш.Ш. Балов на фронте. Он был призван в 35-ю кавалерийскую

дивизию и определен в должности начальника 2-го отдела разведывательного управления.

Но боевой путь Шугаиба Шамовича оказался не долгим. Вот печальные строки извещения, которое получила семья: «... в бою за социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, был ранен 23.01.42 года и умер 24.01.42 года от ранения. Похоронен: Сталинская область, Лиманский район, с. Лозовая...»

К сожалению, более подробно узнать о судьбе первого красного командира-офицера из аула Инжич-Чукун не удалось. Имя капитана Балова Ш.Ш. внесено в Книги Памяти Хабезского района и Карачаево-Черкесской Республики. А также ему посвящены бессмертные строки в книге «Абазины в годы Великой Отечественной войны», изданной к 60 летию Великой Победы.

В тот горестный час, когда перестало биться сердце Шугаиба Шамовича, в его семье остались трое детей: две дочери и сын Арсен.

В 1943 году, когда Северный Кавказ был освобожден от немецко-фашистских захватчиков, в городе Ставрополе открылось Суворовское военное училище. Туда через военкомат и был направлен сын погибшего офицера Арсен, который окончил училище с золотой медалью. Затем Арсен Балов также успешно окончил общевоинское военное училище, а вскоре и Военный институт физической культуры в городе Ленинграде.

В процессе прохождения службы в рядах Вооруженных сил А.Ш. Балов был рекомендован в военно-политическую академию имени В.И. Ленина, где он стал преподавателем на кафедре физического воспитания. Руководство академии отметило педагогический и организаторский талант Арсена Шугаибовича и назначило его начальником этой же кафедры, которую он возглавлял более 20 лет, дослужившись до званий полковника.

В это же время Балов заочно оканчивает военно-политическую Академию, а позже защищает диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук.

Работу в Академии А.Ш. Балов успешно совмещал с общественной деятельностью. Он стал создателем и главным тренером первой команды лучников Советского Союза. Под его руководством наша команда стала пятикратным чемпионом Олимпий-

ских игр, десятикратным чемпионом мира и Европы. За эти колоссальные успехи Балов был удостоен звания «Заслуженного тренера СССР и РСФСР», судьи международной категории по его любимому виду спорта. Он также отмечен многочисленными государственными и международными спортивными наградами.

Не смотря на все свои высокие титулы и заслуги, Арсен Шугаибович оставался скромным и высокопорядочным человеком. Он всегда был прост в общении и отзывчив на любые просьбы своих сослуживцев, друзей и даже малознакомых граждан. Благодаря своим человеческим качествам, таким, как мужская порядочность, чувство ответственности и душевная широта, Арсен Шугаибович пользовался заслуженным авторитетом в среде военной, научной и спортивной общественности.

К великому сожалению, А.Ш. Балов рано ушел из жизни, прожив всего лишь 63 года с небольшим. Ему хотелось быть похороненным в родном ауле Инжиц-Чукун рядом с могилой матери и памятником отцу, но этого не случилось. По просьбе его жены и детей, а также представителей Спорткомитета Российской Федерации прах Арсена Шугаибовича упокоен на Аллее Славы выдающихся спортсменов нашего государства на Востряковском кладбище города Москвы. На его могиле установлен величественный памятник, а в его честь учрежден Международный турнир по стрельбе из лука.

В память о своем выдающемся земляке в Инжиц-Чукунской средней школе установлена мемориальная доска.

Офицерская династия Баловых не прервалась безвременной кончиной Арсена Шугаибовича. Его дочь Анжела Арсеновна служит сегодня военным переводчиком в чине подполковника, достойно продолжая воинские традиции рода Баловых, заложенные еще в 20-е годы прошлого столетия ее прославленным дедом Шугаибом Шамовичем.

Юному Аскербия повезло тем, что исполнилась мечта его детства. После окончания школы он стал военным. Простому сельскому парню из аула Инжиц-Чукун удалось поступить в Краснодарское военное кавалерийское училище и успешно окончить его. Молодой командир Красной Армии начал службу в Кавалерийской дивизии на Северном Кавказе, которую позже передислоцировали в Житомирскую область ближе к Западной границе.

Командуя взводом, он с первых дней обратил на себя внимание командования как на грамотного, умеющего управлять коллективом красных конников, с энтузиазмом исполняющего свои обязанности как военный специалист.

Вскоре Карданова Аскербия Хаджи-Бекировича направляют на курсы усовершенствования командиров Красной Армии в город Новочеркасск, которые он заканчивает с блестящей характеристикой.

Настали тридцатые годы. Мрачный, кровавый след оставили они в истории нашего государства. Это были годы раскулачивания крестьянства и жестоких репрессий. Не миновала грозная туча ни одного населенного пункта нашей огромной страны. Все чаще стал получать Карданов письма, полные горести и отчаяния. Родные ему писали о том, что его отца в возрасте под 60 лет и брата Амербия арестовали. Такую же участь обещают и его троим еще незамужним сестрам; обидают крестьян, насильно сгоняя в колхоз, о своем бесправном и нищенском положении. (Заметим, что всех троих молодых женщин тоже сослали в Сибирь, двое вернулись после отбытия срока, а Нашхо бесследно исчезла в ссылке).

Аскербий Карданов, будучи сам военнотружачим Красной Армии, не мог понять, что происходит и за какие грехи страдают его родные. И он тогда сумел убедить свое начальство в необходимости взять отпуск и посетить родственников.

То, что увидел Аскербий, шагая по главной улице своего аула, ошеломило его. К сельской школе группами вели и везли на подводах аульчан, как военнопленных. Это были молодые и пожилые люди, которых арестовывали как неблагонадежную часть населения.

Аскербий видел и понимал, что происходит нечто несправедливое, но не в силах был что-либо сделать.

В школьном дворе аула Инжич-Чукун был размещен эскадрон войск НКВД. В их задачу входило усмирение недовольных проводимыми репрессивными мероприятиями.

Карданов решил посетить областное начальство, выяснить и разобраться в происходящем. Его принял пожилой и очень доброжелательный службист НКВД, каких в ту пору были единицы, и по-отечески, проявив сочувствие, пожелал молодому офицеру поскорее уехать в свою часть, а иначе может оказаться в неприятной ситуации.

Но неприятности Карданова уже ожидали в самой военной части. Туда уже был передан сигнал о том, что командир Красной Армии, будучи на родине, проявил политическую недальновидность, сочувствуя врагам народа. К тому же его отец и брат репрессированы по политическим мотивам, женат на кулацкой дочери, сестры бойкотируют вступать в колхоз, за что тоже сосланы в Сибирь. Этих фактов было предостаточно, чтобы Карданова Аскербия Хаджи-Бекировича уволить из рядов Красной Армии как неблагонадежного.

(В период пересмотра фактов нарушения социалистической законности репрессированные Кардановы реабилитированы посмертно, а выжившие признаны жертвами политических репрессий).

Поясню, что жена его Татьяна не могла быть кулацкой дочерью, так как она осталась круглой сиротой в середине 20-х годов прошлого века и воспитывалась с младшим братишкой у родственников отца Шхагошевых. А их раскулачили в начале 30-х годов. Вышла она замуж, не достигнув и 18 лет.

Оказавшись вне армии, Карданов вынужден был строить свою жизнь по-новому и не мог предположить, что его преследования еще не завершились.

В его личном деле была сделана особая пометка. Этот зашифрованный код был понятен только сведущим людям. Они-то и влияли на его последующую судьбу.

Из Житомира семья переехала в Кишинев, затем в Одессу. Как только поступало личное дело Карданова в военкомат, об этом становилось известно органам НКВД и начинались вызовы, до-

просы и т.д. В Пятигорске Карданов начал работать преподавателем военного дела в одной из средних школ. Пришлось и отсюда увольняться и бежать.

Наконец Кардановы оказались в селе Первомайском Карачаевской автономной области. Здесь Аскербий Хаджи-Бекирович устроился на работу преподавателем военного дела в зооветтехникум. Но судьба к бывшему красному командиру была неумолима. И они вновь меняют место жительства. На этот раз им повезло больше.

Дело в том, что Аскербий в отчаянье решился обратиться к самому Наркому Обороне страны К.Е. Ворошилову. В тот момент в Наркомате его не оказалось и Карданова принял руководитель приемной Климента Ефремовича. Он и содействовал тому, чтобы Аскербий выехал в Ярославскую область в Гаврило-Ямский район. Там в селе Великом его и приняли на работу в зооветтехникум преподавателем военного дела.

Шел 1937 год. Аскербий Хаджи-Бекирович буквально чуть-ем загнанного зверя понял, где искать спасенье и не ошибся, обратившись в Наркомат Обороне. Как упоминалось выше, армейский высокопоставленный чиновник своим дельным советом спас кадрового офицера. Здесь же он вынужден был сменить паспорт, а также соответственно и другие документы. Так Карданов Аскербий Хаджи-Бекирович стал Оскаром Бекировичем и тем самым как бы освободился от «опеки» органов госбезопасности.

В 1941 году с первых дней войны старший лейтенант Карданов О.Б. оказался на фронте и стал участником Смоленских сражений, защищал Москву.

А когда был сформирован в составе Доваторской дивизии 16-й добровольческий кавалерийский полк из земляков Черкесии, Карачая и Ставропольского края, Карданов был прикомандирован к нему. Он стал командиром пулеметного эскадрона.

Осенью 1942 года жена Карданова по совету мужа вместе с двумя малолетними дочурками (четырех и полутора лет) с трудом добралась из Ярославской области к родным мужа в Инжич-Чукун. И это в какой-то мере успокаивало сердце бойца на фронте и поднимало его моральный дух.

Вот строки одного из его писем: «Дорогая мама, не беспокойтесь за меня. Буду так сражаться с ненавистным врагом, чтобы

вы могли гордиться мной. Заверяю, что не посрамлю чести нашей Родины и нашей фамилии...»

Письма с фронта были не часты, а в оккупированную немцами Черкессию они вообще не приходили. После изгнания немцев родные получили всего лишь одно письмо. В нем Аскербий Хаджи-Бекирович беспокоился об уроне, который нанес народному хозяйству фашист, горячо интересовался здоровьем матери, жены Татьяны и дочерей Лидочки и Любоньки. А еще он твердо обещал, что очень скоро враг будет уничтожен. Он свято верил в близкую победу, но...

В мае 1943 года семья Кардановых в Инжич-Чукуне получила из воинской части извещение о том, что гвардии капитан Оскар Бекирович Карданов пропал без вести. Такая формулировка о потере близкого человека дает какую-то надежду родственникам. И в то же время не имея «похоронки» нельзя ни оплакать, ни помянуть его. Все родственники Аскербия решили ждать окончания войны.

Через месяц, после получения скорбной вести, призвали в Армию самого младшего сына Кардановых, восемнадцатилетнего Мухадина. Он попал в г. Уфу на «учебку», но при первом же случае сбежал на фронт. Мухадин воевал храбро и был отчаянным солдатом. Потеря старшего брата удваивала его мужество. С пулеметом Дегтярева в руках он с боями дошел до Чехословакии...

В феврале 24 числа 1944 года мать Кардановых получила похоронку на младшего сына. В официальном документе было конкретно указано, что Карданов Мухадин Хаджи-Бекирович «... погиб, проявив мужество и героизм».

Его оплакивали всем аулом и на скромный поминальный обед пришли почти все земляки. Люди искренне соболезновали семье и с теплотой вспоминали этого веселого, молодого парня, которому едва исполнилось девятнадцать лет.

Время шло своим чередом. Взрослели дети Аскербия, старела мать, переживая о горьких судьбах своих сыновей. Страна дождалась счастливого дня – Великой Победы. Народ ликовав. А в семьях, потерявших своих близких на этой войне, Победу «праздновали» со слезами на глазах.

Судьбы людские непредсказуемы и необъяснимы никакими законами. Разве мог кто-нибудь из родственников Кардановых хо-

тя бы предположить, что не минует и пары лет, как «геройски погибший» Мухадин появится в ауле.

Да, он вернулся в 1946 году, пройдя муки концлагерей и долгих мытарств на чужбине. Мухадин в боях за Чехословакию был тяжело ранен в челюсть, руку и ногу. В плен попал без сознания.

С подобными лицевыми ранениями и иными редкими случаями немцы охотно проводили экспериментальные операции. Фашистским хирургам необходим был опыт для лечения своих с идентичными диагнозами. Так Мухадин Карданов оказался в Гамбургском челюстном госпитале, где его слегка «подремонтировали» немецкие врачи.

[Освободили его американцы, затем он оказался во Франции, Англии.

На Родину Мухадин приехал со своим соплеменником из аула Кубина Юсуфом Кишмаховым. Поездом добравшись до Усть-Джегуты, он остался на ночлег в доме своего попутчика. А на утро двинулся пешком в Инжич-Чукун.

Лицо Мухадина было настолько обезображено ранением, что даже мать едва узнала в нем своего красавца сына.

Вскоре, как только Мухадин Хаджи-Бекирович стал на учет по месту жительства, им заинтересовались спецорганы. С ним вели беседы, а скорей допросы на тему, как он попал в плен, не сдался ли врагу добровольно и почему не предпочел смерть плену путем самоубийства. И не встречал ли своего брата Аскербия в тех странах, где побывал. И это продолжалось несколько месяцев. Однажды Мухадин, не сдержавшись, мужественно заявил своему «собеседнику», что в плен попал благодаря тому, что его командир оказался таким же «героем», как сам службист, который сберег свою шкуру за счет жизней по-настоящему геройски воевавших солдат.

После такой гневной тирады Карданова вдруг оставили в покое. Ему, как инвалиду 2 группы и участнику войны, определили пенсию, вручили все заслуженные боевые награды, а немного позже и орден Отечественной войны.

Воскрешение младшего сына укрепило в сердце матери надежду на возвращение Аскербия. Она до конца своих дней молила об этом Всевышнего, но так и не узнала всей правды о сыне.

А случилось следующее. В том бою Аскербий не пропал без вести. Он погиб. Приведу строки, подтверждающие этот факт. Они выписаны из журнала боевых действий 16-го Гвардейского кавалерийского полка. (Публикация в газете «Слово ветерана» № 3 за июнь 2000 года).

«27.03.43 года был получен приказ: наступать на город Севск, имея соседей — 30-ую стрелковую бригаду с запада, и восстановить прежнее положение. В 6-00 под ружейно-пулеметным огнем противника заняли крайние дома города. Уличные бои происходили без взаимопомощи с соседями, в результате чего полк остался один в неравном бою и потерял 57 человек, из них 19 убито, в том числе командир 4 эскадрона капитан Карданов».

Хочу обратить внимание читателя на возможную оплошность, а скорее всего бездарность командования, проявленную при проведении данной операции. Как можно было, приказом обнадежив полк, что его поддержит стрелковая бригада, оставить проравшихся в город конников на произвол судьбы?

А далее происходит вообще невероятное. Тело командира эскадрона, капитана Карданова после освобождения Севска не обнаружено. Видимо поиски эти были не особо тщательными. Скорее всего, потеряв офицера в стратегически непродуманной операции, военные бюрократы, не утруждая себя лишними заботами, просто внимательней ознакомились еще раз с его «личным делом». И, конечно же, обнаружив «темные пятна» в довоенной биографии Карданова, отправили родным бездушную отписку.

А каково было жить семье: жене и двум дочерям без кормильца, да еще с таким «документом» в руках. Я это лично знаю не с чужих слов. Ведь вдова Татьяна (Шхагошева) Карданова была родной сестрой моей матери.

Не мало слез было пролито бедной женщиной за всю ее вдовью жизнь. Однажды она обратилась в Черкесский горком партии с просьбой об улучшении жилищных условий, как семье погибшего офицера. И получила ответ Первого секретаря горкома: «Ваш муж не погиб, а пропал без вести. Это две большие разницы».

К величайшему сожалению, многие семьи воинов, пропавших без вести, долгие годы ощущали свою некую ущербность. Ведь без вести пропавшие могли рассматриваться властью как по-

тенциальные дезертиры и предатели Родины. Над ними, как Дамоклов меч, висел безответный вопрос: кто они?

В поисках ответа я неоднократно обращался в разные инстанции. Но все было тщетно. Однажды мне довелось встретиться с бывшим комиссаром 16-го Гвардейского кавалерийского полка Акбаевым Магомедом Османовичем. Он сказал, что знал Карданова и что он ведал военной кафедрой учебного заведения, и даже вручал ему орден Красной Звезды. А перед последним рейдом в тыл противника они договорились о приеме Аскербия в члены ВКП(б). О дальнейшей судьбе капитана он ничего не смог мне рассказать.

Мне было понятно, что если тело не найдено, то иного извещения семья не могла получить. Бывший начальник разведки полка майор Переведенцев Н.С. прокомментировал это более жестко: «Какая чушь! Кто там кого искал на поле боя? И тем более, когда отступали под Севском, каждый себя спасал как мог...» Это и есть истинное лицо войны.

Наш земляк из Черкесска полковник в отставке Нежинский В.А., который за свою жизнь сделал очень многое в поисках безвестных героев, по моей просьбе ознакомился с «личным делом» Карданова О.Б. в Госархиве Минобороны. Оказалось, что основные документы из его дела изъяты.

В первом издании Книги Памяти Карачаево-Черкесской Республики на странице 690 в главе о Хабезском районе есть печальные строки: «Карданов Аскерби Хаджи-Бекирович, 1906 г.р., а. Инжич-Чукун, гв. капитан, пропал без вести в мае 1943 года». (Подлинное имя и отчество внесены по настоянию младшего брата).

В новом издании эта грубая ошибка была исправлена. Это произошло благодаря стараниям Зои Давлетовны Псху и руководимого ею республиканского сводного поискового отряда «Поиск». Это они нашли тот самый журнал боевых действий, в котором честный офицер сделал достоверную запись о гибели гвардии капитана, командира 4-го эскадрона Оскара Бекировича (Аскербия Хаджи-Бекировича) Карданова.

Правда о войне нужна не только живым, но и тем, кто стигнут ее пекле.

Фронтовые встречи
Документальная повесть

*Два чувства дивно близки нам,
В них обретает сердце пищу:
Любовь к родному пепелищу,
Любовь к отеческим гробам...*

Делить радость, как и горе, сообща – непреложный закон моих земляков. Вернется кто-то домой после долгой отлучки: и взрослые, и дети бегут с поздравлениями. А уж если возвращался фронтовик с войны, ребятя еще с большим пристрастием осаждала счастливую семью. Бывало, протиснешься в уголок той комнаты, где сидят старшие, и слушаешь-ненаслушаешься, о чем ведется разговор. И всегда задавали возвратившемуся вопрос: «А не встречал ли кого-либо из нашего аула?» Как правило, после отрицательного ответа следовал еще вопрос: «А из нашего района?»

И каждый раз я удивленно думал: да разве в такой большой стране, как наша, могут ли где-то вдали, а тем более на фронте, где сражаются миллионы, встретиться двое из нашего крохотного аула или даже района?

Детские и юношеские сомнения стали рассеиваться с возрастом, когда окунулся в гущу происходящего. Убедился, что встречи земляков происходили в самых необычных, экстремальных ситуациях.

В канун 50-летия Великой Победы, очередной годовщины освобождения Кавказа, хочу рассказать о боевом офицере, замечательном человеке, которого, к сожалению, уже нет рядом с нами, Кучуке Аминовиче Шурдумове, его фронтовых делах и интересных встречах на фронте с земляками.

Командир батареи

Выпускник артиллерийско-минометного отделения 1-го Краснодарского военного училища лейтенант Кучук Шурдумов – командир минометной роты в составе 881-го стрелкового полка 15-й стрелковой дивизии Западного фронта в июне 1941 года участвовал в боевых операциях, в октябре он – уже командир батареи 1187-го стрелкового полка 392-й стрелковой дивизии. С февраля 1942 года – командир батареи 132-го минометного полка РГКА. В

составе этого полка оборонял и освобождал родной Кавказ, в том числе территорию нашей республики и город Черкесск.

Из боевой характеристики К. Шурдумова: «...за время пребывания в 132-м минометном полку показал себя дисциплинированным, стойким, мужественным и бесстрашным командиром. За отличное выполнение боевых заданий представлен к правительственной награде – ордену Ленина».

Вручили же Кучуку Аминовичу орден Красного Знамени. Высокое командование, очевидно, решило, что за оборонительные бои орден Ленина – слишком высокая награда.

А вот, что говорил о нашем земляке бывший помощник начальника штаба полка майор С. Воеводин:

«Я хорошо помню старшего лейтенанта (затем капитана) Кучука Аминовича Шурдумова. Знал его еще по оборонительным боям в Кабардино-Балкарии, Северной Осетии. Он не терялся в самой сложной обстановке. Хладнокровие, выдержка, мужество никогда не изменяли этому человеку, так же как и скромность. Словом, командира батареи Шурдумова было за что уважать, и он пользовался искренним уважением среди офицеров нашего полка».

Из исторических документов известно, что 2 ноября 1942 года противник захватил населенный пункт Гизель, расположенный в 8-ми километрах западнее Орджоникидзе, и вышел на подступы к этому городу.

Дальнейшее продвижение немецких войск остановили подошедшие резервы Северной группы Закавказского фронта, которые 6 ноября нанесли по наступающей группировке врага сильный контрудар и к 12 ноября разгромили ее.

Кучук Аминович – участник этих боев, вспоминал: «Вначале ноября 1942 года в районе Гизеля, под Орджоникидзе, враг обрушил на нашу первую батарею шквал огня. Трудно было выжить в этом аду...»

Проявив невероятные усилия, минометчики Шурдумова не только устояли против жесточайшего натиска, озлобленно нападавшего на батарею противника, но и оттеснили его. Из этого сражения из минометного полка лишь батарея капитана Шурдумова вышла боеспособной, и на ее базе был сформирован новый полк, сохранив за собой номер и знамя полка.

Январь 1943 года — начало массового изгнания немецко-фашистских захватчиков с Северного Кавказа.

132-й минометный полк автомобильной колонной выдвигался из ущелья Северной Осетии, готовый к наступательным боям. Движение на какое-то время застопорилось. Капитан Шурдумов, открыв дверцу кабины, стал пристально всматриваться вперед, словно желая увидеть причину остановки.

Вдруг из-за поворота выскочил всадник. Решил его расспросить. Чем больше сокращалось расстояние между ними, тем отчетливее виднелось, что всадник — военный. Чем ближе, тем четче стали просматриваться знакомые черты его лица. И Шурдумов шутливо воскликнул: «Ты куда, дезертир, мчишься, не видишь, в каком направлении наступают войска?» Мгновенно осадив коня, тот ответил: «Я тебе покажу «дезертир»! Я — помощник начальника политотдела дивизии по комсомолу, еду в полк по делам». «Тише, тише, шибжи (перец), узнаю тебя! Не видишь в кузове машины у меня пистолеты покрупнее калибром, чем твой?»

Произнесенные на черкесском языке эти слова ошеломили путника, и он с возгласом: «Кучук, дорогой, ты ли это?» — спрыгнул с седла прямо на подножку машины в объятья Шурдумова.

Но, к сожалению, времени для расспросов и объяснений не осталось — колонна тронулась в путь.

Старший лейтенант Мусса Охтов в растерянности остался стоять на заснеженной дороге. Вдогонку только и успел крикнуть: «До встречи в Бесленее!» «И в Зеюко тоже», — еле уловил в гуле моторов ответ Кучука.

Не мог он тогда предположить, что эти слова окажутся пророческими.

Охтов — одноклассник Шурдумова, вместе учились в Черкесском педагогическом училище, был на комсомольской работе в родном Хабезском районе.

С октября 1941 года — на фронте в должности политрука роты, ответ секретаря комсомольского бюро полка. В упомянутой им очередной должности — с августа 1942 года, с момента формирования 317-й стрелковой дивизии. Участвовал в наступательных боях начала 1942 года по освобождению Харькова на Изюм-Беренковском направлении. Был ранен осколком в голову. За

проявленное мужество М.Х. Охтов был награжден медалью «За отвагу». Излечивался в госпитале города Махачкала.

Из аттестации на присвоение очередного звания «капитан» помощнику начальника политотдела 317-й стрелковой дивизии по комсомольской работе старшему лейтенанту Охтову М.Х.: «... всегда находится вместе с бойцами в самых опасных местах боя, находясь на передовой линии фронта, помогает молодым комсомольцам...»

Из боевой характеристики: «...показал себя вполне способным организатором комсомольской работы. Уделяет внимание укреплению комсомольских организаций рот, повседневно с ними в связи. В боях смел и отважен... За хорошую работу и проявленное мужество в боях Охтов награжден медалью «За отвагу» и орденом Красного Знамени...»

Спросил у Муссы, за что он получил орден Красного Знамени. «У нас, черкесов, есть такая поговорка, — начал он свой рассказ, — когда приближается время их гибели, мухи начинают остервенело жалить. Так и немцы. Поняв, что их время маршевых побед уже проходит, наступает пора расплаты, участвовали свои атаки.

А в день моего пребывания в батальоне особенно ожесточились бои. Редели ряды бойцов, силы иссякали. Несколько командиров подразделений были ранены. Батальон оказался почти в окружении. Тут я через комсомольский актив поднял всех бойцов в решительную схватку, и мы опрокинули наседавших гитлеровцев. За этот бой многие бойцы и командиры были удостоены правительственных наград. В их числе и я».

М. Охтов участвовал в боях за освобождение Кавказа. Части его дивизии с боями шли по направлениям городов Георгиевск, Ставрополь, Тихорецк, Краснодар, станица Крымская...

За проявленное мужество в Корсунь-Шевченковской боевой операции он удостоился ордена Отечественной войны 2 степени. Фронтowymi дорогами дошел до Карпат. Отсюда его направили на учебу в Высший военно-педагогический институт, который он окончил по программе военного времени.

С апреля 1945 года в 376-й стрелковой дивизии, воевавшей на территории Германии, Охтов, в должности командира отдель-

ного учебного батальона, участвовал во взятии Берлина. Войну закончил в Чехословакии.

«А чем мог бы закончиться «инцидент» с Кучуком Шурдумовым, не заговори он по-черкесски?» – полушутя, полусерьезно спросил Муссу Хакячевича.

«Трудно сейчас судить об этом. В молодости, как многие, я был очень взрывным. Не зря же меня товарищи сравнивали со жгучей растительностью – перцем. А тут вдруг меня окрестили «дезертиром». Мы с Кучуком в кругу друзей не раз вспоминали об этом «знакомстве» и в моем ауле Бесленей, и в его родном ауле Зеюко. Был он большой весельчак, шутник и заводила помимо всех его мужских и чисто человеческих достоинств».

После войны М. Охтов – на ответственных должностях партийной, советской и хозяйственной работы. Сейчас на заслуженном отдыхе, пользуется большим авторитетом в своем ауле и районе.

Путь на Черкесск

132-й минометный полк с боями дошел до Пятигорска. Здесь должны были придать батарее полка воинским частям дивизий для дальнейшего наступления в разных направлениях. Первоначально планировалось направить батарею капитана Шурдумова для поддержки воинского подразделения, нацеленного на Курсавку. Но его огорчения оказались преждевременными. Командир полка сделал перераспределение, и его батарея придавалась части, наступавшей на город Черкесск.

Из воспоминаний майора С. Воеводина: «В боях за Черкесск Шурдумов снова отличился. Минометные расчеты, которыми он командовал, уничтожили несколько вражеских огневых точек, десятки солдат и офицеров противника».

Так, в составе 295-й стрелковой дивизии 17 января 1943 года он со своими батареями внес вклад в освобождение родного Черкесска, в котором учился, а в последующем – жил, работал. В семейном альбоме Шурдумовых хранится фотография, снятая в день освобождения Черкесска, на которой запечатлены капитан Шурдумов и его заместитель по политчасти ст. лейтенант К.Б. Багдасарян.

Успел он заехать в а. Зеюко, накоротке пообщался с матерью, родными и продолжил свой фронтовой путь.

Встречи в станице Некрасовской

К. Шурдумов после очередного ранения на Кубани, а он их получил четыре, т.е. каждый год войны – одна отметина, после излечения осенью 1943 года попадает в запасной полк, находившийся в станице Некрасовской Усть-Лабинского района Краснодарского края. Здесь тоже происходят неожиданные встречи с земляками.

В первый же день пребывания решил пройтись по станице. На одной из улиц у колодца увидел двух молодых женщин. По их одеянию решил, что они из южных районов. Попросил выпить.

«Пока я сделал 2-3 небольших глотка, – вспоминал Шурдумов, – слышалась адыгская речь. Я, держа ведро у губ, продолжал не столько пить, сколько прислушивался к их разговору. А он оказался адресован мне».

- Ой, бедненький, какой он худющий!

- Наверное, после ранений, или чем-то болен...

- Вот бы покормить его шашлыком из вяленной баранины с пастой, что мы привезли.

- Да медком бы еще майским с топленым маслом...

- Давай пригласим его на обед к нам!

- Ты что, незнакомого человека домой в гости?..

Услышав этот диалог, Кучук, улыбаясь, возвратил ведро и при этом спросил на своем языке: «Откуда, из каких мест вы девочки?»

Те, не ответив, схватили ведро и убежали, очевидно, застыдившись всего, что было сказано в адрес незнакомого военного.

Решил, что эти девушки наверняка приехали к кому-то из родственников, находящихся в запасном полку.

У кадровика в списках увидел фамилию Мисроков. Поинтересовался. Ответили, что он старшина дивизиона, зовут его Султаном Муссовичем. Сейчас где-то за двором занят хозяйственными делами.

Султан Муссович вспоминает: «За околицей нанятые мною местные женщины стирали, вернее, кипятили в бочках белье, а я просматривал свои «бухгалтерские» бумажки».

- Товарищ старшина, вас кличет какой-то капитан, — запыхавшись, выпалил прибежавший солдат.

- Иду, а навстречу — незнакомый капитан. Думаю, зачем я ему понадобился? Сближаемся, осматривая друг друга. Вижу, очень бледный, худой, светловолосый. Я вскинул руку под козырек и отрапортовал. Вместо ответного приветствия, он кинулся меня обнимать — только тут я узнал Кучука Шурдумова. Ведь мы с ним из соседних аулов и вместе учились в Черкесском педагогическом училище, — рассказывал Мисроков.

Дав задание своим помощникам, Султан пригласил Кучука к себе на квартиру, которую снимал у местного жителя вблизи казарм.

- Эй, вы дома? Принимайте дорогого гостя, — крикнул Султан, входя в хату.

- Дома, дома, — послышались в ответ женские голоса.

Когда в проеме уже открытой двери показался знакомый им человек, хозяйки с визгом и восклицаниями попытались выбежать из комнаты, но Кучук успокоил их.

- Теперь, мои сестренки, вы от меня не убежите. И будете меня угощать всем тем, чем обещали.

- А почему ты сразу не сказал, что адыг? — с укором и обидой спросили девушки у гостя.

- Если бы я это сделал, вы постарались бы спрятать все яства, что привезли своему брату, за которыми я так соскучился... Теперь я буду спокойно находится у вас, зная, что будет появляться на моем, как гостя, столе. И не дай Бог пожадничаєте, не стерплю, обижусь, — отшучивался Кучук.

Султан сообщил, что днем раньше прибыл в полк Абубекир Богатырев, их земляк, однокурсник по педучилищу, ныне — младший лейтенант, артиллерист.

Языковый барьер

Когда остались вдвоем, Султан поведал Кучуку о странностях Абубекира: «Я с радостью тянусь к нему пообщаться, а он сторонится, будто меня не знает. Я с ним на черкесском языке объясняюсь, а он не впопад отвечает на русском». «А ты не догадываешься, в чем дело?» — спросил Кучук, улыбаясь.

Султан покачал головой, пожал плечами.

«Ты же остролов, любитель придумывать шутки-насмешки о человеке. Вот он и побаивается стать объектом твоих проделок. Он в армии и на фронте уже давненько. От своего языка немного поотвык. Я тоже нечто подобное ощущаю. Произнеси он что-нибудь в искаженном виде, ты же примешь на свое вооружение и пошел-поехал он по миру с твоей «наклейкой»...

- Неужели поэтому? — недоуменно спросил Султан.

- Поверь, что это так. Из писем из дому я уже в курсе, что некоторые фронтовики, возвращающиеся домой по ранению, притворяются забывшими свой родной язык и даже перед стариками и старухами не прочь блеснуть знанием русского языка. Некоторые «забывают» название предметов обихода. О таких «забывчивых» уже и частушки сочиняют девчата.

- Знание русского языка для нас, горцев, великое счастье. Но его усвоение не должно идти в ущерб родному языку. Ты не беспокойся, он у меня заговорит, как положено, только надо подумывать, — пояснил Кучук.

Потом были встречи и с Абубекиром. В запасном полку режим был не особенно строгим. После одного обеда у Султана Кучук предложил прогуляться в сторону Лабы и, если позволит погода, попробовать искупаться. Шли все вместе: Султан с Абубекиром несколько впереди. Когда стали подходить к обрыву реки, Кучук на своем языке крикнул Султану: «У обрыва отойди в сторону, я выстрелю в Абубекира, а ты потом столкнешь его вниз...»

И тут же на чистейшем черкесском языке Абубекир поэтично произнес: «Вы посмотрите, какая великолепная панорама открывается нашему взору... Только жаль, что прохладновато купаться».

- Ага, испугался и сразу язык твой развязался...

А он спокойным тоном:

- А главное, — продолжил он, — у меня теперь есть надежные свидетели в лице наших сестренек Розы и Тезады, которые не позволяют людям верить в твои козни, шутки-прибаутки.

Так, изможденные тяготами жесточайшей войны, израненные пулями и осколками, друзья позволяли себе порой и пошутить, когда для этого выпадало время. Все они были молоды...

Но времени для беззаботной жизни так было мало...

Когда Абубекира провожали вновь в его родную 18-ю армию, Султан, не вытерпев, все же сказал ему: «Вернемся домой после войны, все равно везде и всюду буду рассказывать, что на фронте из твоей головы вышибли родной материнский язык».

- А если я погибну?..

- Если ты погибнешь, не дай Аллах этому случиться, то каждый раз это будет поводом добрым словом вспомнить тебя, нашего дорогого однокашника, друга и земляка.

Султан Муссович рассказывал, что Абубекир, возвращаясь после войны домой в свой аул Жако, сделал остановку в Хабезе. Наведался в старенькую чайную в центре аула, являющуюся своего рода клубом встреч фронтовиков и не только их, спросил шеф-повара Залима Тутова, большого шутника и балагура, тоже фронтовика: «Вернулся ли Султан Мисроков и не рассказывал ли он что-либо обо мне?»

«Он заходит, — ответил тот, — но ничего о тебе плохого не слышал...»

От солдата до лейтенанта

Абубекир Таубиевич Богатырев был призван в Красную Армию в феврале 1940 года. Служил в гаубично-артиллерийском полку 74-й стрелковой дивизии СКВО в городе Краснодаре. Как бойцу-отличнику в мае 1940 года ему присваивают звание младшего сержанта. 22 июня 1941 года вступил в бой командиром отделения разведки 1-го дивизиона этого же полка и дивизии, которые к этому времени были переброшены в район города Бельцы, что в Молдавии.

В составе 18-й армии Черноморской группы войск, защищая Кавказ, был ранен, участвовал в его освобождении в звании младшего лейтенанта в должности командира взвода разведки, командира взвода управления 26-го отдельного пушечно-артиллерийского полка 18-й армии Черноморской группы войск, затем и Северо-Кавказского фронта. Освобождал Новороссийск и другие прибрежные города.

В составе 881-го артиллерийского полка 279-й стрелковой дивизии 51-й армии в звании лейтенанта и в должности начальника разведки дивизиона освобождал Крым, Прибалтику.

Офицерское звание он заслужил своим ратным трудом, старанием и безукоризненным следованием воинской присяге. Учился военному искусству практически. И не случайно, что в его аттестации было записано: «...после переподготовки может быть командиром батареи...»

Его боевые подвиги отмечены двумя орденами Красной Звезды, медалью «За оборону Кавказа», другими наградами.

Вернулся домой в 1946 году. Учителем, избирался председателем районного народного суда, возглавлял отдел культуры, продолжительное время работал заместителем, затем и председателем райисполкома. Последние годы трудился в системе сельской торговли, занимая должность заместителя председателя облипотребсоюза. Всюду пользовался большим авторитетом и уважением среди тех, с кем доводилось работать, общаться. С его именем связано развитие промышленности, жилищное строительство Хабезского района и многие другие дела. Живет о нем добрая память и сегодня.

Старшина батареи

Султан Мисроков жаловался Кучуку Шурдумову, что его не отпускают на фронт и многочисленные рапорты остаются безответными.

Случилось так, что в бытность К. Шурдмова в запасном полку приехал из его родного 132-го минометного полка майор за пополнением. Таких посыльных обычно именовали «покупателями». Кучук Аминович уговорил командование полка, и Султана Мисрокова откомандировали вместе с майором. А полк в эту пору занимал боевые позиции на Таманском полуострове, готовясь к штурму Крыма. И так случилось, что С. Мисрокова назначили старшиной батареи, которой командовал капитан Шурдумов.

Служба его здесь началась с того, что ночью его провели по берегу, вначале держась за протянутый провод, потом по окопам и траншеям до расположения полка. Вручили автомобиль-полуторку с выбитыми стеклами, изрешеченным осколками кузовом и приказали на ней обеспечивать батарею снарядами и прочим необходимым. Так старшина Мисроков вновь оказался на фронте. Хотя новичком его вряд ли назовешь. Будучи с 1940 года на кадровой военной службе, он окончил артиллерийскую полковую школу, за-

тем поступил в Ленинградское военно-авиационное училище, но проучился всего три месяца – началась война. На пятый день его воинская часть была уже на границе Эстонии и встретилась с наступавшими немецкими войсками. Отступал с боями на ленинградском направлении, был ранен. После излечения участвует в боевых операциях по защите Кавказа. Под городом Грозным, в так называемой Чеченской балке, вновь в декабре 1942 года ранен и попадает в госпиталь города Махачкалы. По излечении, из Дагестана его направляют в запасной полк в неизменной его должности – старшины. В составе 132-го минометного полка, позже преобразованного в 29-ю отдельную бригаду, – старшиной батареи, а затем и дивизиона С. Мисроков воевал до Дня Победы. Освобождал Крым, территорию Прибалтики, которую с сердечной болью оставляли противнику в начале войны, и завершил войну в Восточной Пруссии. Вернулся домой в 1946 году со многими боевыми наградами и благодарностями.

С. Мисроков и сегодня с большим восхищением вспоминает и рассказывает людям о том большом непререкаемом авторитете, которым пользовался в минометном полку капитан Шурдумов. В своем ратном деле старшина старался так, чтобы не заслужить какого-либо упрека в свой адрес со стороны командиров и этим не очернить авторитет своего славного земляка.

В мирные дни Султан Муссович учительствовал, был на партийной и руководящей хозяйственной работе, продолжительное время сотрудничал с редакцией областной газеты на черкесском языке, в которой регулярно печатались его очерки, рассказы о героях Великой Отечественной войны. Он был большим знатоком и пропагандистом горских обычаев и традиций, в том числе и героических, сказителем-песенником, бессменным участником фольклорного ансамбля своего района.

Зигзаги фронтового пути

Несколько не повезло Шурдумову в том плане, что его не вернули в свой полк, а направили в другую воинскую часть. В армии, а тем более на фронте, не всегда считаются с желанием, а посылают туда, где офицер более всего нужен.

Непродолжительное время он был командиром отдельного минометного дивизиона 5-го гвардейского кавкорпуса 4-го Укра-

инского фронта, затем – начальником артиллерии 57-го стрелкового полка 20-й гвардейской стрелковой дивизии 3-го Украинского фронта. Какое-то время преподавал курс артиллерии в учебной батарее командующего артиллерией 37-й армии этого же фронта. Завершил он войну помощником начальника артиллерии по оперативной работе 34-го стрелкового корпуса этой же 37-й армии. Последнюю точку в своей фронтовой биографии поставил в Болгарии.

В мирные дни Кучук Аминович Шурдумов трудился на высоких постах в районных и областных партийных, советских органах, последние годы редактировал областную газету на черкесском языке. Будучи пенсионером, избирался секретарем журналистской организации области. Все, кто его знал, всегда добрым словом вспоминают его за добропорядочность, честность и большую человеческую скромность.

Так продолжали свой боевой путь защитники Кавказа, встретившиеся в запасном полку в станице Некрасовской земляки по Хабезскому району, однокашники по школе крестьянской молодежи и Черкесскому педагогическому училищу капитан Шурдумов, лейтенант Богатырев, старшина Мисроков, а также минувший этот запасной полк капитан Охтов.

Верные воинской присяге, традициям предков по неотступной защите своего Отечества, своего очага от чужеземных захватчиков, с честью обороняли и освобождали родной Кавказ, обогатив его своей кровью, изгоняли врага с территории нашей страны и участвовали в освободительных походах за ее пределами.

Как упоминалось выше, за проявленный героизм при обороне Кавказа удостоились высокой награды – ордена Красного Знамени – капитан Кучук Аминович Шурдумов и капитан Мусса Хакячевич Охтов. В ряду с их именами можно назвать и минометчика-разведчика из аула Эльбурган этого же района Умара Харцизова, который отличился в боях по защите города Нальчика, был награжден орденом Красного Знамени. Он, как и Кучук Шурдумов, – участник боев за освобождение Черкесска. Наступая со своим взводом в авангарде полка, на окраине города обнаружил казарму со спящими немцами, они бесшумно сняли часового, а затем и дневального, забрали оружие, а самих фашистов в количестве более 100 человек взяли в плен.

Обороняли Кавказ и освобождали его от захватчиков и многие другие хабезцы.

Так, в бою за Псаучье-Дахе отличился командир роты, старший лейтенант Магомет Майлов — житель соседнего аула Абазакт. Немцы упорно удерживали мост через реку Малый Зеленчук. Он вывел свою роту во фланг и вынудил их отступить.

Лейтенант Нахушев, земляк Майлова по Абазакту, командуя взводом связи 808-го стрелкового полка, оборонявшего Марухский перевал, в неимоверно трудных горных условиях надежно обеспечивал связь.

Есть у хабезцев кем гордиться, с кого брать пример.

Как убедился читатель, и на фронтах Великой Отечественной войны были неожиданные встречи земляков из одного района, которые оставляли неизгладимые впечатления у них на всю жизнь. И эта повесть — документальное свидетельство тому.

Солдатский обед у замминистра

Являясь руководителем республиканского общества охраны памятников истории и культуры, а также председателем общественной комиссии республиканского совета ветеранов по увековечению памяти защитников Отечества, я часто по роду своей деятельности встречаюсь с фронтовиками. Уже немало документальных очерков опубликовал о них. А сегодня мне хочется поведать об очень скромном, но активном участнике Великой Отечественной войны Ахмеде Хаджибекировиче Озове, моем земляке из аула Инжиц-Чукун.

В январе 1943 года, когда Ахмеду еще не исполнилось восемнадцати лет, он, как и тысячи сверстников, был призван в Красную Армию. Как и было положено молодому бойцу, прошел курс обучения, затем был направлен в состав 26-й гвардейской Краснознаменной Севской механизированной бригады в качестве стрелка-автоматчика. Воевал на территории Польши, Германии, дошел до Дрездена.

В первые майские дни 1945 года шла подготовка к торжествам по случаю разгрома фашистской армии. В канун 9 мая по приказу командования 26-я бригада отправляется на выручку восставшей Праги. Здесь старший сержант, командир отделения Ахмед Озов после разгрома оставшихся противников поставил для себя последнюю точку в войне.

О боевых заслугах нашего земляка можно написать не одну книгу, мне же хочется сегодня рассказать об одном эпизоде, который произошел в Будапеште с Озовым и его друзьями.

По завершению пограничных проблем двух стран 26-ю бригаду перебросили в Венгрию, в город Сегед, что находится вблизи с Румынией. Вскоре группе бойцов во главе со старшим сержантом Ахмедом Озовым было дано спецзадание вернуться на прежнее место дислокации в Австрию, на двух машинах «студебеккер» перевести техническое оборудование. Срок командировки был определен — четверо суток, на такое же время был выдан и продовольственный паек, соответственно километражу дали и горючее. Груз был получен, но уже на обратном пути случилось непредвиденное. В Будапеште, через который шел маршрут нашей бригады,

шел ремонт моста, и группа вынуждена была задержаться на двое суток.

Вернувшись в свою воинскую часть, Озов как ответственный за выполнение боевого задания тут же был допрошен оперативным работником, с которым у него состоялся следующий диалог:

- Ну, рассказывайте, старший сержант, как вы мародерствовали в Будапеште и поэтому не уложились в утвержденный срок командировки.

- Никак нет, товарищ капитан! — Озов сначала было растерялся: с чего бы этот неожиданный вызов и допрос, но тут же собравшись с духом, четко отрапортовал: «Задание командования мы выполнили, а задержка произошла из-за неисправности моста, через который лежал наш маршрут. По другому пути мы двигаться не могли, так как горючее выдали без запаса, и мы не смели рисковать из-за опасения не доехать до конечного пункта. Ну, а что касается мародерства, то ничего подобного себе не позволяли. Просто зашли перекусить на квартиру к венграм».

- Просто зашли, как к теще на блины? — повысив голос, произнес опер. — Вы за старшего группы из четверых военнослужащих. Как вас угораздило вламываться в неизвестную квартиру и хозяйничать там? Забыли о постановлении Госкомитета обороны от 27 октября 1944 года об установлении правильных отношений Красной Армии с венгерским населением, в котором говорится о необходимости установления нормальных отношений с населением этой страны, а не с теми, кто воевал против нашей армии? Вы же понимаете, товарищ Озов, к какому межгосударственному скандалу могут привести подобные непродуманные поступки?

- Да, товарищ капитан, понимаю. Но ситуация была безвыходной. У нас ни терпения, ни времени не было, чтобы ждать приглашения.

- За такие дела под трибунал пойдете, — распалялся офицер-оперативник, — рассказывайте все, как было! Старший сержант Егоров уже дал показания. Слушаю вас, Озов!

...Сегодня, спустя почти шестидесятилетие, Ахмед Хаджибекирович вспоминает тот допрос с улыбкой, но тогда, в 45-м, он чувствовал себя по-другому. Вот точный пересказ того злополучного случая в Будапеште:

«То, что мы должны доставить спецгруз в конкретный срок, я понял потому, насколько строго был отдан приказ, а по упаковке тех тяжелых ящиков стало ясно, что этот груз очень ценен. Поэтому к заданию отнесся со всей ответственностью. Мы глаз не спускали с этих ящиков и машины гнали без остановки».

Сухие пайки, выданные нам, были строго рассчитаны, как и горючее — ровно на четверо суток. И когда мы на вторые лишние сутки, стоя у ремонтируемого моста, почувствовали, что терпеть голод стало уже невыносимо, тогда я принял отчаянное решение добыть еду для солдат любым путем. Но ни о каком мародерстве мы и не помышляли, понимая, что находимся среди мирного населения.

Отдав приказ двум солдатам-шоферам охранять груз и оставив им свой автомат, мы с Сашей Егоровым направились к ближайшему многоэтажному дому. Первая попытка быть приглашенными в гости оказалась безуспешной. Тщедушная пожилая женщина с первого этажа, кое-как уразумев о нашей нужде, жестами указала на второй этаж, объяснила нам, что на венгерское хлебосольство мы можем рассчитывать у более обеспеченных хозяев. Мы воспользовались ее советом и позвонили в дверь указанной квартиры. На пороге появилась дородная дама и спросила о причине нашего визита. Мы ей объяснили, что просимся к ним в гости, она же попросила зайти через пару часов и захлопнула перед нами заветную дверь. Переглянувшись с Егоровым, мы отступили, но нашего терпения хватило на полчаса. Новая попытка испытать радушие хозяйки повторилось. Она открыла дверь и заявила: «У нас гости». «А мы что, не гости для вас?» — был наш ответ, а Саша очень легонько стволом автомата отстранил даму от двери, и мы вошли. Оказавшись за порогом квартиры, мы обомлели, но не от увиденного, а от благоуханных запахов, которые струились из глубины роскошной залы. Осмотревшись, мы увидели огромный стол, заставленный самыми разнообразными яствами, и это нас очень обрадовало. За столом было много людей, застывших, будто истуканы.

Мы попросили их освободить для нас край стола, но ответа не последовало. Тогда Саша рявкнул: «Встать!» Они, переглядываясь, стали уточнять друг у друга, что значит это командное слово, но требовательный и зычный голос моего однополчанина, ви-

димо, так напугал сидевших за столом, что они тут же вскочили и замерли. А после того, как увидели, что мы мирно принялись за трапезу, они успокоились, присели и с глубоким, как нам казалось, уважением смотрели на солдат, с удовольствием поглощавших пищу.

Ну, как этот случай можно назвать мародерством, если мы всего лишь пообедали, взяли немного продуктов с собой для наших голодных солдат и, извинившись перед участниками застолья, поблагодарили хозяйку на всех известных нам языках, включая и мой родной абазинский, вежливо попрощались и ушли? А ведь в словаре С. Ожегова слово «мародер» трактуется как «тот, кто грабит население в районах военных действий, а также убитых и раненых на полях сражений, грабитель».

Оперативные работники не смогли наш поступок подогнать под статью Уголовного кодекса военного времени. Однако безнаказанными нас не оставили, трое суток мы все вчетвером отсидели на гауптвахте. Но и на этом наше воспитание не закончилось. Вскоре провели большое армейское совещание, куда были приглашены и мы. При обсуждении чрезвычайного происшествия с нашим участием выслушивали наиздание офицеров и генералов. По-разному отнеслись к нам и нашему поступку выступавшие: одни с напускной строгостью, другие — с улыбкой, равнозначной благодарности нам за солдатскую находчивость и предприимчивость в критические периоды службы.

Словом, командному составу и политработникам дали понять, что надо лучше воспитывать свой контингент и не допускать подобных происшествий. А вот чрезвычайными наши действия в Будапеште можно было назвать потому, что мы трапезничали в квартире заместителя министра иностранных дел только что сформировавшейся Венгерской Народной Республики. И пока мы там находились, кто-то записал номера наших автомашин и сообщил в военную комендатуру, где в это время был Маршал СССР К. Ворошилов, от имени которого были посланы телеграммы с требованием найти и наказать виновных.

После этих событий мы на некоторое время стали объектом солдатских шуток и поддевок. Но длилось это недолго. Вскоре нашу бригаду вновь перевели в Германию, в город Дрезден, и

здесь расформировали. Часть техники и личный состав отправили на восток для участия в разгроме японской армии».

Вот о каком курьезном случае мне рассказал Ахмед Хаджибекирович. Для дальнейшей службы его оставили в Германии. Определили в специальную роту по охране особых объектов в качестве помощника командира роты. Дважды с группой бойцов он побывал в Лейпциге, где охраняли павильон СССР на международной ярмарке, несколько раз сопровождал спецгрузы до города Бреста.

Старшина А.Х. Озов честно и добросовестно исполнял свой долг перед Родиной и в мирные дни. Со множеством благодарностей за отличную службу он вернулся домой в 1950 году, а «будапештский подвиг» в его военной биографии отрицательной роли не сыграл.

Работал Ахмед Хаджибекирович председателем спорткомитета Хабезского райисполкома, затем более 20 лет был инструктором, главным бухгалтером областного спорткомитета. Много усилий приложил к расширению сети детско-юношеских спортивных школ, укреплению материальной базы спорта нашего региона. Он понимал, что армии нужны физически крепкие юноши, и все делал для того, чтобы подготовить достойную смену.

Судьба свела Мусоста Такушевича Койчуева из села Важное и Кунацу Хаджиметовну Шенкао, жительницу Старокувинского, в 1934 году. Как своего родного приняла Кунаца и сына Мусоста — Ибрагима. Одарила его своей материнской любовью и повседневным вниманием. Нашла общий язык с младшим братом и сестрой мужа, которые по различным житейским причинам обзавестись семьями не успели. Были годы коллективизации, затем и тридцать седьмой год, когда Мусоста Такушевича необоснованно обвинив, сослали в Коми АССР. В это время Нине, их дочери с Кунацей, сравнялось восемь месяцев. Брат и сестра дали зарок заняться личной судьбой только после возвращения Мусоста...

В отсутствие мужа Кунаца Хаджиметовна взяла на себя роль главы семейства. Койчуевы трудились в местном колхозе. Ибрагим посещал школу, а в дни каникул тоже помогал взрослым. Но разразившаяся война расстроила мирную жизнь сельчан. Уходили мужчины один за другим на фронт. Пришел черед и Ибрагима. Его призвали в начале сорок второго. Вслед за этим семья получила известие о смерти Мусоста Такушевича. Но Кунаца и в этом большом горе не опустила руки, делала все, чтобы поддержать очаг семьи на уровне.

Утро первого ноябрьского дня 1943 года началось для нее обычно, в хлопотах по дому.

— Кунаца, — вдруг послышался из соседней комнаты голос деверя, — по-моему кто-то стучится в калитку. Наверное, горе-вестник с сообщением о полученной похоронке на кого-либо из близких. Посмотри, пожалуйста, я сейчас выйду...

Не успел он еще собраться, как уже послышались мужские голоса и тут же появились трое военных. Пророческими оказались его слова. Это были действительно горе-вестники. Они принесли сообщение о выселении карачаевского народа из родных мест...

Старший из пришедших — офицер — стал объяснять о порядке подготовки к отъезду, отводимом времени на сборы и т.д. Тут он обратил внимание на солдатское письмо Ибрагима. Развернул треугольник, стал читать про себя.

«Дорогие мои (поименно следовало перечисление), — говорилось в нем, — пишу вам письмо из города Фрунзе, где нахожусь

на излечении в госпитале. Чтобы не огорчать вас, я не писал вам подробно обо всем. Дело в том, что в июле 1943 года на Курской дуге вражеские осколки опять подцепили меня. На сей раз, рана оказалась тяжелее, чем та, которую я получил в декабре 42-го под Малгобеком и лечил ее в госпитале в городе Тбилиси...»

Офицер, прервав чтение, стал внимательно рассматривать лист бумаги, вложенный в письмо. На нем красным карандашом были начертаны контуры изуродованной кисти левой руки Ибрагима: обозначены лишь мизинец и безымянный пальцы, срез остальной части кисти. Какое-то время он еще держал этот лист бумаги, но почему-то глядел отрешенно куда-то в сторону. Казалось, в этот момент он представлял, каким образом вражеский снаряд или мина разорвались, и осколки поранили руку солдата. Потом, страхнув эти тяжкие раздумья, вернулся к письму и дочитал его:

«Дорогие мои, — писал Ибрагим, — наверное, после октябрьских праздников меня комиссуют и отправят домой, так что ждите скорой встречи...»

А о том, что скорая встреча не состоится, автор письма не мог и предположить. Но об этом хорошо знал тот, кто прочитал письмо. Он вложил письмо в треугольник. Обратился к хозяевам дома:

— До вечера воздержитесь от подготовки к отъезду. Если кто побеспокоит вас, то скажите, что это мое распоряжение. Он назвал свою фамилию.

Военные ушли. Семья осталась в растерянности: готовиться или ждать. И все же Кунаца Хаджиметовна потихоньку стала укладывать в сундучок все ценное, собирать одежду, обувь. А деверь и золовка только и наблюдали за этим занятием, обливаясь слезами. Уже шли по селу, надрывно гудя моторами, грузовики, слышны были причитания отъезжающих женщин, стариков, плач детей, а также утешительные напутствия провожающих жителей села. Считали, что все это недоразумение...

— Придется вам готовиться к отъезду, — начал офицер. — Поедут все взрослые (при этом он указал на деверя и золовку), к сожалению, и ваш Ибрагим тоже по возвращении отправится к месту переселения всех. Останетесь вы, — глянув на Кунацу Хаджиметовну, — с малолетней дочерью, поскольку по паспортным данным

вы – абазинка и не подлежите переселению. Да и супруга вашего нет в составе нынешней вашей семьи.

Услышанное словно молнией пронзило. Не могла она даже мысленно представить, чтобы члены семьи, ставшие настолько родными, оказались где-то на чужбине, а она сама осталась в селе Важном.

- Нет, и не говорите, сердце мое не допустит оставить людей, которые мне дороги, – заявила она военным. – Отпустить этих двух уже немолодых, беспомощных людей на произвол судьбы? Да еще потерять искалеченного войной сына, которого не родила, но для меня ставшего таким же родным, как и эта моя дочурка? Ни за что! Буду делить с ними неожиданно грянувшую беду.

Военные с пониманием отнеслись к ее твердому решению и не стали возражать. Они же помогли собрать, упаковать вещи. Помимо всего необходимого по их рекомендации упаковали сепаратор, швейную машинку. Один из солдат помог уложить игрушки Нины в коробку.

На следующее утро погрузили вещи в подошедший грузовик и отвезли семью на железнодорожную станцию. Военные помогли переместить весь скarb в вагон. Эшелон тронулся и взял курс в неизвестном для его пассажиров направлении.

Тем временем Ибрагим 12 ноября 1943 года получил предписание Ворошиловского райвоенкомата города Фрунзе за подписью старшего лейтенанта Шурдулавы: «Предлагаю выбыть 13 ноября 1943 года в распоряжение Усть-Джегутинского райвоенкомата Карачаевской автономной области». И он, не зная ничего о случившемся, отправился на родину. А эшелоны с его земляками-переселенцами один за одним шли в направлении тех краев, откуда он только что выехал...

Вспоминает Ибрагим Мусостович Койчуев (он живет в селе Важном Усть-Джегутинского района):

- 11 декабря 1943 года, войдя во двор, почувствовал какую-то опустошенность. Подхожу к дверям дома, вижу начертанную мелом цифру «76». Захожу в коридор и подаю голос – тишина. Заглянул справа в комнату, где обычно находились женщины – никого нет, в другую – тоже пусто. Увидел на печи скомканное детское платьице... Можно сказать в беспамятстве уронил свой чемодан, выскочил на улицу. Безлюдно, словно вымерло село... Пом-

чался в сторону колхозного правления и сельского Совета. Опомился, когда на пороге передо мной оказался солдат. Говорю ему: «Правление или сельский Совет должен быть здесь».

- Нет, – отвечает солдат, – здесь военная комендатура, а то, что вас интересует, в другом здании. Если хотите, я проведу вас к коменданту...

Офицер, сидевший за столом, очевидно, сразу обратил внимание на мое возбужденное состояние, на какую-то отрешенность в лице, предложил сесть, протянул коробку «Казбека».

- Не курю, – ответил я. Он стал расспрашивать, откуда и каким образом в такую рань оказался здесь.

- Вначале вы мне объясните, где моя семья? – перебил я.

Вместо ответа он достал из стола какую-то бумагу и дал почитать. В ней излагались «мотивы», согласно которым карачаевский народ подлежит выселению. Мне показалось, что земля разверзлась у меня под ногами, и я лечу в какую-то бездну, в голове – гул, а сердце бьется так, что кажется, сейчас выскочит из груди...

- Выходит, я изменник Родины? – резко спрашиваю офицера.

- Да нет же, вы успокойтесь, вас никто в этом не обвинит. Вы, я вижу, совсем молоды, но уже успели на фронте побывать, кровь свою пролить в схватке с ненавистным врагом, – довольно мягко заметил он. – Это же правительство такое решение приняло... Вы, товарищ, лучше скажите, чем вам помочь?

- Надо мне перевязку руки сделать.

- Хорошо. Я сейчас провожу вас в медпункт. И баня у нас есть, и белье вам выдадим...

- Мы вышли со двора, – продолжал вспоминать Ибрагим Мусостович, – навстречу женщина с ведрами. Поравнявшись с нами, приостановилась:

- Подождите, подождите, – обращаясь к офицеру, растерянно проговорила она, – кажется этот парень наш, но сразу не вспомню чей...

- Сын Кунацы, – напомнил я ей.

Тут же она швырнула в сторону ведра, коромысло. С плачем бросилась ко мне, стала тискать в объятиях, целовать. На шум прибежали соседки и те, кто возвращался с Кубани с водой – тоже

влились в хор плачущих. Я оказался в их плотном кольце, в полной растерянности.

- Да мы же только стали приходить в себя после страшной трагедии с высылкой ваших. А ты своим приездом, дорогой Ибрагимущка, напомнил о беде нашей и вашей, растревожил раны наших душ, — громче всех голосила одна из них...

Оставшиеся в селе Важном русские трагедию карачаевцев воспринимали, как свою. Наблюдавший эту трагическую сцену комендант стоял с поникшей головой.

- Вы идите, пожалуйста, к себе, я успокою женщин и вернусь к вам, — сказал я ему...

Настойчивее всех оказалась жена Андрея Степановича Прудникова — бессменного колхозного завхоза (в армию он не призывался по состоянию здоровья). Она повела к себе домой Ибрагима. И все полтора месяца, пока соответствующие органы выясняли место пребывания его семьи, он жил у них, окруженный вниманием и заботой. Такое же отношение он испытывал и со стороны других сельчан. Жена Прудникова, заведовавшая местной почтой, сообщила Ибрагиму, что у нее накопилось около десятка писем фронтовиков. И некому их вручать — семьи высланы. Ибрагим по праву фронтовика решил прочитать все эти письма и дать на них ответы с сообщением о трагедии.

Настал и день расставания Ибрагима с родным селом, с родными местами. Всем селом провожали его. Колхозники постарались снабдить его впрок продовольствием. И солдат-фронтовик инвалид 2 группы Ибрагим Мусостович Койчуев, которого недавно провожали из Средней Азии как героя — защитника Родины со словами благодарности и добрыми напутствиями, теперь возвращался туда же уже в качестве спецпереселенца, подозреваемого в неблагонадежности... Всякие мысли появлялись в его голове. Многого пришлось пережить, передумать и осмыслить в долгой дороге. И твердо решил, что выбравшийся живым из ада Курской битвы хотя и калекой, должен жить, и не только жить, но и бороться за правду, за справедливость. Было ему в ту пору всего лишь 20 лет.

Трудно шел процесс акклиматизации Койчуевых в селе Полторацком Сарачанского района Южно-Казахстанской области. Не тот воздух, не та вода, к которым привыкли. Все взрослые вклю-

чились в работу в колхозе «Красный восток». Трудно было с продуктами питания. Вот тогда-то и пригодился сепаратор. За пользование им местные жители «платили» молоком. Кунаца делилась с остроножающимися семьями земляков. Кроме того, Кунаца Хаджиметовна умела шить. Это также стало источником небольшого дохода семьи.

И, наконец, состоялась долгожданная встреча с Ибрагимом. Отдохнув немного, он стал работать в колхозе. Пригодилось знание бухгалтерского дела. Ведь он закончил в Теберде накануне войны специальные курсы.

Спустя некоторое время Койчуевы купили себе домик, обзавелись скотом, птицей. После окончания войны и доходы от колхоза стали более ощутимыми. Словом, трудолюбивая семья стала вновь жить в достатке.

Канули в прошлое те тяжелые годы. Время осудило допущенные необоснованные обвинения в адрес целых народов и проявленное при этом беззаконие. Вернувшись в полном составе в село Важное, семья Койчуевых отряхнулась от всего пережитого. Ушли из жизни брат и сестра покойного мужа Кунацы Хаджиметовны. У Ибрагима выросли двое сыновей и две дочери. Их воспитанию много времени посвятила бабушка Кунаца. Нина, закончив педагогический институт, многие годы отдала школе. Есть у нее дети, внуки. Жила с ними и Кунаца Хаджиметовна. Просыпаясь по утрам, отправляясь ко сну, молилась она, чтобы на земле всегда был мир, чтобы люди никогда не видали, что такое война, с которой связаны смерть, горе и страдания людей. И еще об одном были ее молитвы: расти молодым добрыми, отзывчивыми и участливыми не только по отношению к близким, но и ко всем. Всемерно крепить дружбу народов нашей многонациональной страны.

Лиуан бежал по шпалам от того места, где прошлой ночью их семью вместе с другими депортированными карачаевскими семьями высадили из товарняков. Было это в Джамбульской области Казахстана в конце весны 1944 года. Он не запомнил название этой станции, скорее всего заброшенного полустанка.

Все с вещами стали перебираться за железнодорожную насыпь, чтобы спрятаться от сильного ветра. Мать Лиуана Нурхан, с трудом сделав углубление в песке, сложила туда вещи. Как квочка цыплят, она подобрала под себя всех троих детей, сверху набросила большую шерстяную шаль.

На утро ветер поутих, люди с трудом стали выкарабкиваться из-под песчаных холмов, образовавшихся за ночь в местах их укрытия.

Тех из попутчиков, которые заранее смогли телеграммами и письмами сообщить своим родственникам и знакомым, оказавшимся в этих местах в ходе массовой депортации в 1943 году, они забрали к себе. А многие, никем не встреченные, со своим домашним скарбом пешком отправились за ними.

Из-за сильного приступа радикулита мать Лиуана не смогла быстро подняться. А когда с большим усилием смогла это сделать, то увидела, что мало кто остался здесь из тех, с кем одолевали многотрудную дорогу.

- Ляля (так звала она Лиуана), сыночек, за этой маленькой станцией, наверное, должна быть большая. А там и люди. Иди и разыщи их, скажи, что мы из аула Инжич-Чукун, что в Хабезском районе Черкесии. Пусть о нас позаботятся, иначе мы пропадем.

Бежал он что есть мочи. А когда приблизился к вокзальной площади, увидел в военной форме человека. Лиуан достал из карманчика, пришитого изнутри рубашонки, фотографию самого старшего брата Рашида и бросился навстречу, держа ее в вытянутой руке:

- Дядя, посмотри, брат мой, фашистов бьет на войне...

Военный оказался фронтовиком, из-за лацкана шинели поблескивали какие-то награды.

Лиуан на ломанном русском языке стал рассказывать о своей горе. Этот военный, русский по национальности, внимательно выслушав его, предложил следовать за ним.

Подошли к комендатуре. Резким движением сопровождающий Лиуана открыл дверь одного из кабинетов. Он продолжительное и возмущенно объяснял его хозяину, тоже военному, ситуацию.

- Откуда вас выслали? – спросил хозяин, обращаясь к Лиуану.

- Из Черкесской автономной области.

- Кто по национальности?

- Абаза, абазинцы...

Заглядывая в какую-то бумагу, буркнул:

- Таких в списках переселенцев у меня нет. Ничего не знаю, езжайте, откуда приехали.

- Мама, мама, – задыхаясь от волнения, выпалил мальчик по возвращении, – дядя военный, комендант, сказал, чтобы мы ехали домой...

- Мои дорогие! Вернуться домой, разве даст нам покой Каракет – НКВД. Пять лет назад он арестовал вашего отца, и до сих пор от них ни слуху, ни духу. И уехать мы не сможем. Нет у нас никаких документов. Единственный выход из положения – это найти адрес моей сестры Акку и сообщить ей о себе. Она непременно придет и заберет нас.

А тем временем... (цитирую книгу «51-я армия», вышедшую в «Воениздате» в 1983 году, стр. 159): «Вражеские танки вклинились в боевые порядки 943-го полка, но его подразделения не отступили, дрались в окружении, ружейным огнем отражали атаку фашистской пехоты. В районе железнодорожного полотна отделение младшего сержанта, комсомольца Р.А. Агирбова подбило два танка, пулеметными очередями истребило две роты вражеской пехоты».

Об этом и других подвигах ее старшего сына Рашида Нурхан не узнает. Книга выйдет после ее смерти.

... С самого утра Нурхан внимательно смотрела вдоль железнодорожного полотна, надеясь на какую-нибудь оказию. День уже шел на убыль, когда заметила телегу, запряженную осликом. Мать настолько обрадовалась, что не стала торговаться с возницей, а сразу пообещала заплатить три тысячи рублей. Старик

одобрительно кивнул, и они положили вещи на тележку. Мать достала тугой сверточек и протянула ему деньги. И тут же, всхлипывая, запричитала на своем родном карачаевском языке:

- О, дорогой мой сынок Хапташ (так она звала старшего сына Рашида)! Хранила эти деньги для твоей свадьбы после возвращения с войны. А где и на что я их трачу теперь? За что, Аллах, такое наказание свалил ты на нашу семью? (Эти три тысячи рублей и благодарственное письмо на имя Нурхан прислала воинская часть, в которой воевал Рашид, и ей торжественно вручили накануне выселения).

Старик-казах понял смысл причитаний, растрогался:

- Не надо мне денег, я и так вас подвезу.

- Я и мои дети, которых ты видишь, благодарим Аллаха, что ниспослал тебя нам. И пусть эти деньги будут тебе впрок, как мо- локо твоей матери.

Против этих слов старик не мог возразить.

Лишь к закату солнца добрались они до села Михайловско- го, что в Свердловском районе Джамбульской области. Не имея определенного адреса, попросили старика довезти до рынка. И здесь под открытым небом провели ночь. А на утро, как раз был воскресный день, на базар стали съезжаться люди со всей округи. Здесь же оказались многие из ранее депортированных карачаевцев, уже имевшие пристанище, место работы. Через них Нурхан узна- ла, где живет ее старшая сестра Акку, и попросила сообщить ей, чтобы та приехала и забрала ее с детьми.

Из названной книги (на стр. 222): «Сержант Р.А. Агирбов со своим отделением оказался отрезанным от роты, но не растерялся. Через развалины вышел в тыл минометной батареи и, забросав ее гранатами, заставил противника сложить оружие».

...Акку не заставила себя долго ждать. В тот же день состоя- лась их встреча. В колхозе «Новая жизнь», где обосновалась Акку, и началась «новая жизнь» семьи Агирбовых в изгнании.

Всего пришлось хлебнуть Нурхан и ее малолетним ребяташ- кам: и голод, и болезни, и всевозможные унижения.

Без вины виноватыми, как семья Агирбовых, оказалось на чужбине немало семей из одного лишь аула Инжич-Чукун Хабез- ского района. Причина — один из членов семьи по национальности был карачаевцем.

В их числе семья Озовых. Мать Хаджат, урожденная Дот- дуева. Старший сын Магаруф погиб на фронте в 1941 году, о чем была получена похоронка. Следующий сын, Айса, по непригодно- сти к воинской службе был мобилизован на военный завод, где и трудился до дня Победы. Самый младший, Юсуф, 1926 года рож- дения, по мобилизации был назначен на военный завод, отсюда добровольцем ушел на фронт. С боями дошел до Чехословакии, 25 апреля 1945 года был ранен.

Чудом избежала геноцида и старуха Мукуят Лиева, урож- денная Байчорова, которая жила с дочерью младшего сына Исмаи- ла, пропавшего без вести в первые дни войны, — несовершеннолет- ней Баладжан. После смерти матери она воспитывалась у бабушки. Они обе подлежали высылке. Спас старший сын Джатсан, изреше- ченный пулями и осколками защитник Москвы, вернувшийся из госпиталя инвалидом.

Джужуев Сольман, работая в животноводстве колхоза, имел отсрочку по брони от призыва на фронт. Когда встал вопрос о вы- селении жены, он, не колеблясь решил ради нее и троих малолет- них детей вместе с ними уехать в изгнание. Все погибли в высылке, за исключением одного из сыновей.

Никто не учитывал, что отцы и сыновья указанных семей сражались на фронтах, защищая Родину, погибали во имя ее.

Подобных семей немало среди черкесов, ногайцев и других народов нашей республики. Хотя в результате ходатайства родст- венников, общественности многим разрешили вернуться на роди- ну несколько раньше, чем основному карачаевскому населению, они тоже понесли материальный и моральный урон, который дол- жен быть восстановлен, как и всем депортированным народам.

Завершая свой рассказ, хочу поведать о следующем.

Семья Агирбовых вернулась на родину без единственной в их семье девочки Зои, не выдержавшей суровых испытаний на чужбине. Рашид победно завершил войну, окончил с отличием военное училище, ряд лет служил в армии, затем многие годы ус- пешно трудился в системе потребкооперации, а затем — в нефтехо- зяйстве республики. Его младший брат Ади по мобилизации вос- станавливал шахты Донбасса, в мирное время работал машини- стом паровоза, хозяйственником на разных предприятиях. Лиуан успешно отслужил в армии, окончил Высшую профсоюзную шко-

лу. Уважаемым человеком он был в городе Карачаевске и Карачаевском районе и среди профсоюзного актива республики. Иналь стал кандидатом философских наук. Он долгое время работал в НИИ Карачаево-Черкесии, затем возглавлял кафедру республиканского института усовершенствования учителей.

О судьбе отца Агирбова Амина Шугаиловича ничего не было известно более полувека. И только в 1996 году, когда в майском номере газеты «Вечерняя Москва» начали печатать так называемые «расстрельные» списки, семья узнала всю горькую правду.

Это впервые были обнародованы имена жертв политических репрессий казненных и тайно захороненных в общей могиле под № 1 на Донском кладбище города Москвы. Ныне все они реабилитированы посмертно. Лишь в 60-е годы высшие судебные инстанции СССР опровергли все вымышленные преступления, из-за которых лишились жизни сотни тысяч безвинных людей. Обвинения были самые абсурдные.

В опубликованном списке указано, что Амин Шугаилович Агирбов, арестованный 9 февраля 1940 года, был расстрелян в этом же году 27 ноября.

Его жена Нурхан, пережившая с детьми все тяготы депортации, так и не узнала о судьбе мужа.

Джэндубаев Рауф Сольманович

Имена героев бессмертны
*Очерки о героях и участниках
Великой Отечественной войны*

Редактор
Корректор
Компьютерный набор
Компьютерная верстка -

Н.В. Ефрюкова
Е.М. Плуговая
М.С. Пазов
Г.С. Божанова

Подписано в печать 25.05.2007
Объем 15,8 усл. печ. л.
Тираж 500 экз.

**Издательство Карачаево-Черкесского
государственного университета**
369202, г. Карачаевск, ул. Ленина, 29
ЛР № 040310 от 21.10.1977

Отпечатано в типографии
Карачаево-Черкесского государственного
университета
369202, г. Карачаевск, ул. Ленина, 46